

Щигринов Александр Юрьевич

Фатум

будущее может быть разным

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Юрьевич Щигринов

Фатум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31733968

SelfPub; 2018

Аннотация

Современный мир не вечен, как не были вечны цивилизации прошлого. Есть ли у людей надежда выжить? И не просто выжить, а стать более развитыми, перейти на новую ступень эволюции? Перед героями данной книги ставится такой вопрос. А ответ на него – это не просто слова, а решения и действия, борьба, граничащая со смертью. Но что страшнее: гибель человека или гибель всего человечества? Содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
1. Игорь	4
2. Маша	16
3. Бродяги	21
4. Маша и Виктор	33
5. Игорь	39
6. Антон	46
7. Илья	55
8. Антон и Егор	59
9. Бродяги	66
10. Игорь	75
11. Илья и бродяги	85
12. Маша и Виктор	91
13. Игорь	105
14. Антон и Егор	109
15. Бес	121
16. Игорь	131
17. Антон, Егор, Бродяги и Илья	154
18. Виктор, Маша и Игорь	163
Конец ознакомительного фрагмента.	198

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Гроза

1. Игорь

Ключи со звоном упали на кафель тамбура. Игорь негромко выругался, с трудом нагибаясь за ними. После сегодняшней смены тело его ныло от усталости. А из-за дождя, льющего второй день напролет, обувь промокла насквозь, и как следствие: зуд в носу и периодический чих. Да, разгружать вагоны по ночам в такую погоду – это вам не занятие в шейпинг зале и уж тем более не йога. В пояснице что-то глухо хрустнуло. Игорь подобрал ключи и, стараясь не шуметь, открыл входную дверь своей квартиры.

Два часа ночи. Весь пролет спит давно, а тут грохот на полдома. Давно пора было положить перед дверью коврик с какой-нибудь банальной англоязычной фразой, типа WELKOM. Причем такой уже был куплен.

– Ладно, завтра, – вновь отложил Игорь.

За дверью, в квартире напротив, послышались шаркающие шаги. Игорь повернулся к ней. Раздался щелчок замка, и в открывшемся проеме появилась лысая голова Анатолия Викторовича, соседа по тамбуру.

– О, Игорь, это ты тут так шумишь?

– Да, Анатолий Викторович. Что-то вот ключи решили от меня побегать.

Игорь хотел было пойти к себе, но Анатолий Викторович, которого, похоже, вновь мучила бессонница, решил продолжить беседу.

– Ты с ночной что ли?

– Да нет, – отмахнулся парень. – Сегодня отсыпной. Решил подработать копеечку. С вокзала только.

– А-а, – протянул старик. – Вагоны. Понятно. Понятно.

Вообще, Анатолий Викторович был весьма боязлив, и его ночная беседа являлась следствием невероятной скуки и интереса к происходящему за дверью. Игорь был уверен, что в момент падения ключей, Анатолий Викторович, скорее всего мирно смотревший телевизор, испытал огромный выброс адреналина, а его сердце, и так пережившее инфаркт, подпрыгнуло к самому горлу и замерло там в непростом выборе: продолжить движение дальше или вернуться в свое прежнее состояние. Да и дверь он открыл, лишь убедившись, что за ней стоит Игорь.

– Анатолий Викторович, вы меня извините, но я спать. День сегодня был тяжелый. Да и самочувствие что-то не очень.

– Да-да, Игорь, спать в таком молодом возрасте нужно хорошо. Это я... – старик медленно выдохнул, а потом негромко хмыкнул, растягивая сухие тонкие губы в саркастической

улыбке. – Это я уже выпался, – закончил он тоскливо. И вновь слегка улыбнулся своей полустальной улыбкой. Часть зубов, вслед за волосами уже покинула свои места. А за неимением средств пенсионеру пришлось вставлять самые дешевые.

– Все, Игорь, не смею отвлекать. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Анатолий Викторович.

Дверь за стариком закрылась, и удаляющееся шарканье подтвердило, что пенсионер возвращается на свое теплое кресло. Игорь задержался у двери. Усталость вкупе с меланхоличным настроением заставили его на мгновение задуматься о ненасытности времени, которое пожирает жизни, переваривает их, превращая крепких сильных людей в старые развалюхи. Песок – это конечно метафора, но вот лысеющие головы и беззубые рты – это факт. И Анатолий Викторович являлся тому самым что ни на есть лучшим подтверждением.

Игорь зашел в квартиру. Прикрыл дверь, отгораживая себя от всего мира, но неожиданно замер, непроизвольно прислушиваясь к раздавшемуся в тамбуре шороху. Негромкое шарканье. Как будто, кто-то не спеша прошел по тамбуру к общей двери. Прошел медленно, и вроде как, слегка подволакивая ногу. Игорь прислонился к глазку. Никого.

– Правильно, никого. А кого ты ожидал увидеть? – задал он сам себе вопрос.

Напротив дверь Анатолия Викторовича. Старая дверь,

обитая дерматином. Наверное, такая же старая, как и сам пенсионер.

Игорь постоял еще мгновение, всматриваясь через глазок в видимую часть пустого тамбура. Ничего, только лампа дневного света тихо гудит и периодически мигает, то прибавляя яркости, то затухая. Парень перевел взгляд на дверь соседа и заметил, что глазок в двери Анатолия Викторовича будучи темным, неожиданно посветлел. Видимо пенсионер тоже смотрел в тамбур, а сейчас опять отправился к себе на кресло.

Старость. Шлындают туда-сюда. Сами не спят и других пугают.

Только Игорь не знал, что мгновением раньше, после разговора с ним, Анатолий Викторович, уже сидящий в своем мягком кресле, так же услышал четкое шарканье за дверью. Ну, услышал и услышал, и черт бы с ним, но тут раздался негромкий стук. Анатолий Викторович замер в кресле не в силах пошевелиться, в надежде, что стук ему показался, что это лишь старый мозг нарисовал в сознании звуки. Время застыло вместе с пенсионером. Даже картинка в телевизоре как бы замедлилась. Анатолий Викторович ждал. Стук раздался вновь, заставив пенсионера резко встать, но ноги опять остановились, будто прилипнув к полу. Анатолий Викторович, преодолевая оцепенение (чего ему бояться, ведь он у себя дома), двинулся к входной двери, с каждым шагом ощущая, как кровь в венах становится все гуще, как сердце,

мерно стучавшее пару секунд назад, сейчас бьется в грудной клетке, как поршень локомотива, накачивая давление в давно уже не эластичные сосуды.

– Может Игорь чего сказать хочет? – подумал старик.

Анатолий Викторович подтянулся к глазку и, в отличие от своего молодого соседа, увидел в тамбуре какой-то неправдоподобно ломанный, темный силуэт. Будто угловатая карикатура на тень двигался к общей двери, немного кособоко, и довольно сильно подволакивая то, что должно было быть левой ногой. Старик смотрел в след фигуре, не смея дышать. Около общей двери, которая всегда была закрыта на замок, и ей пользовались точно так же, как еще одной входной, силуэт остановился. Нечеткие его очертания немного поплыли из стороны в сторону. Некоторое время он так и стоял, как будто бы ожидал чего-то или над чем-то раздумывал. А потом шагнул прямо в дверь и прошел сквозь нее, как будто и не было у него на пути никакой преграды.

Пот крупными холодными каплями побежал по спине пенсионера. Трясущейся рукой он ухватился за стену прихожей, чтобы не упасть, но сведенные внезапной судорогой пальцы не смогли найти должной опоры и соскользнули по давно побледневшим обоям. Пенсионер привалился спиной к двери и тихо сполз на пол. Он понимал, что это не было маразмом. Что приходили, скорей всего, за ним. Не за Игорем же? Но вот почему ушли? Видимо не время еще? Или уже как раз именно то время?

Мысли в голове у старика начали путаться, а сердце, немного остывшее от пережитого, видимо, все-таки успело нагнать большое давление в сосуды, и Анатолий Викторович почувствовал, как в голове у него что-то стрельнуло, не сильно так, чуть-чуть, но очень ярко. И легкое тепло полилось от головы вниз, к ногам. Легкое дурманящее, вязкое тепло, которое почему-то тут же переросло в мутное чувство тошноты. Уже в полубессознательном состоянии, старик нашарил рукой на тумбочке сотовый, машинально снял с блокировки и, отключаясь, несколько раз нажал на кнопку вызова. Благо единственным вызываемым за последнее время абонентом, была его тоже уже давно не молодая дочь.

Игорь скинул с себя одежду, быстро обмылся. Есть ему не хотелось, а может, просто не было желания, что-то готовить в столь позднее время. Разбираться, что больше ему не хочется делать, парень не стал. Он грохнулся на кровать и зарылся с головой в одеяло. Сон обволакивал его мягко и неотступно. Игорь еще понимал, что лежит у себя на кровати, но сознание неумолимо скатывалось в мир иллюзий.

Он вновь стоял в тамбуре перед своей дверью, перебирая в руке связку ключей, и никак не мог найти ключ от квартиры. Вот, кажется он, ан нет. Парень чувствовал, что уже держит нужный ключ, но тот все время выскользывал. Вновь и вновь. Раз за разом. Сам процесс перебирания ключей начал затягивать Игоря. Он уже не видел целью найти нужный

ключ. Его начали пленить отблески света на металлических гранях, переливающихся у него в руке. И вот связка ключей уже не связка, и уже не ключи блестят под бледным светом дневной лампы, а непонятно откуда взявшаяся струя воды стекает через пальцы на кафель.

Кафель под ногами. Темно-коричневый, в мелкой сетке трещинок, местами со сколотыми углами.

Но почему он мягкий?

Игорь перевел взгляд с руки на пол. Подошва его кроссовок заметно просела, как в песок. Парень приподнялся на носки и вновь опустил на стопу. Кафель под кроссовками расползся, образовав небольшой гребень вокруг. Трещинки же на его поверхности приобрели объем. Слегка подергиваясь, они начали шевелиться, перемещаясь к кроссовкам Игоря. Он присел на корточки, пытаясь разглядеть пол более внимательно.

Темный песок, не кафель. Темный песок, по которому ползут белые черви, какие-то ломанные, угловатые. Как они вообще ползают?

Шевеление в руке вновь заставило переключить внимание. Игорь посмотрел на руку и с отвращением потряс ею. Толстые, неправдоподобно длинные, белесые опарашки обвивали его пальцы. Ему даже показалось, что он слышит писк, идущий от них. Писк и чавкающее шевеление слегка влажных тельц. Отвращение, вызвавшее тошноту и головокружение, заполнило сознание. Игорь неистово затряс рукой,

страхивая жирные тельца, отшатнулся от этого наваждения и увидел, как дверь его квартиры начала плавно оседать вниз, превращаясь в кучу трухлявой древесины, а стены когда-то светло-серого цвета исчезли, открыв взору бескрайнюю темно-коричневую пустыню. Молодой человек оглянулся назад, но там его ждала та же самая картина. Пустыня, испещренная трещинами земля, местами покрытая песком. Ничего не попадалось на глаза от горизонта до горизонта. Матово-серое небо, больше похожее на туман, так же не имело отличительных признаков. Свет равномерно распределялся по нему, не давая никакого намека на месторасположение солнца.

Игорь не сомневался, что спит. Еще бы, в реальности такого не бывает. Ключи не превращаются в червей, двери не гниют за секунды, да и замкнутые пространства не становятся в один миг бескрайними пустынями. Это конечно сон. Но что не нравилось Игорю в этом сне, так этого его четкость, а так же само осознание молодым человеком, что он спит. Игорь присел на корточки и коснулся земли под ногами. Черви и куча древесины уже куда-то исчезли. Почва была сухой. Мертвой. Игорь, как-то сразу осознал, что земля под ногами выжжена, что верхней слой ей обуглен, и запекаясь поверхность просто полопалась во многих местах, образуя трещины.

Просто сон. Игорь выпрямился. И неожиданно ощутил, что все его тело болит. Болит? Правильно, ведь он восемь

часов кряду разгружал вагоны с цементом. Пятидесяти килограммовые мешки. Ему даже показалось, что он ощутил тяжесть у себя на плечах. Но разве во сне он не должен был чувствовать себя лучше? Разве не должен был не ощущать этот гул в натруженных ногах, эту ноющую боль в пояснице, и отвратительную ломоту в шее и руках. Вот тебе и сон. Игорю это не нравилось. Он понял, что хочет спать, что усталость, накопившаяся за весь день и ночь изнурительного труда, никуда не исчезла, что он стоит один посреди этой пустыни абсолютно вымотанный.

– Проснуться. Надо проснуться, – подумал Игорь. – Уйти из этого сна. Убежать в реальность. К себе, в однокомнатную квартиру. Где есть стены и пол, выложенный паркетом. Где есть кровать, на которую можно лечь и пусть не выспаться, но хотя бы просто вздремнуть.

Игорь прикрыл глаза, постоял немного, не двигаясь и прислушиваясь к своему телу. Он хотел проснуться, но не знал, как это сделать. Что там говорили в фильмах: «...просто ущипни себя...». Хорошо. Игорь легонько сдавил кожу на руке. Легкая боль уколола сознание. Он открыл глаза, но, еще не сделав этого, понял, что ничего не изменилось. Он так же стоял посреди пустыни. Игорь еще раз ущипнул себя. Уже сильнее. И боль, на этот раз, он ощутил более сильную. Но окружающее его пространство не подернулось пеленой, не исчезло. Наоборот, с этим пощипыванием, он более явно ощутил себе в этом мире. Более четко осознал, что

он как бы и не спит, и мир, раскрывшийся перед ним, представился ему более реальным. Под ногами твердая земля. Над головой серое небо. Но абсолютно тихо, как в вакууме. Нет движения воздуха, даже легкого ветерка. Игорь непроизвольно кашлянул. И, неожиданно сам для себя, услышал свой кашель. Шаркнул ногой, и звук тут же дошел до его уха. Он слышал абсолютно все звуки, которые мог воспроизвести сам, но вот мир вокруг него, этот мир молчал.

Сон, или может не сон?

– Будем думать, что это сон, – сам себе сказал Игорь. – Ну что, посмотрим, что там впереди.

И он пошел. Куда? Вперед, как стоял прямо, так и пошел, куда глаза глядят. Но двигаться, не имея никаких ориентиров, оказалось сложно. Не за что взгляду зацепится, нет точки, от которой можно начать свой путь и не видно точки, к которой двигаешься. Земля под ногами вроде и меняла свои контуры. Трещины на ней, то расходились, то вновь сближались, то сплетались в непонятные рисунки, но смотреть постоянно под ноги Игорь не мог, а горизонт как был далеко, так там и оставался. Отсутствие видимых ориентиров усугублялось тем, что Игорь не чувствовал времени. Он начал считать шаги. Один шаг примерно полметра, может больше. Но это не важно, пусть будет полметра. Времени на два шага уходило порядка одной секунду. Из этого парень и решил исходить. И Игорь начал считать.

Сначала это было даже интересно. Прикидывая, сколько

он сможет пройти за час, за день, Игорь сам для себя не заметил, как счет шагов перевалил за десять тысяч. То есть, шел он уже более часа и преодолел около пяти километров. Игорь остановился. Картина не изменилась ни грамма.

– Да чтоб тебя.

Парень сплюнул на землю. Растер ногой плевков, превращая его в грязное пятно, которое тут же исчезло, испарилось в обезвоженном грунте.

– Что это за хренотень?

Игорь громко выругался. Ему надоело, что этот сон не кончается. Что его и так уставшие ноги за час ходьбы устали еще больше. Ему надоела эта пустыня.

Игорь опустил на землю. Ему захотелось плакать. Странно. Он никогда не считал себя слюнтяем, никогда не страдал сильной депрессией, но сейчас, он хотел разрыдаться, понимая, что его сон затягивается и не получает никакого развития. Он хотел проснуться у себя дома. Он просто хотел домой.

– Да где же я? Что со мной? – парень опустил голову на руки. – Может, я все-таки сплю? И сейчас проснусь?

Он вновь начал щипать себя, но кроме боли ничего не почувствовал. Игорь поднял взгляд на горизонт.

– Я хочу домой, – тихо произнес он.

Подождал секунду. Затем уже громче.

– Я хочу домой!

А через мгновение просто заорал.

– Я ХОЧУ ДОМОЙ!

Ничего, даже эхо не отозвалось на его крик. Игорь вновь опустил голову и зарыдал. Слезы катились по его щекам, срываясь на темную землю. Плечи ходили ходуном. Всхлипывания рвались из стиснутого истерикой горла.

– Домой! – шептал Игорь. – Домой!

Он завалился на бок, свернулся калачиком, дрожа всем телом, и начал проваливаться в сон, удивляясь на грани бодрствования, как можно уснуть, уже будучи во сне.

И не знал Игорь, что за спиной у него все это время находилась тень, не его собственная, которая в этом мире просто отсутствовала, а некий силуэт, несколько вытянутый вверх, который двигался за парнем шаг в шаг, не издавая ни звука, всегда вовремя смещающийся, когда Игорь решал обернуться. А в момент, когда он впал в истерику и завалился на бок, силуэт склонился над ним и бережно провел невесомой рукой над головой у парня, от чего тот и провалился в сон.

2. Маша

– Мам, открывай. Это я, – Маша с силой дернула дверь подъезда, но та не поддавалась. Девушка вновь набрала домофон. Раздался женский голос.

– Не получилось? Пробуй еще.

На этот раз домофон пиликнул, и девушка без труда попала в подъезд. Да, сколько лет она ходила через этот подъезд? Постоянно плохо освещенный, пахнувший плесенью и чем-то еще более неприятным. Обшарпанные стены, изредка подкрашиваемые работниками местного ЖЭКа, пестрели разнообразными надписями, повествующими о каких-то Оле, Коле, Яне, которые, следуя из написанного, получались не очень хорошими людьми с явно выраженными теми или иными сексуальными наклонностями.

Почтовый ящик квартиры был закрыт, и в нем, судя по белеющим отверстиям, что-то лежало. Девушка открыла его и вытащила платежку за предыдущий месяц, а так же три письма. Она весьма удивилась. В современном мире письма писали либо органы власти, либо какие-нибудь шарлатаны, ну, либо бабушка Зина. Маша быстро просмотрела конверты.

Так. От бабы Зины. Хотя бабушка уже давно была снабжена мобильным телефоном, однако в своей деревушке она так и не привыкла к современной технике, поэтому написа-

ние писем для нее оставалось вполне допустимым вариантом общения с родственниками.

Дальше. От налоговой. Этим опять денег мало. Что там, налог на жилье? Понятно.

И третье. Тут у Маши лицо приняло еще более удивленное выражение, чем прежде. Письмо было от ее школьной подруги Яны Скворцовой.

С Яной Маша рассталась сразу после выпускного, когда проведя пол-года в городе, Яна уехала в Краснодар, навсегда. Увезли ее родители, что бы дать образование в аграрном университете. Там у них на Кубани был родственник, который мог неплохо пристроить Яну, только образование должно было быть соответствующим. После отъезда Яны девушки виделись еще пару раз, когда подруга приезжала в Москву на праздники. А потом их связь оборвалась. Яна изучала какие-то сельхоз науки. А Маша, поступив в экономический институт, надеялась, что в Белокаменной найдется место еще одному более или менее грамотному бухгалтеру. И вот, спустя восемь лет после окончания школы, подруга вспомнила о ней, решив написать пару строк.

С явно приподнятым настроением Маша направилась к лифту. Машинально нажав нужную кнопку, она погрузилась в воспоминания. В памяти всплывали разные ситуации, в которые попадали две подруги, а перед глазами стояла улыбающаяся Янка со своей вечно растрепанной прической, наскоро собранной в узелок на макушке. Маша улыбнулась.

Дверь в квартиру была уже открыта. Мама стояла на пороге, держа в руках полотенце.

– Ты чего так долго? Я уже переживать начала. В подъезд вроде вошла, а все ни как не поднимешься, – она отступила чуть назад, пропуская дочь в прихожую.

– Все нормально. Почту вот разбирала.

Маша передала маме два письма и платежку, оставив весточку от подруги у себя.

– Что там? – мама быстро пробежала по бумагам. – Ага, понятно. А у тебя, что за письмо?

Женщина мельком взглянула на конверт в руках у дочери и пошла на кухню.

– Это от Янки Скворцовой. – Маша вновь невольно улыбнулась. – Помнишь? Со мной в школе училась. Такая блондинка с яркими глазами.

Переобувшись в домашние тапочки, девушка прошла за мамой.

– Помню, помню. Подруга твоя, – мама что-то готовила, постоянно помешивая содержимое сковороды. – Помню, и как на дискотеки вы с ней бегали, и как вместе в лагерь ездили, и как я вас с выпускного пьяных домой вела, а на следующий день таких же вела с природы, где вы с классом умудрились выпить ящик водки и еще чего-то по мелочи. Как же не помнить?

– Да ладно, мам, праздник же был, молодые, счастливые, школу как-никак закончили.

– Ага. Счастливые. Счастьем было то, что вы потом не умерли от выпитого, а промучившись на следующий день животами и головой, все-таки смогли расстаться хотя бы на день.

– Больше, чем на день, мам, – с грустью в голосе сказала Маша. – Больше. Уже восемь лет прошло с выпускного.

– Ладно. Читай уже, что там?

Маша улыбнулась. Присела за стол, на котором уже появились тарелка с нарезанными огурцами и помидорами. На сковороде дожаривалась картошка, поблескивая золотистыми, слегка масляными и очень аппетитными кусочками. Девушка открыла конверт, немного нервничая от ожидания и предвкушения еще не известного содержания. Вздохнула, как перед погружением в прохладную воду, и раскрыла письмо. Один лист формата А4 – это само письмо, и небольшая открытка. Первым делом Маша посмотрела открытку.

На белой с оттенком розового цвета матовой бумаге два белых голубка ворковали друг с другом, слегка соприкоснувшись красными клювами. А рядом с ними на вышитой розовыми кружевами подушечке, в окружении таких же розовых цветов вишни, лежали один на другом два золотых кольца. Девушка развернула открытку.

«Если Вы получили эту открытку, значит, 22 августа этого года Вы со своей второй половинкой приглашены на скромное празднество, посвященное нашему Дню Свадьбы»

И подпись:

«С уважением, Ваши Яна, пока еще Скворцова, и Андрей Ирилеонов.»

– Ирилеонов! Мам! – Маша, улыбаясь, посмотрела на маму. – Янка из Скворцовой станет Ирилеоновой!

Женщина усмехнулась.

– Ну и хорошо. Это же не какой-нибудь Какашкиной.

– И то верно. А я через два месяца еду на свадьбу.

– И куда тебя приглашают? – мама расставляла на столе тарелки.

Маша развернула письмо, быстро пробежала по нему глазами в поисках необходимой информации.

– На солнечный пресолнечный берег Черного пречерного моря. Сочи, мам.

– Это хорошо. Иди мой руки, а я накладываю кушать.

3. Бродяги

– Эй, бродяги. Ну что, гуляем? – Бес подошел к стоящим полукругом трем парням и бросил в центр пакет, в котором отчаянно задрезбуждали чуть не разбившиеся бутылки. – Вы что такие веселые? Аж повеситься хочется.

– Не тараторь, – остановил его браваду Моня. – Кису повязали.

– Кису? – медленно произнес вновь пришедший, и задумчиво почесал затылок, сбив при этом серый кепель себе на лоб. – Да я же с ним неделю назад по киоскам прошустрил. Вот черт! – он со злостью сплюнул на асфальт перед собой. – А за что? Как?

– Пока не в курсе, – ответил Миха, присев на карточки и протянув руки к пакету. – Сами вот мозгуем, по какому делу залет и кого он с собой потянуть может.

– Да не. Киса – пацан правильный, – Моня начал помогать Михе организовать поляну на лавочке. – Он за собой не потянет.

– Потянет, не потянет, – одноглазый оглянулся по сторонам, высматривая, нет ли тех, о ком он собирался говорить. – Это как менты надавят. А то такое может быть, что и мамку свою им сдаст, – он еще раз посмотрел по сторонам и сплюнул себе под ноги.

– Все, пацаны, молчок, – Моня поднял один из четырех

наполненных пластиковых стаканчиков. – Ну. Что бы Кису не закрыли, – замолчал на секунду и добавил. – И нас вместе с ним.

Не чокаясь, парни выпили по первой. Без закуски, словно воду. Одноглазый, чье прозвище полностью совпадало с внешностью, достал пачку сигарет, которая, пройдя по кругу, сразу полегчала на четыре штуки. И через секунду у каждого во рту дымилось по огоньку.

Двор, в котором отдыхали парни, располагался на окраине города, затерявшись среди разваливающихся пятиэтажек, население которых не очень рвалось утихомиривать иногда чересчур разошедшихся гуляк. Смысла не было. Если менты приезжали и забирали кого-нибудь, то где-то через час, этот кто-то возвращался и начинал орать еще сильнее, суля всем жильцам не очень приятное будущее. И такие вечера у пятиэтажек повторялись с завидной регулярностью. Так что жильцы окружающих когда-то детскую площадку домов, на которой сейчас пьянствовали представители законно непослушной прослойки общества, уже не обращали на них внимание.

Моня разлил по второй.

– Я вот что думаю, – Бес смачно затянулся и попытался выпустить колечко густого белесого дыма, но, взметнувшееся было вверх, закругленное облачко неожиданно смялось под порывом ветра, и, потеряв форму, растворилось в сумраке летнего вечера. – Как с делом-то теперь управимся? Или

нет? – рука с татуированным перстнем протянулась за нали-
тым.

– Четыре не пять. Это конечно плохо, – Миха также под-
нял стакан.

– Ерунда. Поменяем расстановку. Двое в нападении, один
на воротах и один в защите, – одноглазый стрельнул бычком
под лавку. – Раньше справлялись.

– Слышь, футболист хренов, сам-то в защиту пойдешь
один? – Моня в упор посмотрел на подельника. – Не бзд-
нешь?

– А что бздеть-то? Возьму два травмата да и постою в за-
ле, лохов попугаю, чтобы не рыпались, – одноглазый развел в
стороны руки с выставленными вперед указательным и сред-
ним пальцами, представляя пистолеты, перевел их сначала
на Беса с Михой, а потом, соединив вместе, направил на Мо-
ню, и выстрелил, сдув воображаемый дым с кончиков паль-
цев. – Постою.

– А глаз хватит за всеми уследить? – Моня закрыл один
глаз и прищурился другим.

Одноглазый резко подорвался к Моне, схватив его за груд-
ки.

– Слышь ты, тля!

– Э, а ну, хорош собачиться! – два других парня, не вы-
пуская из рук стаканы, разняли сцепившихся.

– Что правда глаза колет, точнее глаз? – завелся Моня.

– Да я тебя, щенок! – одноглазый вновь бросился на себе-

седника. – Я тебе сейчас сам глаза выколю.

– А ну, шабаш! – в свою очередь рявкнул Бес. – Да успокойтесь же вы! – он с Михой вновь принялся разнимать будущих подельников. – Давайте лучше выпьем. А то рука уже устала стакан держать.

Одноглазый зло посмотрел на Моню, но все-таки потянулся за стаканом, что не замедлил повторить и его оппонент.

– Так, – Миха поднял стакан для тоста. – Кроме перестановки вариантов нет. Я беру зал, на кассе Бес и Одноглазый, Моня, ты на дверях. Никто не против?

– Пойдет, – парни утвердительно заковали головами.

– Тогда, – Миха обвел взглядом парней. – Тогда завтра так и поступим. В семь, возле Продуктового. Когда пьяные лохи будут грезить о пятничном вечере, тогда мы и возьмем кассу. До приезда инкассаторов, конечно. Все остальное по плану. Ну. За завтра. Вздрогнули.

Миха резко выдохнул и опрокинул в себя содержимое стакана, уткнувшись после носом в рукав куртки. Подельники не заставили себя упрашивать, также скоро осушив стаканы.

Разговор не клеился, детали дела уже были обсуждены не раз, и сейчас каждый был погружен в обдумывание своей роли и варианты развития дела с Кисой. А Моня с Одноглазым, вообще, не смотрели друг на друга.

Дело предстояло в принципе не хлопотное. Зайти в магазин. Заблокировать вход, две кассы и передвижение по залу. Забрать деньги, которых, по прикидкам, на финал пятнич-

ного вечера, должно было быть не менее полтинника на каждого и быстро исчезнуть до приезда группы быстрого реагирования. Быстро, четко, без кипиша.

Вторая бутылка показала доньшко, но настроение не поднималось. Говорить на отвлеченные от дела темы было тяжело. Моня покрутил в руках пустой стакан, поставил его на лавку, поднимаясь с корточек, слегка покачался, все-таки выпитое давало о себе знать, и пошел в сторону дороги.

– Я за куревом, – бросил он оставшимся у лавочки друзьям.

– Постой, – Бес встал вслед за ним. – Постой, я с тобой, а заодно и отолью.

– Не возражаю. Дорога общая, а с хорошим собеседником еще и короткая.

– Ну, тогда подожди. Я лучше с начала отолью, – Бес направился к ближайшим кустам.

Моня остановился подождать товарища. Наверное, из всех сейчас окружавших его парней, Бес был единственным, кого молодой воришка мог бы назвать другом, и с кем ему реально было о чем поговорить. С Одноглазым Моня не мог общаться в принципе, хотя вражды к нему не испытывал, только чувство какого-то раздражения в его присутствии, да и сам Одноглазый, так же не питал ответных симпатий.

А вот с Михой было сложнее. Моня относился к нему как к пахану. Миха был старше всех их, более спокойный, рассудительный. Это именно он и предложил взять магазин. Сам

месяц пасся возле него, высматривая охранников, персонал, время приезда инкассаторов, наиболее удобный отход и самые денежные часы. Даже один раз завязал драку с посетителем, что бы посмотреть на реакцию единственного охранника. И был доволен полным отсутствием таковой. Даже разнять не попытался. Лишь на выходе очень строго посмотрел на Миху, когда тот, проходя мимо и утирая разбитую губу, сплюнул кровью прямо ему под ноги.

В мелкие дела Миха старался не соваться. И, наверное, поэтому Моня видел его не так часто, а то, глядишь, и записался бы в кореша. Но корешем был сейчас только Бес, мать которого в далеком восьмидесятом дала голубоглазому карапузу имя Николай, в надежде, что вырастит нормальный парень. Пусть не вундеркинд, пусть без особых талантов, но хотя бы просто нормальный, как все. Но, увы, вырос Бес, получивший кличку за очень вспыльчивый характер и за способность подбивать товарищей на какие-то не адекватные авантюры, типа его походов с Кисой на ларьки. Что там, и взять-то нечего, а, все равно подбил подельничка, уговорил. И так, раз за разом, удавалось ему провоцировать своих товарищей на какие-то, иногда даже глупые дела, как будто подсаживая им на плечо бесенка, который лил в открытые уши только нужные слова.

– Ты что приуныл? – Коля догнал Моню.

– Да чет, как-то некомфортно. Предчувствие какое-то.

– Ты по поводу завтра? – Бес похлопал друга по плечу. –

Не ссы, прорвемся.

– Ага, главное не порваться. Слушай, – Моня остановился. – Я домой.

– Что так? – Бес непонимающе посмотрел на друга. – А как же пацаны? Они там ждут.

– Да знаю я, – Моня недовольно сgrimасничал. – Извинись за меня. Скажи, что, мол, живот прихватило. Только до магазина и дошел, – он улыбнулся, от чего точеные черты его лица заострились еще больше. – А потом побежал.

– Ага! – тоже гыгыкнул Бес. – Придерживая штаны.

– Я в лежку, – вновь посерьезнел парень. – Спать хочу. Ты знаешь, что? – Моня побрел дальше по дороге. – Мы хоть и стоворились на семь с пацанами, но давай с тобой на полчаса пораньше подскочим. Сами все проверим. Ты как?

– Да почему бы и нет? Договорились.

Моня остановился, протянув руку напарнику.

– Все. Я домой.

– Ну, давай, до завтра.

Они крепко пожали руки и разошлись в разные стороны. Когда угол магазина скрыл их друг от друга, Моня, повинуясь, своему предчувствию и внутренней неуверенности, достал из кармана сотовый и набрал единственной уважаемой им девушке, которая понимала парня и оказывала ему все-стороннюю поддержку. Выражаясь языком фраеров, Моня звонил своей любимой, а то, что они друг друга любят, он не сомневался.

Когда Бес зашел за угол магазина, то чуточку притормозил, доставая из пачки еще одну сигарету. Хотя выпил он немного, но ноги его отчего-то отказывались слушаться. Пытаясь на ходу зажечь огонь, он споткнулся о подвернувшийся под ногу кирпич. Споткнулся так, что, потеряв равновесие, пробежал пару шагов вперед, нагнувшись почти до земли, выронил и зажигалку из руки, и сигарету из-за рта, но сам все же сумел устоять на ногах.

Выругавшись самым непотребным образом, Бес начал всматриваться в окружавшую его темноту, пытаясь разглядеть лежащую на асфальте зажигалку. Редкого света, идущего от окон домов, стоящих в сотне метров в стороне, не хватало.

– На ощупь, что ли искать? – пробормотал парень себе под нос.

– НЕ УПУСТИ ИХ!

Бес аж подпрыгнул от неожиданности. Слова прозвучали над самым ухом. Но никакого движения рядом, он не почувствовал. Какой-то серый, не имеющий ни каких других оттенков голос.

– Кто здесь? – парень закружился на месте, пытаясь увидеть говорившего. – Кто здесь?

– НЕ УПУСТИ ИХ!

Вновь раздалось где-то сзади. Бес дернулся в сторону, и тут же резко развернулся.

– Кто здесь? Тварь, порву! Кто?

Парень крутился на месте, как волчок, пытаясь увидеть владельца этого серого голоса, и в одном из своих поворотов вновь налетел на кирпич, споткнулся, но равновесие на этот раз не удержал. Все еще раскручиваясь, он со всего размаха грохнулся на спину, едва успев подставить руки, чтобы не расшибить себе голову.

– НЕ УПУСТИ ИХ! – голос прозвучал вновь, и как понял Бес, говоривший должен был находиться четко перед ним, лицом к лицу.

Парень провел руками по асфальту, ища что-нибудь повесистей, хотя бы тот же кирпич, из-за которого он и растянулся. Но под руку попал лишь небольшой продолговатый предмет со слегка закругленными краями. Зажигалка. Бес вскинул вперед руку, одновременно высекая искру. Маленький желтый огонек на удивление хорошо осветил пространство вокруг парня. Но рядом никого не было. Тишина и покой, лишь вдалеке прошумел проезжающий грузовик.

Бес осторожно поднялся, не переставая озираться по сторонам. Перевел взгляд от ближних кустов на дорогу и обратно на кусты, и в ужасе отшатнулся в сторону, случайно погасив зажигалку. Возле кустов, где мгновение назад никого не было, сейчас четко вырисовывалась темная фигура, сгорбленная и какая-то непропорциональная. В страхе пятясь назад, парень вновь зажег зажигалку. Но возле кустов уже никого не было. Не веря глазам, он мгновение стоял на месте. И

убедившись, что впереди чисто, развернулся к дороге, сразу же замерев на месте с застывшим в легких криком. Прямо перед ним, уперев в него черные провалы пустых глазниц, застыла та самая фигура, которая померещилась ему до этого. Цвета лица стоящего перед ним Бес не рассмотрел. Да какой там цвет? Парень не видел и самого лица, только два провала из ничего в еще большее ничто. Одетая фигура была во что-то темное. Как парень не всматривался, он не мог различить ни отдельно капюшона, ни полы какой-нибудь куртки или плаща. Фигура будто вся дымилась темным. Вроде бы и видишь что-то, но вот что именно, не понятно. И хотя стоящий перед Бесом был явно сгорблен, однако уровень его головы, точнее того места, где должна была быть голова, потому что парень не ручался за ее наличие, в общем, это место находилось выше Беса.

Парень, наверное, так и стоял бы на месте, не смея дышать, но тут фигура, не шелохнувшись, совершенно беззвучно двинулась на него. И в момент, когда должно было произойти столкновение, Бес ощутил проходящий сквозь него холод. Тело сковала судорога. Парень начал падать на асфальт и перед глазами появились две фигуры. Вполне нормальные, человеческие. Два парня. Молодые. У каждого в руке по бутылке пива.

– НЕ УПУСТИ ИХ!

То, что голос прозвучал в самой голове, Бес не сомневался. И тут он почувствовал боль от удара об асфальт. Перед

глазами замельтешили яркие звезды, а воздух из груди с силой вырвался наружу, заставляя парня издать ни то крик, ни то стон. Видение сразу оборвалось, возвращая его в реальность.

Вокруг было тихо. Ветер еле слышно шелестел листьями кустарника. И не было рядом никого, кто бы мог подтвердить Николаю, что произошедшее с ним только что было не видением, что эта фигура действительно присутствовала здесь и, не снисходя до объяснений, дала ему четкое и недвусмысленное задание.

– Белочка, что ли? – все еще лежа на асфальте, парень попытался проморгать внезапно налетевшую на глаза пелену. – Так ведь еще рано. Я еще не выпил столько.

Поднявшись с асфальта и кое-как отряхнувшись, парень несколько раз огляделся по сторонам, но вокруг было пусто. Сбивая с себя то мерзкое, ненавидимое и презираемое им чувство страха, которое было вызвано видением, он направился к своим подельникам, ни в коей мере не сомневаясь, что в действительности ничего не произошло. Не существует в природе такого, что смогло бы его напугать. А что он видел, существовать в принципе не может. А значит что? Все пришедшее к нему – ни что иное, как галлюцинация. Так, воображение лишь немного разыгралось от выпитого им спиртного и от сильного удара об асфальт. И единственное, что он хотел сейчас сделать, что бы окончательно освободиться от охватившего его страха, так это выпить еще, да не просто

выпить, а очень и очень крепко.

4. Маша и Виктор

Вечер был довольно прохладный. Дождь за два дня успел сбить температуру чуть ли не на десять градусов. Хорошо хоть ветер дул не так сильно. Сырость вкупе с холодом, после двух недель жары, заставила многих людей зашмыгать носами. Простуда – вечно недолеченное, и потому, все чаще хроническое заболевание современного мира. Люди все время спешат куда-то, боятся не успеть сделать что-то, все время на нервах. А что вы хотели? Такой наш мир двадцать первого века. Стрессы, недосыпания, постоянные страхи, явные и скрытые и так далее и тому подобное. Вот люди, вместо того, что бы спокойно отлежаться у себя дома, выздороветь по полной, закидывают таблетку-другую на пустой желудок и уже спешат, торопятся, бегут куда-то. По пути заражают других и себя доводят до полного морального и физического истощения. Иногда даже не замечают, что заболели. И только тогда, когда болезнь принимает более серьезный характер и перерастает в какую-нибудь опасную форму, люди останавливаются, задумываются и решают немного подлечиться. Но многих и это не заставляет даже притормозить. Спешка, планы, работа.

И вот сейчас Виктор, вместо того чтобы тихо посапывать у себя в кровати, не забывая исправно принимать средство от простуды, несся через полгорода на встречу. Ну, может быть,

его рвению все-таки было оправдание, ведь он направлялся на встречу к любимой.

Выйдя из метро на давно уже не свежий воздух вечерней Москвы, парень пошел к входу на ВДНХ. Аккуратно лавируя между идущими на встречу людьми и лужами, которые так и лезли под ноги, причем в одинаковой мере, как лужи, так и люди, он шаг за шагом приближался к монументальной арке. Сколько раз он ее видел? Сотни, а может и больше. Но каждый раз он с удивлением поднимал голову к двум фигурам на ней. Мужчина и женщина с высоко поднятым снопом пшеницы.

Достижения народного хозяйства. Серые колонны с обваливающейся штукатуркой, выцветшие краски. Растрескавшиеся статуи с торчащей из открывшихся дыр арматурой. Достижения народного хозяйства. Где же вы эти достижения? Если сейчас что-то и пытаются тут исправить, то пару лет назад, зайдя в торгово-выставочный центр, Виктор испытал лишь чувство отвращения. Бесконечные ларьки хот-догов, разваливающиеся павильоны стран бывшего союза, в которых продавали какой-то хлам. Но больше всего его тогда ужаснул павильон посвященный космонавтике. Ларьки с семенами цветов и рассадой, выстроившиеся вдоль всего павильона, пустые балконы. А под куполом, прямо по центру, перед смотрящим на весь этот ужас Юрием Гагариным, в обрезанной пластиковой бутылке стояли две гвоздички. Поминальные цветы всем бывшим достижениям народного хозяй-

ства.

После этого похода Виктор больше старался не заходить на территорию ВДНХ. Запустение и разорение, царившее там, поселяло в душе парня чувство тоски, и ощущение потери прошлого, с которым, пускай, он и не был знаком лично, но которое казалось ему более чем великим. И вот сейчас, подходя к арке, Виктор опять в душе выругался:

– Эх. Такую страну просрали. Всей стране две гвоздички поставили. Уроды.

– Витя. Ты чего? Даже не смотришь в мою сторону?

Парень, немного зависнув в своих мыслях, не заметил, как к нему подошла девушка. Симпатичная брюнетка, среднего роста с карими глазами. Недлинные, чистые волосы были аккуратно уложены, вызывая ощущение, что на голову девушки надет парик. Черная приталенная куртка из дерматина и такие же черные джинсы в обтяжку очень хорошо подчеркивали все прелести ее фигуры, а закрытые классические туфли на каблуке весьма соблазнительно приподнимали и так подтянутую попку девушки.

– И что она во мне нашла? – подумал Виктор.

Он подошел к девушке вплотную. Притянул ее к себе поближе и нежно поцеловал в мягкие, всегда сладкие губы.

– Ну, здравствуй, здравствуй.

– Ты что тут ворон считаешь? Или других девушек рассматриваешь? – девушка смотрела в глаза Виктора, не пытаясь отстраниться.

– Других? Да по сравнению с тобой, других просто нет.

Парень потянулся было поцеловать девушку еще раз, но та, увернувшись, с притворной обидой возмутилась.

– Значит, все-таки смотришь и сравниваешь? Ну, хорошо, что я у тебя пока что красивее всех других. Верно?

Виктор подтянул девушку к себе еще раз и крепко поцеловал.

– Верно. Ты у меня всегда будешь красивее всех остальных, – парень провел рукой по краям ее волос, пытаясь завести их за маленькое ушко, но те сорвались и вновь заняли прежнее положение. – Ты у меня самая красивая, Маша.

Девушка чмокнула Виктора в нос, вырвалась из объятий, при этом, не выпуская его руки, и потянула за собой.

– Пойдем. Пойдем. Сегодня замечательный день. Сегодня один из самых лучших дней, – Маша усилено тянула парня от ВДНХ.

– Да уж и, правда, самый лучший день. То-то у меня сопли сегодня так радостно вытекают.

– Фу, какая гадость.

Девушка сморщилась, но руки парня не выпустила и продолжила его тянуть на себя. Виктор чуть-чуть отклонился назад, создавая ей необходимое сопротивление.

– Куда ты меня тащишь?

– Куда, куда? Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, – девушка обернулась, прищуриваясь, улыбнулась и добавила. – Ее большой, простывший шнобель.

– А не боишься, что я тебе тоже сейчас кое-что оторву? – Виктор подался чуть вперед и ущипнул ее за попу. Девушка слегка дернулась, тихо пискнув.

– Ну, знаешь. Я тоже могу тебе кое-что оторвать, – Маша заговорщицки вскинула бровь, проводя взглядом по парню снизу вверх.

Виктор вновь догнал Машу, обнял ее и тихо сказал на ушко:

– Жду с нетерпением.

– Ага, жди, – девушка рассмеялась, но при этом залилась краской по самые кончики волос. – У меня для тебя есть новость, но я тебе ее сейчас не скажу.

– Вот тебе и здрасте. Новость-то хорошая или плохая?

– У меня для тебя только хорошие новости. Пойдем быстрее.

– А куда мы идем? – Виктор наконец-то догнал Машу и шел с ней вровень.

– В метро, конечно. Ты на небо давно смотрел?

Парень только сейчас заметил, что сверху вновь начал накрапывать дождик. А в небе, со стороны выставочно-торгового центра, на них надвигалась огромная темно-сливового цвета туча. Вон, где-то у нее внутри и молния проблеснула, но грома Виктор так и не услышал. Видать гроза была еще далеко, но двигалась она явно к ним.

– В метро? Ну, как там в песне поется, – Виктор театрально раскашлялся и безбожно фальшивя, протянул – Поедем,

красотка, кататься. Давно я тебя поджидал.

Маша в ответ лишь усмехнулась:

– Поехали, поехали. Там тебе все и расскажу.

Они зашли в метро и двинулись через турникет к эскалатору, который безустали затягивал на себя нескончаемый поток людей. Если бы к нижней его части приделать ножи, то получилась бы отличная мясорубка. Только вот качество вырабатываемого фарша, скорее всего, оставило бы желать лучшего.

5. Игорь

Голова была налита свинцом. Не открывая глаз, Игорь понял, что утро было давно.

Сколько сейчас?

Он перевернулся на живот, оказавшись у края кровати, и поднял с пола мобильник. Старый, но проверенный временем телефон показал на экране половину пятого вечера и десять пропущенных вызовов. Игорь откинулся на спину и стал листать список входящих звонков. Все пропущенные были от начальника смены.

– Начальник смены это не беда, смена только завтра. Может он хотел, что бы я кого-нибудь прикрыл, – мысли не путались, и в отличие от головы были ясными. Как будто бы кристально чистая вода в заляпанном графине. – Таблетку бы принять.

Игорь сел на край кровати. Опустил голову на упертую в колено руку, а второй набрал начальника и поднес трубку к уху в ожидании вызова. Гудок прошел три раза, и после раздался голос:

– Да, слушаю.

– Здравствуйте, Владимир Иванович, это Игнатьев. Вы звонили сегодня.

– Да, я звонил тебе сегодня, это я знаю, – голос начальника показался Игорю каким-то раздраженным. – А так же я знаю,

что у тебя сегодня стоит прогул.

Игорь слегка опешил.

– Владимир Иванович. Мне в смену только завтра. Вы ничего не перепутали?

– Да нет, Игорь, это ты что-то перепутал. Ладно, ты хоть там жив? А то мы уже к тебе собрались ехать и ментов вызывать. Все нормально? На смену не вышел, трубку не берешь, пропал, понимаешь.

– Да? Я в порядке, – слегка удлиняя слова, в раздумье, сказал Игорь – Владимир Иванович. А какое сегодня число?

На конце трубки голос слегка рассмеялся.

– Игнатьев, ты, что там пьяный? Или еще под чем?

– Да нет, – оправдываясь, начал парень. – Пришел я вчера с ночи, это было пятое число, отдохнул, сходил на вокзал и лег спать, – при слове спать Игорь вспомнил свой сон. Странную пустыню, без каких-либо ориентиров и звуков. – Вот проснулся, сегодня шестое, вечер, – замолчал, а потом, потихоньку начиная понимать возможную ошибку в своих рассуждениях, добавил. – Наверное, шестое.

Начальник опять рассмеялся.

– Игорь, только не говори мне, что ты проспал двое суток. Не поверю. Завтра приходи на полчаса раньше, напишешь объяснительную, и в смену. Тебе завтра, кстати, в ночь. Помнишь?

– В ночь. Да, конечно, помню.

– Ну и хорошо. Давай до завтра. И не проспай.

Голос в трубке вновь рассмеялся и соединение разорвалось.

– Ничего себе, поспал, – только и смог сказать Игорь. – Двое суток.

Еще не веря в происходящее, парень посмотрел на экран сотового, на котором под крупным циферблатом в стиле ретро находилась маленькая надпись: «Седьмое июня. Пятница»

– Да уж, – еще раз удивился Игорь. А потом вновь вспомнил свой сон. Вспомнил его в мельчайших подробностях. От самого начала и до самого конца. И что странно, если другие сны он забывал буквально сразу после того, как просыпался, да и если вспоминал, то лишь частично, теряя какую-нибудь часть, то этот сон он прокручивал от начала к концу и обратно, как кассету в видеоплеере. Захотел этот фрагмент посмотреть, захотел тот. – Чертовщина какая-то.

Игорь наконец-то поднялся с кровати. Взглянул в окно. Небо было серое, мелкий дождь нудно барабанил по карнизу. На улице, перепрыгивая и обходя лужи, спешили по своим делам люди. Кто под зонтом, кто в капюшоне, а некоторые, либо самые закаленные, либо самые отмороженные, передвигались, вообще не прикрывшись от дождя. Игнатьев невольно поежился, глядя на них. Вспомнил про начавшийся вчера насморк, а нет, поправил сам себя Игорь, позавчера начавшийся насморк. Вспомнил, и в который раз удивился. Дышалось ему совершенно свободно, и запахи он различал

все четко.

Головная боль, донимавшая его после сна, как будто испарилась. Да и вообще, Игорь чувствовал себя превосходно, как будто был на пике своей физической формы. Он посмотрел в окно еще раз. Дождь, по-видимому, начал усиливаться. Парня же просто распирало от чувства жизни, чувства, что надо куда-то идти, что-то делать. И он решил, что как бы ни испортилась погода, но сегодня он обязательно выйдет погулять. Вот только поест сначала, а то голод тоже проснулся вместе с ним.

Голод – это не беда. Готовить Игорь научился сразу же, как стал жить один, переехав от родителей после дурацкой ссоры с отцом. Отец не хотел признавать правоты сына и его права быть взрослым, а сын не желал уступать консервативным принципам отца. И теперешняя его холостяцкая конура, конечно, была без излишков, но и голодать не приходилось, да и делать он мог себе позволить все, что заблагорассудится. И благо, что рассудительность и все же привитый годами жизни с родителями консерватизм победили молодую спесь, сделав существование парня спокойным и обдуманным. Но ссора с отцом так и осталась ссорой.

Суп, сваренный, как получалось, уже неделю назад, доверия у Игоря не вызвал. Быстро состряпав яичницу с салом, парень с удовольствием поел, запив еду горячим, в меру сладким чаем с мятным ароматом. Сколько настоящей мяты в этих пакетиках Игорь не задумывался, ему просто нравил-

ся вкус, а химия там или нет, этим он не интересовался.

Раздумий по форме одежды у него не возникло. Какие раздумья, когда на улице дождь, а выбор соответствующей одежды отсутствует. Темно-синие джинсы, серая водолазка с длинным воротником и такая же серая ветровка с капюшоном. Темные кроссовки непонятной фирмы, толи abibas, толи abidas. Единственное над чем задумался Игорь, было брать зонт или нет? Выглянул в окно. Прикинул предполагаемый маршрут, и принял решение, не заморачиваться с лишним грузом в руках. Если что, то капюшон на голову, руки в брюки, и пошел.

Так он и выскочил из квартиры, чуть было, не налетев на женщину лет пятидесяти, которая пыталась открыть дверь напротив.

– Здравствуйте, – Игорь удивился, увидев незнакомку. – Вам помочь?

Женщина прекратила, как видимо, бесполезные ковыряния в замочной скважине, посмотрела на Игоря уставшими и заплаканными глазами, слегка отодвинулась от двери и сказала:

– Здравствуйте. Помогите, пожалуйста, если вам не трудно. А то с утра закрыть-то закрыла, а открыть сейчас не получается.

Она подняла руку к лицу, толи загораживаясь от света мигающей лампы, толи потирая лоб. Внешне весьма опрятная, женщина выглядела очень уставшей и печальной.

– Извините, а вы Анатолию Викторовичу...

– Дочь, – опережая окончание вопроса, сказала женщина. – Я его дочь, Анастасия.

– Игорь. Сосед, – представился парень. – Очень приятно. Молодой человек подошел к двери, взялся за ключ, торчащий из замочной скважины. Слегка приподнял дверь за ручку и плавно повернул ключ. Замок щелкнул, и дверь подалась вперед, готовая раскрыться. Игорь придержал ее, не давая распахнуться, вытащил ключ, протянул его женщине и задал вопрос, подозревая, что ответ ему не понравится.

– А Анатолий Викторович? Он куда-то уехал?

Анастасия забрала протянутые ключи, на мгновение закусила нижнюю губу, затем резко взглянула в глаза Игорю.

– Отец в больнице, инсульт два дня назад.

Ожидая нечто подобное, Игорь все же смутился, почувствовав себя неловко.

– Извините, я не хотел.

– Да ничего, – женщина подняла стоящую на полу сумку и двинулась в квартиру.

– Просто мы с Анатолием Викторовичем неплохо общались. Можно даже сказать дружили, – Игорь и сам уже прикусил губу. – Он в порядке?

– Папа в коме, – не оборачиваясь, ответила женщина.

– Извините, – еще раз сказал Игорь. – Мне жаль.

– Вашей вины здесь нет, – сжатым голосом на выдохе сказала женщина. – Всего доброго.

– И вам.

Дверь квартиры захлопнулась. Но в последний миг Игорь успел рассмотреть в закрывающуюся щель лицо женщины, уже раскрасневшееся, со слезами на глазах. Она была очень похожа на Анатолия Викторовича.

Все хорошее настроение Игоря улетучилось, он постоял мгновение, вспоминая последнюю встречу с пенсионером.

– Надо было с ним подольше поговорить, – с досадой подумал парень.

Он опустил голову и побрел через тамбур к выходу. Да, вместо бодрой прогулки, ему теперь предстояло копание в своих мыслях и воспоминаниях.

Хотя Анатолий Викторович и был уже стар, и его инсульт был не чем-то из ряда вон выходящим, но все же – это был удар. Прощание, пусть пока еще не с мертвым, но уже находящимся на своей личной финишной прямой человеком.

6. АНТОН

До защиты оставалось три дня. Суббота, воскресенье и понедельник. Три дня, и Антон из студента станет специалистом, инженером-физиком, окончившим один из самых лучших университетов страны. Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана. Это вам не какой-нибудь Саратовский техникум, это перспектива в трудоустройстве, и весьма оптимистичный взгляд в будущее. Антон представлял себя руководителем какого-нибудь научного отдела на одной из атомных электростанций нашей необъятной Родины, но это, конечно, после аспирантуры и трудной и очень длинной по выслуге лет трудовой деятельности в качестве лаборанта, а затем долгого продвижения от младшего до старшего научного сотрудника. Зато сама перспектива и сфера ожидаемой деятельности весьма вдохновляли будущего специалиста.

На курсе Антон был лучшим, причем лучшим среди когда бы то ни было учившихся в ВУЗе. Его отрыв по рейтингу от своих нынешних и уже давно окончивших университет сокурсников был сопоставим с рывком болида формулы-1 от нашей Лады Калины. Антон знал о ядерной физике практически все. Конечно все-то, что преподавалось в университете, но и этого было достаточно для дальнейшего развития по профессии. Его уровень знаний, постоянные публикации и

стремление к саморазвитию уже сейчас пророчили, ни много ни мало, стопроцентное попадание в ряды аспирантов ВУЗа. А прошлогодняя стажировка на Балаковской АЭС приоткрывала дверь в будущую трудовую деятельность. Оставаться на кафедре Антон не хотел. Конечно же передача знаний от одного поколения к другому – это почет. Однако, это все потом, может быть, когда, устав от обыденности своей работы под старость лет, он и вступит в ряды профессоров ВУЗа, но не сейчас. Сейчас он ждал работы, как измученный жаждой путник желает напиться воды. Только получение знаний и только применение их на практике.

Три дня. Подшитая научная работа вместе с раздаточным материалом уже лежала на письменном столе. Презентация, выполненная в электронном виде, так же ждала своего часа, хранясь в трех экземплярах: на флешке, компьютере и электронной почте. Речь была вычищена и уже не раз отрепетирована. Никакого зазубривания Антон не признавал. В свое распоряжение на защиту он оставил выписанные на листок тезисы по работе, для того, чтобы не сбиться при презентации, и полное понимание того, что было сделано, с четкими итоговыми выводами.

Вроде бы все готово, проверено не однократно и столько же раз перепроверено, но почему же так страшно, почему в голове сидит мысль, что что-то упущено? Антон в который раз прикинул все детали работы. Все на месте. «Черт, как же страшно».

– Антон, – раздался голос отца из зала. – Подойди, пожалуйста. Надо поговорить.

Парень поднялся из-за письменного стола, придирчиво посмотрел на его содержимое. Вроде бы все готово. И двинулся в зал.

Отец сидел на диване, поджав под себя правую ногу, и крутил в руке пульт от телевизора. Мама возилась с цветами у подоконника. Когда Антон зашел в зал, отец похлопал по дивану рядом с собой и, улыбнувшись, добавил:

– Присядь.

Парень чувствовал себе немного неловко. Не то, что бы он стеснялся общения с родителями, просто фраза «надо поговорить» всегда действовала на него отпугивающе. Сейчас будут о чем-то спрашивать, возможно, в чем-то убеждать. Ну да ладно, посмотрим, о чем пойдет речь. Антон сел на диван возле отца, постаравшись принять расслабленный вид.

– Да что ты такой напряженный? – отец дружелюбно потрепал сына по голове. – Расслабься. Ты же не робот. Иногда и просто посмотреть телевизор можно. А то тебя уже, наверное, воротит от науки?

Отец переключил телевизор с документального канала на музыкальный. На экране под ритмичный бит читал рэп ярко выраженный представитель негритянской расы. За его спиной две пышногрудые блондинки в такт музыке раскачивали бедрами, эротично изгибались и наглаживали себя руками, задерживая их то у себя на груди, то на ногах. Исполните-

ля парень не знал. Рэп, как жанр музыки, его не интересовал в принципе. Если бы Антон и стал что-нибудь слушать, то, скорее всего, это был бы русский рок, причем, скажем так, классика русского рока: Ария, еще в полном составе, Машина Времени, Чайф, ДДТ и ЧиЖ&Со. Ну, или мог еще уделить время легкому зарубежному регги. А слушать рэп Антон не любил, тем более смотреть эти фальшивые клипы. Кривая распальцовка накаченных аборигенов, или подражающих им белых неандертальцев, силиконовые модели непонятного возраста, только и умеющие, что отклячивать задницы и трясти сиськами, сыплющиеся с неба баксы и золотые цепи на бычьих шеях, да и тексты – сплошная пропаганда наркомании и гопничества. Нет, интеллектуальные люди это слушать не могут. Одна сплошная пошлость.

– Можно и телевизор посмотреть, если есть что-нибудь стоящее, – Антон размял шею, наклонив ее с начала влево, потом вправо и слегка сжав рукой. – Вот только данное творчество к «стоящему» я никак бы не отнес.

– Ух-ты, какой меломан, – отец взглянул на сына, удивлено приподняв брови, и тут же переключил телевизор на канал о дикой природе. Там как раз один шимпанзе выковыривал блох у другого. – Хотя ты прав, на этих животных и то приятнее смотреть, чем на тех, – он усмехнулся получившейся аллегории. – Ладно, телевизор это для фона. Слушай, – он повернулся к сыну лицом, сжав руки в замок. – Антон, ты очень хорошо поработал в университете.

Парень попытался запротестовать, что защита, мол, только в понедельник, и еще ничего не определено, но отец его остановил.

– Не перебивай. Защита диплома – это, по сути, всего лишь фикция. Ты сам все прекрасно понимаешь. Уже давно решено, кто и что получить по итогам. Ты красный диплом и путевку в аспирантуру.

– Дай бог, – Антон начал нервно перебирать пальцами край футболки. – Дай бог.

– Даст, не бойся. Я интересовался, – опять попытался пошутить отец. – Да что ты так нервничаешь? Мать, – обратился он к жене. – Ну, ты ему что ли валерьянки дай, а то весь извелся. Так и не дотянет до своей защиты.

Женщина у окна оторвалась от поливания и разрыхления земли в горшках, подошла к дивану и присела в стоящее рядом кресло.

– Антош. Не слушай его, – она улыбнулась и махнула рукой в сторону отца. – Глупости наговорит. Но в одном он прав.

– В одном? Да я всегда прав, – отец, как-то эмоционально прожестикублировал. – В одном! – усмехнулся он. – Вспомни. – он с наигранным вызовом посмотрел в глаза жене. – Вспомни. Вот! – губы его что-то забормотали, и он начал быстро загибать пальцы. – Двадцать три года назад, – он подмигнул сыну. – Я же сказал, что мужик родился. Вот вырос. А ты все с ним сюсюкалась, баночки, тряпочки, салфеточ-

ки, телячьи нежности разводила. А он, вот, вырос. Поставил цель и добился успеха.

– Еще рано, – опять попытался вставить слово Антон.

– Да какой там! Рано! – отец вновь махнул рукой. – Ни чего не рано.

– Антош, – мама посмотрела на сына с любовью. – Мы гордимся тобой. Ты у нас настоящий молодец, – она встала. Прошла по комнате, остановившись возле отца. – Папа прав, все уже решено. И защита диплом – это, правда, всего лишь, шоу. И мы уверены, что ты справишься со своей ролью отлично. Но ты как-то очень серьезно к этому относишься, слишком нервничаешь. И есть – не ешь, и воздухом свежим не дышишь.

Это была правда. Антон и сам прекрасно понимал. Его страх перед защитой был и впрямь какой-то всепоглощающий. Он уже неделю питался через раз, а про прогулки забыл и вовсе как месяц назад.

– Антон, – на этот раз мама подошла к сыну. Присела рядом с ним, взяв его за руки. – Антон, мы с папой решили сделать тебе небольшой подарок в честь твоей защиты, – она вопросительно посмотрела на отца, который утвердительно кивнул. – Мы думали отложить его оглашение до дня твоей защиты, но, что бы хоть как-то отвлечь тебя от твоих переживаний, решили рассказать о нем сегодня.

Настроение у Антона начало подниматься, глаза зажглись от ожидания. Интересно, что же это за подарок, который сто-

ил того, что бы быть отложенным на самую важную дату, по крайней мере, в этот период жизни парня. Он вопросительно посмотрел на замолчавшую маму, а затем на отца, глаза которого так же горели, предвкусывая реакцию сына.

– Ну, что же это? Не томите! – он еще раз посмотрел сначала на мать, потом на отца.

Отец, чересчур наиграно нахмурил брови, перевел взгляд на мать.

– А может, не будем ему говорить? Потом в понедельник скажем.

– Нет уж, – не выдержал Антон. – Говорите давайте. Видите, что я уже заинтересовался, – он поднялся с дивана, и его место тут же заняла мама, отошел чуть назад и встал перед телевизором, скрестив руки у себя на груди. – Что вы там придумали?

Отец весело рассмеялся, мама тоже заулыбалась.

– Видишь, какой он у нас увлеченный, – отец положил руку маме на колено. – Стоит чуть-чуть заинтересовать, и он уже не отступится, пока не докопается до истины.

– Мам, пап. Ну, хватит. А?

– Да, хватит, – отец поднялся, подошел к сыну и положил руку на плечо. – Ты как, отдыхать в принципе любишь?

– Да можно, конечно, – улыбка растеклась по лицу парня.

– Ну, если любишь, то тогда двадцатого августа летишь в Сочи, – отец вновь вернулся на диван. – К этому времени у тебя как раз по аспирантуре должны все вопросы решиться.

Ну как, полетишь?

– Конечно же! – Антон от восторга даже взлохматил себе голову. – Конечно, полечу! Спасибо мам, пап! – парень подошел к родителям, и поочередно их обнял. – Спасибо!

– Ну вот. Я же говорил, что это отвлечет его от переживания, – отец ухмыльнулся. – А, студент, полегчало немножко?

– Что есть, то есть. Я это, пойду сегодня прогуляюсь, – Антон двинулся к выходу из зала.

– Вот, мать, – отец приобнял ее за талию. – А ты говоришь. Он уже и гулять намылился, стоит только новость хорошую сказать.

– Да ни чего. Пусть погуляет. Только зонт возьми, а то на улице дождь идет, – последние слова были обращены к Антону.

– Хорошо.

Антон вылетел из зала, схватил сотовый телефон и набрал своего друга Егора.

– Эй, Егор, здорова.

– Ну, привет, – судя по сонному голосу, друг явно не был готов к прогулке.

– Хорош штаны протирать и спину пролеживать, пойдём погуляем!

– Да ну его. Там дождь.

– Да хорош. С меня пиво.

Этот аргумент на Егора должен был подействовать безотказно. И подействовал.

– Хорошо. Через полчаса возле продуктового.

– Ок, до встречи.

Антон отключил телефон, лег на кровать и на несколько мгновений закрыл глаза. Перспективы светлого будущего это, конечно, хорошо, но забывать про хлеб насущный тоже не дело. Он улыбнулся своим мыслям, поднялся и стал собираться на улицу.

7. Илья

Илья был доволен. Хотя эти соревнования и были лишь районным турниром по пауэрлифтингу, но на них съехалась почти вся Москва. И второе место в категории до восьмидесяти двух с половиной килограммов, при условии, что его перевес от категории семьдесят пять килограммов был всего лишь двести граммов – это отличные шансы выступить на осеннем чемпионате Москвы в более низкой категории. Но для этого надо было пахать и немного согнать вес. Двести граммов и он в призерах, причем в золотых призерах. Даже в нынешней категории он отстал от первого места по сумме трех упражнений (присед, жим от груди и становая тяга) всего на десять килограммов, а в предыдущей категории золотой призер отстал от Ильи на тридцать килограммов, собрав сумму из нелегких пятиста пятидесяти килограммов. А если уверенно выступить на чемпионате города, то можно через полгода замахнуться на первенство Центрально-черноземного региона. И тогда... Илья мечтательно взглянул в пасмурное небо. А тогда работа, работа и еще раз работа. Пауэрлифтинг – это, в первую очередь, спорт возрастных спортсменов. Можно, конечно, по молодости наколоться всякой дряни, не вылезать из спортзала и достичь результата. Но быстрый результат несет за собой и быстрый спад, с множеством различных побочных эффектов, и, извиняюсь, разго-

вор о функционировании пиписьки, как детородном органе, уже может отойти на второй план, по отношению к вопросу о функционировании печени, сердца или спины.

Илья был за чистый спорт. Нет, конечно, он употреблял спортивное питание, но это всего лишь белки, аминокислоты и витамины, но не стероиды. В свои тридцать результат у Ильи, конечно, был на порядок ниже, чем у тех одноклассиков, кто не гнушался употреблением всяких запрещенных препаратов. Но зато и собственный вес у него не рос как на дрожжах. Медленно, но верно он шел к результату. И пусть ему не грозило стать чемпионом мира, или показать себя на Арнольд-Классике, зато он был уверен в своих силах, и двигается только вперед, без колоссальных взлетов, и последующих не менее колоссальных падений.

Конечно, его нынешняя жизнь была не идеальна. Он не сумел обзавестись семьей, даже постоянной девушки у него не было. Либо ему просто не везло, либо его требования к выбору спутницы жизни были очень высоки, к каким он относил: спортивный образ жизни, отсутствие вредных привычек, желание трудиться. Но попадавшиеся претендентки не отличались наличием, ни одной из этих добродетелей. Ему даже встретилось пару экземпляров, которые заслышав о собственной квартире парня (Илья уже успел приобрести себя честно заработанную однокомнатную квартиру, находящуюся на окраине города) прикидывались на пару недель идеалами. Но, увы, как козла не ряди, он все равно козел. И

спустя пару недель из этих актрис, то тут, то там, начинали вылезать их истинные личины. И тут уже не было места ни красоте, ни грации. Илья просто отстранялся от таких барышень, сразу теряя к ним всякий интерес. А принцессы все не было и не было. Илья не отчаивался. «Еще поймаем на своем веку настоящую золотую рыбку».

Парень был относительно молод и очень даже хорош собой. Точеные черты правильного арийского лица, короткая стрижка русых волос, слегка надменный взгляд светло-зеленных глаз всегда остро смотрящих из под светлых не очень густых бровей и, конечно, его тело. Без грамма лишнего жира. Его пропорциям, наверное, позавидовал бы сам Аполлон, если бы не был богом, да к тому же еще и древнегреческим.

Илья еще раз взглянул на небо, в котором поверх серости дождливого дня все больше нарастала вечерняя темнота. А непосредственно над ним созревало не очень приятное на вид грозное облако. Еще немного и, наверное, хлынет самый настоящий ливень, да и без молнии с громом не обойдется.

Илья посмотрел на часы. Половина восьмого вечера. Еще раз взглянул на небо и двинулся в сторону станции Медведково. Очень даже может быть, что станция Бабушкинская была к нему и ближе, но парень хотел спокойно сесть на дальней станции, чтобы не мешать никому в проходе своей сумкой, да и что бы ему никто не мешал. Тем более, что ехать ему предстояло через половину Москвы. В этот раз ор-

ганизаторы как-то очень далеко вынесли место проведения соревнований. «Ничего страшного. Завтра суббота. Еще отдохнем, а пока, пока не пошел дождь, бегом, бегом, бегом». И Илья, ускорив шаг, направился к входу в метро, постоянно обходя чрезмерно большие лужи, которых в этой части города, почему-то было особенно много.

8. Антон и Егор

Магазинчик, который, после развала Союза в простонародье так и остался Продуктовым, был одним большим исключением из правил. Мало того, что он не развалился во времена перестройки, не вымер вслед за другими динозаврами того времени, так он еще продолжал развиваться. Перейдя на систему самообслуживания покупателей, то есть став таким своеобразным мини супермаркетом, он сумел удержаться в своей самобытности и не зависимости. Не ушел под крыло одного из крупных сетевых магазинов, а остался самим собой: народным магазином, где на прилавках находили себе место продукты местных фабрик, мясомолочных комбинатов, сельхоз ферм и хлебозаводов. А люди, приходя в этот магазин, были уверены в качестве всегда свежих товаров.

Когда Антон подошел к Продуктовому, Егор уже был на месте. Зябко переминаясь с ноги на ногу, он протянул руку другу.

– Ну, здравствуй, вундеркинд, – Егор зашмыгал носом. – Ты чего это не за учебниками? – и, слегка улыбнувшись, добавил. – Или учебники закончились?

– Ха-ха. Смешно, – Антон попытался по сильнее сжать руку друга, но это ему не удалось, Егор всегда был сильнее товарища. – Сам-то давно перестал зубрить?

Антон был на голову сообразительней Егора. В то время,

когда будущий руководитель отдела инноваций ядерной физике усваивал всю информацию буквально на лету, его другу приходилось часами разбираться в том или ином вопросе. Просиживая за учебниками огромное количество времени и периодически, будучи не в силах понять изучаемую тему и просто зазубривая ее, Егор развил в себе весьма неплохой дар к усидчивости. Да, не так сообразителен, но ученье и труд, как говорится, все перетрут. И в принципе, не кривя душой, можно было сказать, что Егор, весьма отставая в рейтинге от своего друга, все же находился в лидерах своего курса. И в будущем так же представлял себя не на последней должности. И хотя Егор тратил много времени на науку, он все же находил минутку для посещения спортзала, где посвящал себя изучению совсем других дисциплин, нежели в университете. Боевые единоборства требовали того же терпения, что и учеба. Терпения, усидчивости, самоотдачи. Развитие мышечной памяти требовало многократных повторений оттачиваемых приемов. И в отличие от Антона, который был полностью равнодушен к спорту, Егор просто болел им.

– Ладно, ты что такой счастливый? – Егор отпустил руку товарища, тут же спрятав ее в карманы синих джинсов. – Нобелевку заочно дали?

Антон громко рассмеялся.

– Нобелевку? Да это мелочи по сравнению со случившимся.

– Да ты что? – Егор удивленно приподнял брови. – Никак

в президиум академии наук путевку получил?

– С путевкой ты угадал. А вот с местом отдыха не очень, – Антон двинулся в сторону дверей магазина. – Пойдем. С меня пиво. Помнишь?

– А ради чего я здесь соплю на кулак наматываю? – Егор демонстративно пошмыгал носом. – Помню, конечно, – и двигаясь за товарищем через автоматически распахнувшиеся двери магазина, повторил свой вопрос. – Пускай, не в академию наук, куда же тогда путевка? Что может быть круче? NASA?

– Хераса, – бросил через плечо друг. Потом остановился перед прилавком с пивом. – Ты как относишься к ростовскому?

– Эх, Антон, – Егор принялся изучать представший перед глазами ассортимент. – Ростовское, московское, да хоть чукотское. Ты же знаешь, – он стал медленно произносить слова. – На халяву, и уксус сладок, – а потом, протягивая руку к полуторолитровой бутылки местного жигулевского, быстро добавил. – А я возьму вот это.

Антон мгновение поколебался с выбором, и последовал примеру друга.

– Ты прав. Ростовское еще успею попить, вместе с Сочинским, если такое существует.

Егор, было двинувшийся к прилавку с чипсами, остановился и удивленно посмотрел на товарища.

– Значит, в Сочи намылился, – уже не спрашивал, а утвер-

ждал парень. – Когда, с кем?

– Когда? – В августе. С кем? – Не знаю, – Антон похлопал друга по плечу и направился от стеллажа с чипсами к россыпи вяленой рыбы, хранившейся в открытом холодильнике. – Давай по натуральным продуктам. А это, – он указал на чипсы. – Сплошные канцерогены. Ты же знаешь.

Егор покрутил в руке пачку чипсов, с каким-то весьма специфическим вкусом. Потом положил ее на место, и тоже пошел выбирать рыбку.

– Да, не NASA, конечно, но за солнцем понаблюдаешь будь здоров.

– А ты в этом году куда-нибудь рванешь?

Егор уложил в пакет леща с твердым округлым брюхом, в котором была икра, убедился, что товарищ сделал то же самое и направился к кассе через стеллажи с крепкими спиртными напитками, у которых два парня, видимо представители одной из местных гопкомпаний, выбирали себе водку.

– Я в этом году, Антон, если не удастся скрыться до зимы, рвану в армию. А где конкретно будет проходить моя служба, увы, не знаю, – Егор печально улыбнулся. – Может быть, и в Сочи отправят, границу моря охранять.

– Да, дела.

Товарищ, проходя мимо двух гопников, покосился на парня в низко надвинутом сером кепеле, и подмигнул Егору, указывая взглядом на манипуляции того с бутылкой водки. Гопник, долго рассматривая бутылку, потянулся к стеллажу,

якобы ставя ей на место, но вдруг резко изменил траекторию движения руки, засунул бутылку себе под куртку.

– Епт.., Коль, ты че творишь? – приятель гопника в кепке, блеснул золотым зубом. – А ну брось. Полчаса потерпи, – и, заметив, что на них смотрит студент, рыкнул – Че уши греешь, фраер? А? Че zenки раззявил, спрашиваю? В кино что ли? – он угрожающе двинулся к парням.

Бес замер на месте, в свою очередь, уставившись на студентов, а в голове, откуда-то из далека, тихо, но настойчиво зазвучало: – Не упусти их.

Коля тряхнул головой, сбрасывая наваждение. «Кого? Их? Вот этих двух студентов, затарившихся пивом? Двух сопляков, решивших пропить стипендию. Бред. Не было вчера ничего, не было». Он вновь тряхнул головой, окончательно развеивая накатывающий страх. Все-таки выпитое вчера немного затуманило его сознание и привидевшаяся накануне непонятная фигура, сейчас вспоминалась с трудом и выглядела, как своеобразная непонятная игра света и тени. Мол, привиделось и все. Точка.

– Э-э-э, хлопчики, а ну хорош, – он опустил руку на плечо Мони, придерживая его движения. И добавил двум студентам. – А ну дергайте отсюда. Кыш! – он пугающе поднял брови и выдвинул вперед нижнюю челюсть.

Антон пошел было дальше к кассам, но Егор двинулся навстречу гопникам.

– Курицу свою будешь кышем пугать, – он, набычившись,

остановился перед Бесом и вызывающе посмотрел тому в глаза. – А есть что сказать, пойдём, поговорим.

– Че, баран, пободаться хочешь? Так, я тебе рога быстро пообломаю, – гопник с золотым зубом цыкнул языком, сплевывая на пол магазина.

– Э, ну. Да хорош, – Бес подошел вплотную к Егору. – Смотри сюда, щегол, – он взглядом указал студенту на торчащую из-за отворота куртки ручку травмата. – Дернули отсюда. Быстро.

Наличие у гопников оружия заставляло Егора отступить, но уязвленная гордость останавливала его. Лишь подошедший Антон смог увести друга.

– Пойдем. Ну, их.

Егор зло прошелся взглядом по противникам. Его сознание рвалось на части от чувства, что он обязан уложить этих двоих прямо здесь на пол. Но он отлично понимал, что схлопотать из-за обычной ссоры пулю, пусть даже и резиновую, – это того не стоит.

– Пойдем. Хер с ними, – бросил он в лицо гопникам и, развернувшись, двинулся к кассам, затылком ощущая, направленные на него две пары таких же как у него бешеных глаз.

– Да я тебя, – раздалось сзади.

И тут же добавил другой голос:

– Моня хорош. Не сейчас.

Так и не оборачиваясь, Антон с Егором прошли на кассу, где Антон, расплачиваясь, пробил пачку жевательной резин-

ки, чтобы сбить после вечера запах пива.

Студенты вышли из магазина, чуть не сбив по пути еще двух парней, в сильно надвинутых на лица кепках. Однако Егору удалось заметить, что у одного из них что-то было не так с лицом. Взглянув на него еще раз, Егор рассмотрел отсутствие левого глаза.

Дождь накрапывал все сильнее, и парни прибавили хода, стараясь быстрее дойти до подъезда.

– Да ну его на хер этот подъезд, – еще злой Егор остановился. – Поехали в центр.

– А пиво? – Антон вопросительно посмотрел на друга.

– В метро попьем. Пойдем, а то совсем промокнем.

Антон кивнул, и парни двинулись в сторону станции Бабушкинская.

9. Бродяги

Бес с Моне́й как раз проходили через кассу, когда в дверях магазина появились Миха с Одноглазым. Поприветствовав друг друга кивками, парни направились по оговоренным точкам. Миха двинулся в торговый зал, расположившись так, что бы видеть проход из зала к кассам и легко осматривать всю торговую площадь. Одноглазый, накинув сверху кепки капюшон, двинулся к кассе, расталкивая собравшуюся возле нее очередь. На недовольные окрики он не реагировал. Моне́я улыбнулся золотым зубом другу, направился к выходу из магазина. Все были на местах.

– Молодой человек, вы будете что-нибудь пробивать? – молодая кассирша выжидающе посмотрела на Беса.

Николай нервно шмыгнул носом.

– Ага. Голову тебе, – а затем выдернул из-за пазухи травмат, направив его на остолбеневшую девушку.

Одноглазый на другой кассе, видя, что Бес начал, резко развернулся и врезал в ухо мужику лет сорока, который как-то уж очень сильно толкнул его, когда тот ломился к кассе, а потом вытащил из кармана ствол, похожий на ТТ, и направил его на дородную бабу, сидевшую на кассе.

– Морду в пол! – заорал он на очухивающегося от удара мужика. – Никому не рыпаться! – дуло пистолета прошло по дуге, осматривая, замерших в ужасе покупателей. – Кассу

открывай, живо!

Баба трясущимися руками, повернула ключ кассы, и аппарат с металлическим лязгом выдвинулся вперед.

– Складывай, складывай! – одноглазый покрутил дулом пистолета подгоняя кассиршу.

У Беса все шло по тому же сценарию. Молодая кассирша уже выгружала купюры в пакет, а Коля подгонял ее, постоянно переводя травмат то на нее, то на покупателей, которые присев на корточки, пытались прикрыть головы руками.

Единственный охранник, находившийся у себя в коморке и наблюдавший в монитор за торговым залом, сначала даже не понял, что это за коллапс у касс. Но разглядев на маленьком экранчике размахивающих пистолетами налево и направо двух молодчиков, тут же нажал тревожную кнопку. Задумал было высунуться в зал, но вовремя прикинул, что электрошокером ему воров не остановить, поэтому решил не рыпаться и вызвал наряд полиции.

Миха стоял у стеллажа с шоколадками, переводя взгляд то на кассы, то на торговые ряды. Вроде бы все покупатели прижались к стеллажам, не пытаясь оказать какое-либо сопротивление грабителям. И его это радовало. Все лучше, когда меньше придется размахивать кулаками и уж тем более пистолетом. Но тут возле дальнего ряда с консервами Миха увидел непонятные манипуляции одного посетителя с телефоном. Он быстро двинулся туда. Молодой парнишка в разноцветной ветровке, присев на корточки за стеллажами так,

что бы его не было видно от касс, аккуратно снимал на свой телефон происходящее ограбление. Не ожидая подвоха от двигавшегося к нему человека, парнишка даже улыбнулся, мол, видишь, какой я смелый, даже видео снимаю, потом его в интернет выложу. Но вот человек достал из кармана пистолет и направил его на парня.

– Давай сюда, – Миха протянул руку к мобильнику.

Улыбка сползла с лица парня, превратившись в гримасу ужаса. Он передал телефон Михе, не сводя глаз с дула пистолета.

– Сиди тихо и все будет хорошо, – Миха спрятал пистолет в карман и пошел к кассам, где парни уже заканчивали дело.

За эти несколько минут, что парни брали кассу, в магазин так ни кто и не вошел, и Моня, следивший за дверьми, просто стоял на месте, ожидая подельников.

Охранник, набиравший на телефоне полицию, увидел, как на одном из экранчиков человек в низко посаженной кепке отобрал у молодого парня сотовый, не постеснявшись при этом помахать пистолетом. Этот человек двигался к кассам, проходя как раз мимо его коморки. Что повлияло тогда на охранника: чувство долга, непонятно откуда взявшаяся отвага или не выявленное на ранней стадии слабоумие, но он бросил сотовый и выскочил в зал четко за спиной грабителя. Выхватив из кобуры электрошокер, он с размаху всадил его в шею разворачивающемуся Михе и с каким-то животным упоением нажал на кнопку. Грабитель резко напрягся, а за-

тем, обмякнув, стал опускаться на пол, но охранник подхватил оседающее тело, так и не дав ему упасть. И придерживая оглушенного вора, крикнул на весь магазин.

– А ну стоять, бросили стволы на пол.

Направляющиеся к выходу Бес и Одноглазый обернулись на крик и увидели, как их отключившегося подельника придерживает одной рукой охранник, а другой рукой держит приставленный к его шее электрошокер.

– Что замерли? Стволы на пол! – он еще раз повторил команду, поддегивая сползающее вниз тело.

Охранник затравленно смотрел на остановившихся грабителей, в руках которых до сих пор были пистолеты. Его только сейчас начал пробирать страх, расплзаясь по всему телу и концентрируясь в низу живота. Что ему делать сейчас? Он один, а их минимум двое, да еще и вооружены к тому же. Но постыдному опорожнению кишечника не дала состояться резкая боль в затылке. Охранник осел на пол вместе с бесчувственным телом Михи и завалился на бок. За его спиной стояла не приметная на фоне мужских тел девушка в черном легком плаще с надвинутым на глаза капюшоном. В руке она держала бутылку Российского шампанского.

– Что замерли? Помогите! – девушка бросилась поднимать Миху.

Бес с Одноглазым уже неслись через зал. С лету вмазав ногой под брюхо бесчувственному охраннику, Коля бросился в комнату. Разбив об стену блок управления системой видео-

контроля и системный блок компьютера, он вытащил жесткие диски и, выскочив в зал, подхватил под руку проходящего в себя Миху.

– Валим!

Четверо грабителей вместе с девушкой выбежали из магазина и бросились в рассыпную. Миха, уже пришедший в себя, опирался на руку Одноглазого.

– Сюда! – девушка потянула Моню за руку к парковке, у выезда с которой стояла не заглушенная вишневая девятка.

Бес, видя, что напарник с девушкой сунулись в машину, дернулся за ними. И через мгновение автомобиль с двумя друзьями и девушкой за рулем уже мчался прочь от места преступления.

– Мадам, я весьма удивлен вашей выходкой, – Бес пересчитывал купюры, сидя на заднем сиденье автомобиля. – Как вас хоть зовут?

– Ее зовут Анна, – Моня накрыл своей рукой руку девушки, которую та держала на рычаге переключения передач.

– Да я и сама могу ответить, – девушка сбросила скорость, входя в очередной поворот. – А ты, наверное, Николай.

– Он самый. Золотой (Бес иногда называл кореша и так из-за вставленного золотого зуба), а ты красавец, – он похлопал сидящего впереди друга по плечу. – Нужную кралю себе оторвал. Как она охранника-то? А? Ловко.

Николай закончил считать деньги и уже крутил в руках

трофейную бутылку шампанского, пытаюсь выдернуть пробку, но та от чего-то не поддавалась. Но вот в машине раздался хлопок, и шипящая пена выплеснулась из горлышка.

– Ты что там, уже отмечаешь? – Моня чуть развернулся назад, потянувшись руку за бутылкой. – Дайка, я тоже горло смочу, а то что-то пересохло.

Бес передал шампанское, а сам откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

– Вот это адреналин!

Золотой поднес шампанское к губам и с жадностью припал к горлышку, сильно запрокинув бутылку. Но тут же наклонился вперед, зайдясь в кашле. Бутылка вновь исходила пеной. В прочем, пена бежала не только из горлышка, рот и нос Мони тоже были в пене, которая тонкими струйками стекала на коврики машины. Бес с Анной громко засмеялись.

– Ты не водку пьешь, – давясь смехом, выдавил из себя подельник. – Его надо аккуратно.

– Да и хер с ним, – Моня вытер с лица остатки шампанского. – Сколько там, в кассе?

Бес похлопал по пакету с деньгами.

– Сто двадцать. И у Одноглазого с Михой, наверное, столько же.

– Ну и хорошо. Живем! – Моня еще раз припал к бутылке, но уже более аккуратно, чтобы не расплескать ее содержимое.

– Да, с такой подругой, как у тебя, жить надо получше.

Слушай, – Бес выдвинулся вперед так, что его голова оказалась между спинками передних сидений. – Может нам банк взять? А ты с ней будешь как Бонни и Клайд, – он вновь с удовольствием рассмеялся. – Правда я не помню, кто из них был кто.

– Ага, а ты будешь нашим верным оруженосцем, как Санчо Панса у Дон Кихота, – Анна завернула во двор и стала пробираться между плотно стоявших друг к другу машин.

– Не знаю таких. Где зону топтали?

– В далекой, далекой Испании. Ты что, даже в школе не учился?

– Три класса и кабинет директора, вот и вся моя школа, – Бес протер рукавом запотевшее окно, рассматривая незнакомый двор.

– Все, приехали.

Анна заглушила мотор, припарковав машину возле старого сарая, неведь каким образом уцелевшего среди современных многоэтажек.

– Пошли, номера перекрутить поможете.

– Да все что пожелаете, миледи. За вашу помощь я вам век благодарен буду, – Бес вышел из машины вслед за подельниками. – А вы это заранее запланировали?

– Ни совсем так, как вышло, но примерно около того. Я просто попросил ее покараулить в машине, но она сама с головой, и очень даже не плохой, – Золотой протянул девушку к себе и жадно поцеловал ее в засос, запустив руку в ее чер-

ные волосы.

– Эй, полегче. Вы что прямо здесь собрались это делать? – Бес с завистью посмотрел на товарища, скручивая старые номера и меняя их на заранее приготовленные. – Нам еще на точку надо добраться.

– Да помню, – Моня с усилием оторвал от себя Анну, которая, видать, и правда была не против проделать все прямо здесь и сейчас.

– Я вас доведу, – она прилипла к Золотому, положив руку ему на пах, и начав там наглаживать

– Нет, – Моня все-таки отстранился от подруги и подошел к Николаю, помочь придержать номер, пока тот будет его прикручивать. – На метро поедем, надо алиби себе клепать.

– Тогда я с вами, – девушка вновь подошла к парню, опустив руки ему на плечи.

– Это запросто. Только ни слова о деле. Ок?

– О каком деле? – Анна состроила удивленное лицо, выказывая полное не понимание.

Моня аж засмеялся от правдоподобности представления.

– Да тебе на театральное надо, глядишь, уже бы в кино снималась.

Бес закручивал последний винт.

– Была уже там, – девушка серьезно поджала губы.

– И что, выгнали?

– Сама ушла. Главный там начал приставать, намеки де-

лать, да же под юбку умудрился как-то рукой залезть, – девушка зло улыбнулась, вспоминая прошлое. – Ну, я ему эту руку-то и сломала, в двух местах, и в этот же день по собственному желанию досвидос, а на его имя заявление о домогательстве, – Анна серьезно посмотрела на Моню. – С тех пор о съемках мне посоветовали забыть

– Тогда, вот тебе блатное погоняло, – Бес выдержал паузу. – Актрисой будешь.

– А что, мне нравится, – Моня забрал из салона пакет с выручкой и недопитую бутылку шампанского. – Ну что, в подземку?

– Пойдем, – Анна закрыла машину и поставила ее на сигнализацию.

Дождь барабанил по крыше легковушек, брызгая каплями на проходящих мимо людей. Серые тучи застили небо, и уже пару раз прозвучали раскаты грома. Бес не без основания прикидывал, что до Ботанического сада он дойдет абсолютно мокрый, но идущих рядом Бонни и Клайда, это, похоже, совершенно не интересовало.

10. Игорь

Ветер усиливался с каждой минутой. Туча, которую Игорь поначалу не заметил, погрузившись в свои нерадостные мысли, уже висела прямо над головой. Раскаты грома раздавались все чаще и чаще, и все четче слышался в них грозный рев приближающейся бури. Шелест, рвущийся в атаках уже ураганного ветра листвы, не мог скрыть за собой жуткого скрипа раскачиваемых из стороны в сторону деревьев.

Игорь, уже пару часов блуждающий по дворам, не особо обращал внимания на сменяющие друг друга многоэтажки, которые, как две капли воды, были похожи друг на друга. И поэтому весьма удивился, обнаружив, что находится не у себя во дворе, рядом с Посольством Латвийской Республики, а где-то возле Проспекта Мира. Из чего следовало, что домой, при усиливающейся непогоде, он вернуться не успеет.

Резкие порывы ветра били парня то в грудь, то в спину, заставляя постоянно пригибать голову. Серая ветровка, раздуваемая ветром, как парус, под морозящим дождем приобрела темный, сырой оттенок. Капюшон слетал с головы ежеминутно, и Игорь уже просто держал его одной рукой.

Грозовая темнота окутывала город с какой-то фантастической скоростью. Мгновение назад было лишь пасмурно, но еще достаточно светло. А сейчас складывалось ощущение очень позднего вечера, хотя шел всего девятый час. В густой

черноте нависшей над городом тучи, ослепительно блеснула ветвистая, ломаная молния, озарив своей вспышкой все вокруг. И тут же над головой раздался оглушительный раскат грома. Начав с низкого гудения, пробирающего до самых костей, вызывая дрожь в теле и чувство какого-то первобытного страха, он с каждой волной становился все громче, каким-то всепоглощающим и всеобъемлющим. Игорь ощутил, как под ногами земля заходила ходуном, как завибрировал пропитанный влагой воздух. А от окружающих его домов раздалось жалобное дребезжание тысяч застонавших в агонии стекол. Раздался звон. Видимо где-то не выдержали нарастающего напряжения современные шумо-, пыле- и влаго- непроницаемые стеклопакеты. И тут же, с ударившим в лицо порывом ветра, грянул ливень. Но не просто льющая с неба вода. Дождь, казалось, шел со всех сторон. Ледяные капли, разгоняемые мечущимся из стороны в сторону ураганным ветром, насквозь пробивали одежду, вызывая у Игоря приступы озноба.

Впереди вновь сверкнула ослепительная молния, которая, по-видимому, попала в линию электропередачи, так как вслед за ее яркой вспышкой свет, идущий от близлежащих домов, неожиданно погас, погрузив и так темный город в сплошную черноту. Грянул оглушительный гром вперемежку с не менее оглушительным электрическим треском.

Игорь остановился, будучи ослепленным, сначала яркой молнией, а затем полной темнотой. Его тело сковывало от

холода. Громко стуча зубами и пытаясь найти дорогу в этом хороводе летающей листвы, веток и всякого мусора, он лишь краем глаза уловил какое-то движение сверху. И вовремя посмотрев туда, с ужасом отскочил назад. Не удержался на ногах и грохнулся на спину, перекатившись через плечо. Он успел поджать ноги в самый последний момент. На то место, где Игорь стоял какое-то мгновение назад, разбрызгивая в стороны щепки от ломающихся веток, упало огромное дерево, не выдержавшее очередного порыва ветра.

Игорь вскочил с мокрого асфальта и ринулся бежать, едва ориентируясь в царящем вокруг хаосе. В окутавшей город грозовой темноте он отчетливо увидел ярко высвечивающуюся, показавшуюся тогда парню просто огромной красную букву «М».

Вломившись в вестибюль метро, Игорь остановился перевести дыхание. Отдышавшись и немного придя в себя, парень посмотрел по сторонам. Народу было битком. Кто-то такой же мокрый, как и он, а некоторые, их было меньшинство, были абсолютно сухие. Наверное, они или только прибыли с другой станции, или заблаговременно решили переждать непогоду. Как бы то ни было, гроза загнала под землю всех, кто не успел скрыться дома.

За высокими створчатыми дверьми станции «Проспект Мира» вовсю ревела буря. Струи дождевой воды били в щель между дверей, образовав у входа приличную лужу. И как заметил Игорь, в углах дверной рамы вода уже начала сочить-

ся и через порог, находя себе дорогу в расшатанных стыках деревянной конструкции.

Взглянув на свою одежду, Игорь печально улыбнулся. Мало того, что мокрый с ног до головы, он был к тому же весь грязный из-за своего кульбита на асфальте. Сбивая с одежды прилипшие местами листья, парень прокрутил в голове последние минуты на улице. Глубоко вздохнул и медленно выдохнул, вспомнив дерево, которое чуть было не размазало его по асфальту.

Да и бог с ним, что грязный, зато живой, а то лежал бы сейчас под деревом, придавленный его тяжестью с разбитой головой, и смотрел бы, как струи дождя смывают и уносят в себе его кровь. Долго бы он так продержался бы? Не думаю. Игоря аж передернуло от всплывшей в воображении картины. И только сейчас, мысленно леденея от пережитого, он ощутил запоздало пришедший страх. Страх того, что мог вот так вот просто погибнуть, и нашли бы его только завтра, когда непогода стихла бы, и дневной свет представил бы на всеобщий обзор все разрушения, которые появились бы после этой, поистине сумасшедшей грозы.

Вода стекала с одежды Игоря на кафель вестибюля станции, просачивалась сквозь кроссовки, которые звучно хлоппали, когда парень шевелил замерзшими ногами. Да уж, сколько не сиди, а пьяным не будешь. Надо что-то делать.

Большие часы, расположенные над выходом из метро, показывали девять вечера. Возвращаться домой по городу у

Игоря желания не было. И как назло сумку с проездным он оставил дома. Обыскав карманы своей насквозь промокшей одежды, Игорь, как утопающий на спасательный круг, воззрился на мятую, представляющую из себя сейчас не более чем мокрый фантик купюру достоинством в сто рублей. Для Игоря это был самый дорогой стольник, который он когда-либо держал в руках. Парень, недолго думая, встал в очередь кассы, аккуратно расправляя скомканную бумажку.

– Одна поездка, – сказал Игорь оператору, протягивая в маленькое окошко стольник.

Девушка-оператор брезгливо подняла купюру, держа ее двумя пальчиками. Замерла на мгновение, раздумывая: принять такие деньги или нет. Игорь, заметив ее колебания, наклонился к окошку и, улыбнувшись самой доброжелательной улыбкой, добавил:

– Девушка, другой нет. Вот вышел прогуляться, а тут такое, – он мотнул головой в сторону выхода. – Понимаете? – в подтверждение слов, на улице вновь раздался гром.

Игорь еще раз улыбнулся девушке, которая даже не повела бровью, чтобы улыбнуться в ответ. Просто снисходительно и даже, наверное, с жалостью выдала Игорю билет и россыпь монет разного калибра на сдачу.

– Спасибо.

Не дожидаясь ответа девушки, которого так и не последовало, парень взял билет и направился к турникету, громко щелкающему своими створками, толи пропуская, толи пыта-

ясь поймать идущих к эскалатору людей.

Сырой продувной ветер, топот сотен ног, гулкое эхо многократно отражающееся от сводчатого потолка и тонны железобетона и земли над головой. Метро. Интересно, как чувствуют себя в этих катакомбах люди, страдающие боязнью быть похороненными заживо? Наверное, не очень хорошо. А, вообще, для современного мегаполиса метро – это единственное быстрое средство передвижения. Ведь на поверхности улицы всегда забиты машинами, маршрутками. Постоянные аварии, ремонты дорог и, как результат, многокилометровые пробки, в которых скорость передвижения падает практически до нуля. Собрался вечером с работы, сел в машину, и так просидел всю ночь в пробке, а с утра пришел домой, чтобы принять душ, выпить кофе и вновь уехать на работу. А под землей огромные артерии гонят по себе сотни составов, наполняя всепоглощающую тишину подземелья дребезжанием, свистом, скрипом, голосами миллионов людей, спешащих по своим делам. Наполняя темные туннели жизнью.

Вы когда-нибудь были в метро после закрытия? После того, как и персонал покинул бы станцию. Поверте, вам бы не понравилось. И даже больше. Вас бы окутал страх. Паника накрывала бы вас волна за волной, заставляя судорожно искать место в подземке, где берет сотовый, для того чтобы хоть так не оставаться одному. Что бы нарушить хоть как-

то эту давящую угнетающую тишину, от которой, кажется, будто слух покинул вас. А если на станции где вы застряли еще и свет отключать, то все, пишете пропало. И будете вы с утра как герой романа Николая Васильевича Гоголя «Вий»: седой, исхудавший с впавшими серыми глазами. После этого вы ни за что не согласитесь провести в метро вторую ночь. Вам даже днем будет страшно туда спуститься. Потому что полное одиночество в купе с тишиной и темнотой – это испытание далеко не для слабонервных.

Выйдя на Калужско-Рижскую линию, Игорь остановился у края платформы, ожидая появления поезда. Электронные часы, висевшие над черным проемом туннеля, медленно отсчитывали полторы минуты. Сырой ветер, сквозивший по станции, пронимал Игоря до самых костей, заставляя тело вновь и вновь покрываться мелкими мурашками. Простуда, которая непонятно как обошла парня в прошлую ночь, на этот раз была обеспечена. Да если бы простуда. Игорь все-таки предполагал, что тут уже и воспаление легких близко. Весь мокрый, на сквозняке. Утешала только пара моментов. Первое, он сейчас находился не на улице, где буря все еще терзала незащищенный город. Второе – рядом с ним в ожидании поезда замерзали на сквозняке несколько сотен таких же, как и он, мокрых людей.

На станции стал нарастать шум приближающегося поезда. Стальной скрип и лязганье усиливались, заполняя собой

все свободное пространство. Вот в темноте туннеля показалось светлое пятно, а ветер, и так с силой дующий из темноты, мгновенно усилился, вслед за ним на станцию вылетел поезд, несущий за собой множество стареньких сине-зеленых вагонов. Раздался свист тормозов и электропоезд замер у платформы. Двери раскрылись и навстречу толпе, готовой заполнить собой и без того уже битком набитые вагоны, выплеснулась точно такая же толпа.

Конечно же, причиной оживления метро в столь позднее время послужила гроза, ведь люди не хотели мокнуть и мерзнуть, а желали лишь поскорее добраться домой.

Подхваченный волной людской массы, что стремилась сейчас попасть в опустевший на треть вагон, Игорь без особых усилий оказался возле противоположной двери. Справа и слева его подпирали чьи-то спины и локти, а перед глазами застыл профиль женщины средних лет с высоко поднятым подбородком, которая всем своим видом демонстрировала полную отрешенность от происходящего, погрузившись в свой собственный мирок, свое личное пространство даже в такой давке. Игорь был уверен, что будь вокруг нее сейчас больше свободного места, она бы вытащила из своей сумки либо современный смартфон, либо планшетник и отгородилась бы этим гаджетом от всех и вся, не забывая, чутко фильтровать слухом названия проносящихся мимо станций. Но в такой давке было тяжело даже просто поднять руку, а держать в ней какое-нибудь устройство, так это вообще

фантастика. Хотя пробежав по толпе взглядом, Игорь заметил, что у большинства людей уши заткнуты наушниками.

Что это за тенденция современности отгораживаться от окружающих, парень не понимал. Принцип: я никого не трогаю, и меня никто не трогает? Ну, уж позвольте, только за то время, за которое Игорь попал в вагон, ему отдавили ноги раз десять, больно ударили локтем под ребра раз пять, а систематические толчки и ореол несвежего дыхания вокруг – это постоянно. Как тут никто и никого не трогает? Полный контакт, иногда и с членовредительством.

Отгораживайся, не отгораживайся, замри с самым надменным лицом, которое можешь натянуть на свою физиономию, но только каждый толчок, каждый след чужой обуви на своей, каждый неверно расцененный взгляд – все это будет накладываться друг на друга, заставляя человека нервничать и злиться на окружающих. И выйдя из вагона, казалось бы, еще мгновение назад находившийся в своем незаурядном, но личном мирке человек, уже будет всю про себя, конечно же, материть всех обитателей метро, отряхивать одежду и проверять содержимое своих карманов, с целью узнать, а не полегчали ли они за то время, пока вокруг царил мир и гармония вымышленного мирка.

Все это было выдуманной изоляцией, самообманом, и неминуемо следующим за ним саморазоблачением. Реалии современного мира: жажда одиночества в толпе и жажда общения в одиночестве. Психоз, да и только.

Поезд тронулся, постепенно набирая скорость. Шум несущего со скоростью восемьдесят километров в час состава оглушал Игоря, и он даже немного позавидовал владельцам современных гаджетов с наушниками. Интересно в них что-нибудь слышно в таком грохоте? Сквозняк, который было исчез, когда парня затолкнули в вагон, с движением поезда возобновился вновь, со свистом вылетая из вагонных вытяжек. Парень повернул голову к двери, возле которой стоял. Перед глазами проносилась серая стена туннеля с волнами закрепленных на ней черных электрокабелей. Вьющиеся как змеи, они завораживали свои немудреным движением. Игорь некоторое время наблюдал за ними. Мысли его незаметно перешли на предстоящую завтра смену. На необходимость писать объяснительную, выслушивать выговор начальника, кивать головой, и как нашкодивший школьник говорить, что больше он так делать не будет, и уж простите вы меня, пожалуйста.

11. Илья и бродяги

Ожиданиям Ильи не суждено было сбыться.

Станция предстала перед ним разворошенным муравейником. Люди беспорядочно сновали туда-сюда. Подъезжающий поезд забирал часть людей, но буквально мгновение спустя, станция заполнялась вновь. “Круговорот людей в подполье”.

Илья сошел с лестницы и растворился в окружающей его толпе. Стал одним из снующих по своим делам муравьишек. Пытаясь никого не задеть своей достаточно большой сумкой, парень аккуратно подошел к краю платформы. И тут же перед ним раскрылись двери подошедшего вагона. Зайдя внутрь одним из первых, Илья сразу направился в конец вагона, где оставались свободными пара мест. Ехать ему предстояло далеко, выходить не скоро.

«Пусть другие толкуются на проходе, а я может даже вздремну чуток.»

Илья опустился на жесткое кресло, поставив сумку с вещами на колени. Прикрыл глаза и попытался максимально расслабиться. Поезд тронулся, и парень почувствовал, как его начало раскачивать из стороны в сторону. Вагон оказался последним в составе, и его, соответственно, заносило на поворотах, да и просто подбрасывало на неровностях пути. Но это являлось лишь маленьким неудобством. Илья при-

держивался одного очень простого мнения: «лучше плохо ехать, тем более сидя, чем хорошо идти». И благодаря этой мысли переносил тяготы поездки даже с каким-то мазохистским удовольствием. А секунды спокойствия, когда поезд останавливался на станциях, воспринимал, как отдых между подходами. Остановились, подышали, размяли немного мышцы и тронулись дальше.

Постоянные вихляния вагона, в купе с усталостью после соревнований, немного разморили парня, и он стал периодически залипать, проваливаясь в кратковременный сон. И, казалось, что вот так вот и доедет Илья до своей станции спокойно, немного подремав, но тут возле него раздался чей-то противный громкий смех. А затем, бесцеремонно толкнув парня в бок, кто-то в буквальном смысле слова, грохнулся на сиденье рядом с ним.

Илья открыл глаза и повернул голову к соседу. Парень, усевшийся рядом, пытался что-то рассказать стоящей перед ним паре. Феня вперемежку с матом показались Илье адским синтезом бестолковости и косноречья. Понимая сидящего рядом примерно через слово, спортсмен обратил внимание на то, что девушка с парнем, стоящие перед рассказчиком, в отличие от Ильи, весьма живо реагировали на его реплики.

«Вот тебе и гоп-компания по соседству, надеюсь, хоть курить не будут?»

Но и без курева причин для раздражения хватало. Сидящий рядом все чаще стал подталкивать Илью локтем. Вроде и невольно, но неприятно ужас как. И колено, широко расставленных ног гопника, все чаще давила на ногу парня.

«Ну почему нельзя вести себя по-человечески, хотя бы, когда ты в обществе?»

Илья молча терпел соседа, про себя представляя, как отправляет того в нокаут.

– Эй, дружище. Уступи место девушке, – сидящий рядом гопник попытался улыбнуться. Улыбка вышла достаточно кривой и угрожающей.

Илья дернулся было встать, все-таки воспитание давало о себе знать, но потом вдруг остановился, понимая, что сейчас его просто хотят выставить терпилой. Мол, постой не сломаешься, а мы тут посидим, отдохнем.

– А самому встать слабо, твоя вроде знакомая? – он как мог надменной посмотрел на сидящего рядом.

– Эй, дружище, – гопник перестал улыбаться и попробовал закинуть руку на плечо спортсмена. – Ты бы все-таки встал. А?

Илья ловко перехватил движение соседа и занесенная рука, которая вот-вот должна была лечь на плечо спортсмена, резко изменила направление и, описав большую дугу, опустилась на колено самому гопнику, чем ввела его в замешательство.

– Даже не думай еще раз, – Илья с угрозой посмотрел в

глаза зачинщика.

– Коль, хватит. Хорошо? Я так постою. Меня есть, кому держать, – девушка поплотнее придвинулась к стоящему рядом парню, который, хищно сверкнув золотым зубом, обнял подругу и крепко ее поцеловал.

– Видал? За тебя девушка заступается. А ты лошок упертый. Да и хрен с тобой.

Злость все больше захлестывала Илью. Он покрепче сжал зубы, проглатывая оскорбление, а потом ехидно улыбнулся:

– Считай, что это она тебя защитила. Понял? – и лицо тут же приняло серьезное выражение, предвещая соседу неприятности, в случае, если тот вдруг захочет устроить потасовку.

Потасовку гопник собрался устроить тут же, видать нервы у него все же не выдержали, он рванул замок куртки вниз и полез за пазуху, пытаясь что-то достать. Что это могло бы быть, Илья не знал, а узнать не особо стремился. Он резко вскинул руку вверх и в сторону, не распрямляя ее до конца, и локоть будущего чемпиона России по пауэрлифтингу четко припечатал челюсть гопника.

Какое это было удовольствие, видеть, как расширяющиеся от злости глаза противника медленно закатываются, как он, теряя координацию, начинает выделывать руками непонятные движения и заваливается на бок. Еще не опустив руку, Илья заметил, что стоящий перед ним второй гопник тоже дернулся, пытаясь что-то вытащить из кармана. Но тут, оставившая все случившиеся и все возможное, раздался оглу-

шительный скрежет, а вагон, и без того раскачивающийся из стороны в сторону, подпрыгнул на какой-то преграде и стал терять скорость.

Чувство легкой невесомости накрыло спортсмена. А в следующий миг Илью бросило вперед с огромной силой. Он впечатался в потерявшего сознание гопника. Увидел, что мгновение назад крепко стоящие на своих ногах пассажиры летят вперед, падая на пол вагона, спотыкаясь друг об друга, придавливая своих соседей, разбрасывая в стороны руки и находящиеся в них сумки и пакеты.

У одной женщины из легкого пакета-майки разлетелись помидоры. Красные, спелые, лопающиеся от каждого соприкосновения с возникающими преградами. Один из них влетел в лицо пассажиру, который уже был без сознания. Он не почувствовал ни удара, ни стекающего затем по лицу красного сока вместе с мякотью.

Раздался оглушительный скрип и скрежет трущегося, мнущегося и рвущегося в местах наибольшего напряжения металла. А затем вагон вновь потрянуло, и спортсмена сорвало с места, унося вслед за спрессованными в носовой части пассажирами. Уже в полете Илья увидел, как пространство за окнами озарилось бьющими из под вагона снопами ярких и, наверное, очень горячих искр. А попавшийся на пути поручень больно ударил парня по голове и он отключился.

Можно сказать, что потеря сознания очень выручила Илью, так как за ней последовала серия кувырков, и парень

весьма бы удивился, узнав, что его тело может выполнять такие кульбиты. Закончилось все тем, что прокатившись по телам таких же бесчувственных пассажиров, Илья распластался, чуть ли не в самом начале вагона, еще разок хорошенько врезавшись головой в чью-то подставленную ногу. А вагон, еще немного поскакав и поскрипев, но, так и не слетев с рельсов, наконец-то замер, погружая отключившихся людей в море мрака и, неожиданно, такой глубокой тишины.

12. Маша и Виктор

– Так значит в конце августа? – Виктор внимательно смотрел на девушку. Он хотел убедиться, что Маша действительно рада. Да что там греха таить, он и сам был рад такой возможности посетить свадьбу, которую собирались играть не в одной из захудалых кофешек этого насквозь прокуренного города, а на берегу моря. Пусть и нашего Черного, но все равно, моря. Да и вживую посмотреть на подругу своей девушки, истории о которой нет-нет, да и проскакивали в разговорах – это тоже вызывало некий интерес.

– Ага! – Маша в который раз умудрилась кивнуть в такт раскачивающегося вагона, и выглядело это слегка забавно. – Двадцать второго свадьба. То есть двадцать первого мы должны быть там. Ты как, успеешь договориться об отпуске? – девушка изобразила умоляющий вид, слегка приподняв брови и вытянув вперед губы. – Ну, пожалуйста!

Виктор не смог сдержать улыбки:

– Хорошо, хорошо. Я обязательно что-нибудь придумаю. Даже если не отпустят в отпуск, то тогда... – закусив губу, парень на мгновение замолчал.

– И что тогда? – девушка стиснула руку молодого человека, подгоняя его с ответом.

– Тогда? Тогда я уволюсь. – сказал он, еще раз убеждая самого себя в правильности своего решения.

Недовольно нахмутив бровки, девушка серьезно посмотрела на парня.

– Ты серьезно? Или шутишь так плохо? – она вопросительно наклонила голову чуть на бок.

– Какие уж тут шутки. Что я, не найду в Москве работу продавца-консультанта?

На самом деле уволиться Виктор хотел уже давно. Что это за работа – продавец-консультант? Он же не ракетоносителями торгует. Просто бытовая техника. Да таких магазинов в Москве сотни, если что, всегда есть куда уйти. А нынешний старший уж очень сильно раздражал парня. Постоянные придирки, мол, неряшливо одет, то рубашка не поглажена, то туфли в пыли. А как же им быть не в пыли, если на складе сам черт ногу сломит, пробираясь через растущие завалы коробок, целлофана, пенопласта, валяющейся под ногами бумаги и прилепленными то тут, то там обрывками скотча. Дай бог с целой головой оттуда выбраться.

К тому же Виктор все-таки хотел попробовать что-то более серьезное. Вроде молодая спесь прошла, когда после института и все желание-то было просто работать, просто зарабатывать деньги. А тогда вроде и язык был подвешен и в технике более-менее соображал. Почему бы и нет? Но время идет, а роста никакого. И диплом теплоэнергетика до сих пор лежит невостребованный.

– Все! Решено! В любом случае уволюсь!

– И куда ты? После? – Маша была удивлена такому по-

вороту событий. Она рассчитывала, что Виктор возьмет отпуск, ну там, отгула, да хоть просто уйдет без содержания. Но что бы вот так кардинально: Уволюсь. Да, вероятно она еще плохо знает своего парня.

– Попытаюсь по специальности. Ну, или на стройку мастером. Все поинтересней, чем убеждать людей приобрести то, что им не нужно. Или втюхивать товар, который, по сути, необходимо было бы выкинуть на свалку еще вчера.

– Я-то думала, что это я тебя сегодня удивлю. А нет, ты все-таки сумел перетянуть одеяло.

– Одеяло говоришь? – парень заигрывающе улыбнулся подруге. – Одеяло мы сегодня еще не перетягивали. Может ко мне? Тут вроде уже рядом.

Маша подняла взгляд на висевшую над дверью вагона электронную панель. Красные огоньки мигали возле станции «Сухаревская». И поезд, в подтверждении прибытия, начал тормозить, нещадно издеваясь отвратительным скрежетом и свистом над слухом находившихся в вагоне людей. Вылетевшая навстречу станция ослепила Машу своей, как ей показалось, утрированной яркостью. Свет, идущий от панелей, тянувшихся над массивными колоннами по всему залу и платформам, казалось, усиливаясь в своей интенсивности, отражался от мраморных плит, которыми были облицованы стены.

Девушка с вызовом посмотрела на парня.

– Ну что? К тебе? – она подмигнула молодому челове-

ку. Ловко выдернула у него свою руку, и быстро юркнула в раскрытые двери вагона, через которые уже втягивалась бесформенная масса людей.

– Ах, ты! – только и успел вскрикнуть Виктор, вскакивая вслед за девушкой. «Да что это сегодня на нее нашло? Все какие-то догонялки». Но, тем не менее, парню это даже нравилось. Сквозили в сегодняшнем поведении Маши какие-то эротические нотки, и поэтому Виктор был не против побыть в роле догоняющего. Пусть будет охота.

Он успел выскочить на платформу в самый последний момент. Двери вагона за его спиной с шумом закрылись, и нарастающий гул ускоряющегося поезда, вкупе с усиливающимся сквозняком, заставили парня на время отвлечься от точеной фигурки своей девушки, которая, продолжая свои игры, спряталась за ближайшую колонну.

Люди вокруг не суетились. Они были целиком и полностью погружены в свои мысли, такие индивидуальные и личные для каждого и такие похожие друг на друга в общих чертах. Часть людей, покинувших вагон, направлялась к выходу в город. А навстречу им, спускаясь по эскалатору, двигались точно такие же люди, с точно такими же мыслями и чувствами, только одеты они были по-другому и они лишь собирались отбыть на станции, которые были где-то там, далеко: для одних впереди, для вторых уже позади, ну а для третьих в стороне.

Виктор осмотрел зал, но Машу нигде не увидел. «Ладно,

поищем». Он, не торопясь, двинулся по центру зала от одного конца к другому, периодически заглядывая за колонны. Пусто. Нет, конечно, там были люди, замершие на месте в ожидании очередного состава. Но Маши нигде не было.

Азарт охотника, охвативший парня в начале поиска, с уменьшением количества необследованных колонн спадал, сменяясь чувством нарастающей тревоги. «Да где же она?». Виктор уже не ощущал себя охотником. Он был растерян. В сознании еще теплилась надежда, что это игра, но не появившаяся ни разу Маша, хотя бы ее силуэт, он бы узнал, заставляли его волноваться все больше и больше. Кажется вон она, ее прическа. Но нет. Лишь шорох заполненных перронов и шум ветра, несущегося перед составом, который должен был сейчас вынырнуть из темного туннеля.

«Да черт бы ее побрал». Уже не зная, что больше наполняет сознание: страх или злость, парень четко осознал, что с каждым шагом, он становится все больше одинок. «Где же она?». Он все еще шагал и шагал по центру зала. Его лицо, отражающее в начале пути желание и нетерпение, теперь выглядело растерянным. «Она же должна сейчас выпрыгнуть из-за ближайшей колонны. Она обязана соорудить ему рожицу, доказывая, что он проиграл. Что он давно уже не охотник. Что он сам уже жертва». Жертва своего страха. Своей привязанности и любви.

«Это жестоко». Теперь он думал, что это злость. Он ее ненавидит, но как же он боится. И что еще страшнее, он осо-

знает, что боится не столько за нее. Его страх концентрируется и вокруг него самого. Ему страшно за себя. Как он будет, если ее сейчас не найдет. Что он будет делать? Он останется здесь же? Он сойдет с ума?

Значит, все-таки это страх? Пульсирующий сейчас внутри, накачивающий вены и жилы адреналином.

Виктор в замешательстве брел через зал, медленно, беспорядочно крутя головой, заглядывая за колонны. Адреналин в крови буйствовал. Парню то хотелось броситься бежать, что бы быстрее исследовать оставшуюся часть зала, то хотелось остановиться на месте и громко, перебивая и топот идущих мимо людей и шум поезда, несущегося по туннелю, проорать имя девушки. «Да где же ты? Что это за игра, в которую ты вынудила меня играть? Почему не покажешься? Или может с тобой что-нибудь случилось? В тот момент, когда он отвлекся на шум вокруг. Да нет. Ты должна быть где-то здесь.»

С каждым шагом уверенность Виктора таяла. В груди образовалась тяжесть, которая давила все сильнее и сильнее, ломая сознание и заставляя парня паниковать. Он уже не чувствовал толчков, попадающих на встречу людей, не слышал летящие в спину оскорбления, он надеялся и верил, что сейчас, из-за вон той последней колонны, покажется улыбающееся лицо, и Маша, заигрывая, подмигнет ему своими карими, глубокими глазами. И поэтому уверенное похлопывание по его плечу отозвалось в душе Виктора радост-

ным всплеском. «Должно быть это она. Устала от того, что ее парень такой медлительный». Разворачиваясь, Виктор почувствовал, что тяжесть в груди срывается, тает, ему становилось легче, и улыбка начала расползаться по его лицу. Но улыбка застыла уродливой гримасой, а тяжесть в груди придавила вновь, но теперь с такой силой, что, казалось, вдыхаемый воздух не может попасть в легкие. Вроде бы и дышишь, а внутри лишь отвратительный смрад.

Перед Виктором стояли двое полицейских. Сержант и младший лейтенант. Оглушенный нахлынувшими чувствами тревоги и неминуемой потери, парень смотрел на служителей закона, как на картинку в телевизоре. Казалось. Или нет, не казалось, младший лейтенант ему что-то говорит, и вроде Виктор слышит его речь, но смысла сказанного никак не разберет.

Офицер повторил бессвязные слова еще раз и, не получив в ответ никакой реакции, переглянулся с напарником. «Что, мол, с ним делать?» А Виктор стоял перед ними с той же окаменелой и чуть перекошенной полуулыбкой. Ему даже померещилось, что он наблюдает за происходящим не своими глазами, а как будто со стороны, откуда-то сверху.

Вот два полицейских пытаются что-то втолковать ему. Как странно он выглядит. Вот сержант опускает руку ему на плечо и немного трясет, а другой рукой уже лезет за наручниками, болтающимися на ремне.

Вот. И Виктор, наконец-то ощутил облегчение, он обна-

ружил Машу. Она стояла, прислонившись к колонне в самом начале зала, и смотрела на другую колонну. Виктор лишь на мгновенье удивился тому, что видит девушку через весь зал за преградами. А потом спросил сам себя: «А почему, собственно, он не мог обнаружить ее раньше, таким же образом?». Это же проще простого. Но что точно озадачило его, так это взгляд девушки. Широко раскрытые глаза, пронзающие взором похоже все колонны перед собой. Застывшее в удивлении лицо. Как будто бы то, что сейчас видит девушка – это прозрение, которое, может быть... Нет, которое обязательно изменить ее, а следовательно и его Виктора жизнь.

А вот на станцию влетает поезд. Обычный состав, один из идущих вслед за тем, на котором прибыли Виктор и Маша. Обычный состав, не сбрасывая скорости, несется вдоль перрона. Не слышно свиста и скрежета тормозов, лишь грохот многотонной железной махины, то и дело подпрыгивающей на рельсах. Перекошенное лицо машиниста, пытающегося что-то сделать в кабине, уносится вместе с головой поезда вперед. А за дверьми вагонов, прижав друг друга, кто плечом, кто сумками, в оцепенении схватившись за поручни, проносятся лица пассажиров, искаженные ужасом и осознанием того, что сейчас случится что-то непоправимое, выходящее за рамки обыденности. И поезд, не рассчитанный для таких скоростей на этом участке пути, чересчур раскачавшись, слетает с рельс, цепляется боком за край платформы, выбивая снопы разноцветных искр, и, подскочив на высоких

шпалах, врезается в стену, возле входа в туннель. Машинист, пытающийся включить тормозную систему, в последний момент поднимает руку, что бы перекрестится, но вот успевае или нет, Виктор уже не видит. И к грохоту несущегося состава добавляется, оглушительный звук удара, который перекрывает собой все звуки метро.

Вагон с машинистом, влетев в стену, блеснул ослепительными искрами всех расцветок. Металл корпуса, от давящих на него сил, стал мяться как бумага, оберточная фольга, местами вспучиваясь неправдоподобными волнами, а местами разрываясь, как истлевшая и вытертая до дыр за годы своей изнурительной службы половая тряпка.

Вслед за головным вагоном, резко уткнувшегося в преграду, на платформу начинают вылетать другие вагоны. И тут раздаётся скрежет и скрип, по силе которых Виктор не слышал никогда в своей жизни. Вспыхивающие от трения, как спички, вагоны в многометровых снопах искр вереницей вылетают на платформу. Так, что одни с силой врезаются в первые, сминая их как консервные банки. А другие вылетают на платформы и рушат все, что попадаете у них на пути: и колонны, плитка с которых отлетела еще в момент взрыва от головного вагона и информационные пилоны, как оказывается такие хрупкие и неустойчивые, и лестницы, ведущие к эскалаторам. Скрежет и скрип рвущихся тонн исковерканного металла, периодические взрывы и нестерпимый огонь всех оттенков заполняют станцию и хоронят всех при-

существующих на ней.

И вот один из вагонов влетает в так ничего и не понявших Виктора и двух полицейский, застывших, как статуи. Виктор с окаменевшей улыбкой, а полицейские с недоумением в глазах, и зажатые в руках наручниками.

– Молодой человек, с вами все в порядке?

Виктор резко разворачивается и видит перед собой двух полицейских: сержанта и младшего лейтенанта. Оба смотрят на него с явным подозрением и осторожностью. Будучи еще в оцепенении от увиденного, Виктор пропускает их вопрос мимо ушей. И только, когда младший сержант поднимает руку к плечу парня, а второй тянется за наручниками, только когда из туннеля раздается грохот несущегося на огромной скорости поезда, а ветер, рвущийся перед ним, заставляет стоящих на платформе людей отворачиваться и прикрывать лица всем, что только есть у них в руках, только тогда Виктор понимает, что привидевшееся ему мгновением раньше, сбудется уже сейчас.

Сержант кладет руку парню на плечо, и Виктор, не знавший раньше, что может так легко сопротивляться представителям власти, отпихивает обоих полицейских в стороны. Да так, что, упав на мраморный пол, они еще некоторое время скользят по нему не в силах найти устойчивую опору. А Виктор уже несется через весь зал туда, где должна стоять Маша, за первой колонной параллельного от обреченного на уничтожение перрона. Заворачивая за нужную колонну, па-

рень краем глаза видит, как вылетает из туннеля тот самый поезд привидевшийся ему. Последним рывком Виктор хватается стоящую все в том же странном оцепенении девушку, широко раскрытые глаза которой смотрят сейчас в дали не виданные, как понимает Виктор, до сели ни кому. Он бросается с ней на рельсы соседнего пути, поезд с которых отошел мгновением раньше. Прижимает ее к шпалам своим телом и ждет начала конца.

Раздается рвущий душу на части скрежет вперемежку с громыханием мчащегося поезда. А затем оглушительный взрыв и яркое пламя, бьющее от соседних путей, заставляют содрогнуться всю станцию. Виктор чувствует, как бетон под ним вибрирует от мощного удара. Он не видит того, что происходит сейчас на станции. Он это уже видел. И ему становится страшно вдвойне. И за свершающуюся сейчас трагедию, и за его неожиданное видение, благодаря которому он спас жизнь себе и Маше. Электрический свет истерически дергается в предсмертных конвульсиях и неожиданно гаснет, ввергая станцию в картину ада на земле. Языки пламени, всполохами бьющие над головой, уродливые тени, двигающиеся по осыпавшимся стенам пролета, постоянно сыплющийся на голову и тело мусор, пыль, обломки мраморных плит. Виктор не понимает, как он все еще находится в сознании. Какой-нибудь камень уже должен был бы пробить ему голову. Или перепонки должны были лопнуть от вливающегося в них потока неистового шума. А он еще терпит. И вот,

кажется, и Маша зашевелилась.

Виктор немного приподнимается и в красных сполохах видит обычное лицо любимой. Обычное, и в тоже время очень серьезное, как будто бы то, что парень сейчас лежит на ней и закрывает ее своим тело – это что-то не нужное, лишнее. Пространство над головой гремит еще раз. И все замирает. Только яркое пламя, пожирающее сейчас все до чего может дотянуться, освещает картину разрушения.

– Надо спешить! – Маша отталкивает лежащего сверху парня. – Нам надо его найти!

– Куда спешить? Кого найти? – Виктор вскакивает с бетонного пола и опять, как в самом начале их вечера, гонится за девушкой, которая уже вскарабкалась на платформу станции. Но сейчас Маша не играет, она действительно торопится что-то сделать, боится что-то не успеть.

Парень залезает на перрон вслед за ней и в ужасе замирает. Такое он видел раньше только в кино. Разрушено было практически все. Вся ветка, по которой несся поезд, сейчас полыхала останками исковерканных вагонов. Часть колонн была сметена в пыль, и каким образом свод станции удерживался от обвала, парень откровенно не понимал. Линия, на которой он спасся от гибели, с одной стороны была также перегорожена горящими вагонами и то и дело осыпающимся сверху грунтом. Выход в город был срезан, оставив на своем месте лишь обожженную и дымящуюся едкой гарью кучу бетона, стали и частей вагонов. Единственный выход, как

понимал парень, находился сейчас в той части туннеля, где он прикрывал свою девушку.

Но Маша выбрала другую дорогу. Она пробиралась к завалам у входа в туннель, откуда вылетел поезд. Не жалея себя и своей одежды, она уверено перелезала, через вздутия бетона, гранита и, сверкающих остротой в отблесках пламени, стальные грани разорванных прихотью судьбы вагонов.

Из-под завалов то тут, то там начали доноситься плач и стоны. Призрачные поначалу, они усиливались с каждым вновь приходившим в сознание человеком, кому суждено было сегодня выжить в этом ужасе. И несколько обгорелых фигур неровной походкой уже бродили по некогда красивому залу станции «Сухаревская», который сейчас больше походил на отработавший свое время военный полигон.

Виктор бросился за девушкой, по пути чуть не налетев на не пойми откуда взявшегося мужчину. Весь в саже и лохмотьях вместо одежды тот обыскивал развалины под ногами. И с громким рыданием неожиданно рухнул рядом с кучей обломков, из-под которых торчала чья-то обожженная, тонкая и некрасиво переломленная кисть.

– Маша стой! – Виктор поймал спутницу за руку и силой развернул ее к себе. – Выход в другой стороне!

– Мы должны его вытащить! – вновь повторила девушка. – Он поможет нам!

– Да кто это?! – не выдержав, заорал парень на Машу.

Маша на мгновение замялась, как бы раздумывая, что от-

ветить.

– Не знаю. Но он точно поможет. – девушка вновь ринулась вперед, но парень ее удержал.

– Кому? Кому он поможет? – пытался вникнуть Виктор.

Маша перестала вырываться, остановилась и опять серьезно посмотрела в глаза Виктору.

– Как ты меня спас? – девушка смотрела на парня сухо, без эмоций и говорила с такой уверенностью в голосе, что Виктору показалось, что это вовсе и не она сейчас перед ним. Не она, а кто-то другой, наделенный силой убеждать и подчинять. – Ты видел, как это произошло. – Маша даже сделала шаг вперед, еще сильнее прижимая парня взглядом. – Ты видел ЭТО ЗАРАНЕЕ! – она не спрашивала, она утверждала. И вдруг неожиданно отступила, и на мгновение черты ее лица разгладились, и она вновь стала собой. – Ну, вот и я, я тоже видела. И еще я видела, что нам надо сделать, что бы спасти его, что бы он не задохнулся там. А он потом поможет нам.

Маша вновь дернулась вперед, и Виктор не стал ее задерживать. Он лишь замер, вспоминая свое видение, а потом двинулся вслед за девушкой, которая уже вплотную подобралась к торчащему из туннеля вагону.

13. Игорь

«Паршиво. Все очень паршиво».

Игорь пытался приподнять лежащие на нем тела. По началу, когда он пришел в себя, в след за сознанием пришла паника. Он ни понимал, где он? Как очутился под грудой бесчувственных тел? Почему все отчетливее доносится запах гари? В первую минуту ему даже показалось, что он похоронен заживо, или его собираются сжечь вместе с остальными, невесть как попавшими сюда людьми. А куда сюда?

После нескольких попыток хоть как-то докарабкаться до своей памяти, Игорь все-таки начал вспоминать, что он был в метро. Что он, спасаясь от грозы, которая чуть не отправила его на тот свет, был вынужден спуститься в подземку. Что он, находясь чуть ли не в самом первом вагоне поезда, был уж тогда придавлен набитыми как шпроты в банке телами. Значит, что? Он и сейчас находится там. Но, черт возьми, почему на нем лежат другие люди? Почему он придавлен к полу, не в силах переместить руку больше чем на несколько сантиметров, а силы вдоха хватает, лишь на небольшую порцию воздуха, который становится с каждой минутой все более горьким и едким.

Еще одна попытка пошевелиться. Ничего. Может быть, если ему удастся нащупать какую-нибудь опору, типа поручня, то тогда он сможет подтянуться и вытащить себя из под

давящих тел. Или, если бы он лежал на животе, то смог бы оттолкнуться, от пола. Но, увы, лежал он на спине. Это он понял по специфически пахнувшей струйке, которая прочертив по скуле линию, начала концентрироваться в районе затылка, постепенно образуя там лужу. Чувство омерзения, изначально появившееся вместе с первыми каплями жидкости, вскоре сменилось просто чувством сырости. А промокшая насквозь одежда, теперь была еще и загажена. Да к тому же Игорь не знал, может быть и его мочевой пузырь тоже не выдержал давления сверху, и лежит он сейчас и в своей луже тоже.

«Найти опору. Ну, что же, поищем». Игорь сконцентрировался только на том, что чувствуют сейчас его пальцы. Причем орудовать он мог только правой рукой. Чье-то грузное тело лежало поперек левой руки. И передвигать его было просто невозможно, не подтянуть ее к себе, не переместить в сторону.

Обдирая о шершавый пол кисть и пальцы, парень начал исследовать пространство под телом около себя. Сколько у него ушло на это времени, он не знал. Он чувствовал лишь боль в сведенной в предельном усилии руке. Чувствовал, что содранные до крови пальцы с поломанными ногтями ощупывают лишь песок на полу да одежду лежащего рядом человека. Плечо ныло от усталости, локоть вместе с кистью отзывались болью изодранной плоти.

«И что теперь?» Парень лежал не шевелясь. «Может по-

звать на помощь? А смысл? Сможет ли крик прорваться через это массивное одеяло? Да и услышит ли его кто-нибудь? Но ведь воздух как-то сюда попадает?» Сам себе ответил парень. «Значит есть коридорчик, по которому и крик сможет вырваться наружу».

Игорь набрал в легкие как можно больше отвратительно-го своей горечью воздуха и изо всех сил крикнул: «Помогите!». Но вместо крика услышал лишь слабый хрип, переходящий в судорожный кашель. Горло отказывалось служить ему. Тогда парень, прежде чем снова попробовать, прокашлялся несколько раз, разминая связки и, выбивая, как ему казалось, скопившейся во рту песок. В меру громко попробовал сказать: «Помогите». Услышал свой голос, который звучал уже куда как лучше, чем до этого. И уже после вдохнул, насколько это было возможно, полную грудь воздуха и заорал во все горло так, что даже оглушил самого себя: «Помогите!». И еще несколько раз, пока горький и едкий дым не заставил его вновь зайтись сухим кашлем.

В ответ ничего. Как в той пустыне, где он бродил во сне. Ему вновь привиделась выжженная коричневая земля. Трещины, разбегающиеся в разные стороны и серое матовое небо, не имеющее ни облаков, ни солнца. И бескрайний горизонт, уносящийся в неведомую даль.

Игорь нервно улыбнулся сам себе. «Да что же это со мной? То я сплю по двое суток, не слыша ни будильника, ни звонки. Потом сосед после разговора со мной получает insult. Я

и сам чуть не отправляюсь на тот свет, пытаюсь спастись от непогоды. Да и сон этот странный. А сейчас еще и это. Может меня кто сглазил? Проклял в своей злобе. Но кто? Да и в принципе, за что?»

Парень даже не удивился таким мыслям. Потому что объяснить самому себе происходящее с ним в течение последних двух дней аргументированными и адекватными доводами он не мог.

«Сглаз. Чистой воды сглаз. Меня самого и еще всех тех, кто меня окружает. Но так, что бы целый вагон!» – продолжал удивляться самому себе парень. «Да что там вагон? Скорее всего – это целый поезд. Это и вправду должно быть сильное проклятье».

И вновь улыбка. Самому себе, с долей иронии, сарказма и какого-то противного все сильнее пробирающего в поджилки чувства обреченности.

Дышать становилось все сложнее, все меньше кислорода попадало к нему и все больше дыма окутывало его тело и снаружи и изнутри. Игорь был уже в предобморочном состоянии, и потому не заметил, что куча людей давящая на него сверху, стала чуточку легче. А за ее массой явно кто-то что-то делал, периодически издавая натужные стоны.

14. Антон и Егор

Это было как в замедленной съемке. Бутылка жигулевского пива местной пивоваренной компании выскользнула из руки Егора и, кувыряясь в воздухе, постоянно выплескивая по дороге густую пену, пролетела мимо удивленного лица Антона. Он медленно проводил бутылку взглядом, потом посмотрел на товарища, рука которого сжимала теперь лишь пустоту, а затем с силой ударился о находящийся рядом поручень.

Свет померк в одно мгновение, и тут же темнота в газах сменилась черно-белыми звездочками, которые улетели вслед за находящимися в вагоне людьми. Крики падающих вокруг пассажиров метро, как казалось Антону, заглушали неправдоподобный металлический лязг и срежет, раздающийся в туннеле. Егор, пытаясь зацепиться за поручень рядом с Антоном, издал не то какой-то визг, не то крик, и, широко раскрыв от удивления глаза, улетел вперед, перемещиваясь там с живой массой людей.

Поручень, на котором повис Антон, скрипел в тон резко затормозившему поезду, а сам парень еле сдерживал стон, рвущийся из-за плотно сжатых губ. Перегнувшись через поручень, Антон держал у себя на спине, по меньшей мере, пять человек, которые по инерции давили вперед. Опора под ним начала прогибаться все сильнее, и в момент резкого

толчка, когда поезд влетел в стену, поручень не выдержал, давящей на него массы. Антон успел с облегчением вдохнуть и в следующий момент с силой влетел в чью-то спину, костлявую, твердую и неприятно пахнущую. А затем на парня вновь надавили все те люди, что прижимал его до этого.

Свет в вагоне трепыхался, как бабочка в паутине, и у стороннего наблюдателя могло сложиться впечатление, что он на дискотеке, когда яркий белый свет моргает с невообразимой частотой, когда на долю секунды становится невообразимо ярко, а затем наступает полная темнота. И при этом промежуток времени между переключением настолько маленький, что человеческий взгляд воспринимает лишь рваную картинку, дерганную и неровную. Но сторонних наблюдателей здесь не было. Все люди, находившиеся в вагоне, под скрежет трущегося металла, постоянные всполохи искр за окнами и мигание света внутри, все присутствующие были увлечены неудержимым движением вперед навстречу поручням, локтям и спинам.

На ногах не устоял никто. В момент, когда вагон все же остановился, Антон был в сознании, придавленный от силы лишь двумя телами. Свет в вагоне моргал с меньшей частотой, чем до этого. Но его неровный ритм угрожал оборваться в любой момент. Где-то впереди раздавались взрывы и скрипы. Вагон и пространство за ним были наполнены стонами боли.

Антон ощутил, как кто-то над ним совершенно бесцере-

монно уперся рукой в затылок, от чего парень чуть не задохнулся, уткнувшись лицом во все ту же дурно пахнущую спину. И, наверное, именно этот резкий мускусный запах окончательно привел его в чувство. Резко дернувшись, Антон скинул с себя так неудачно расположившегося мужчину. Вскочил на ноги, и тут же грохнулся обратно, поскользнувшись на чьем-то рукаве. Поднялся второй раз и, оглядевшись вокруг, в ужасе схватился за вывернутый поручень. В мерцающем свете и всполохах недалеких пожаров парень, спотыкаясь и ежесекундно падая на чье-нибудь тело, добрал до ближайшего сиденья, откинулся на уцелевшую спинку и замер так на несколько минут, приходя в себя.

Вокруг царил хаос. Тела валялись вперемежку. Кто-то стонал, постепенно приходя в себя и борясь с охватывающей тело болью, кто-то шевелился, пытаясь выбраться из под давящих сверху тел. Но большинство, не двигаясь, валялось в совершенно неестественных позах. Руки заломлены, ноги вывернуты, головы вздернуты вверх, и глаза у некоторых смотрят невидящими взорами сквозь металл вагона, тела, лежащие вокруг, и, наверное, сквозь самую толщу земли, в недрах которой сейчас гибли сотни людей.

«Надо найти Егора». Почему-то в этом мигающем свете, и проникающем сквозь щели вагона едком запахе дыма, Антон не мог сосредоточиться в полной мере. Он не был морально готов к подобному происшествию. Он нуждался в помощи и поддержке.

«Найти Егора, а затем спасти всех остальных, и спастись самим». Благородство еще не было выветрено из сознания молодого парня абсолютным безразличием большого города, где люди живут лишь для себя и человек человеку волк. Парень искренне верил и в добро и во зло, и ясно видел для себя, где проходит линия разграничения этих двух понятий. И поэтому, попав в ситуацию, где он может помочь другим, он считал себя обязанным сделать именно так. Ведь он же человек и гражданин! А люди, какими он не были бы зверями в обычной жизни, обязаны помогать друг другу во время беды.

Определив для себя задачи и последовательность их решения, парень начал медленно пробираться среди валяющихся впереди бесчувственных тел. Стараясь не наступать на расprostертых людей, он аккуратно переставлял ноги, находя пространство между плотно лежащими друг к другу телами.

Шаг. Еще один. Вдруг чья-то рука сильно схватила его щиколотку. Да так, что Антон от неожиданности резко дернул ногу вверх. Хватка соскользнула, но рука тут же показалась вновь. Повинуясь внутреннему порыву, парень схватил руку и потянул на себя. Он никогда не думал, что человеческое тело может быть таким тяжелым. Вот вслед за предплечьем из кучи показалась голова. Это был мужчина средних лет с огромными, скорее всего от пережитого только что, темными глазами. Он даже ничего не сказал парню.

Усевшись на скамейку, где недавно приходил в себя молодой человек, он обхватил руками свою голову, и, тихонько подвывая, начал медленно раскачиваться из стороны в сторону. Оставив его, Антон продолжил пробираться дальше.

Свет в вагоне моргал все реже. Все чаще разбросанные по полу тела погружались в полную темноту, подсвеченную снаружи не такими уж и далекими пожарами. И в эти мгновения, Антон беспомощно замирал на месте, боясь двигаться дальше, чтобы не наступить на кого-нибудь.

Вот свет вновь померк, и Антон замер, не двигаясь, и погрузился в какой-то нереальный мир. Ему казалось, что он один живой среди мертвых, что вокруг уже начавшие тлеть трупы, а через нос в легкие с каждым вдохом проникает их трупный яд. Парень даже остановил дыхание, пытаясь стряхнуть наваждение. Свет включился вновь и Антон, уже менее осторожничая, ринулся вперед к еще живым людям, вдыхая в себя все более усиливающийся запах гари. Он, примерно вспомнив, куда унесло его друга, принялся отодвигать лежащие тела. Некоторые начинали стонать от его прикосновений. От первой парочки таких тел Антон со страхом отшатнулся, но постепенно освоившись и успокоившись, он начал помогать подниматься этим людям.

Часть пришедших в себя пассажиров вместе со схватившим Антона за лодыжку уже орудовала возле двери, пытаясь открыть ее, что бы выбраться в туннель. Парень же все разбирал завал из бесчувственных тел. У очередного муж-

чины, и Антон с отвращением отдернул руку, на месте сгиба локтя сквозь отсыревший от крови рукав джинсовой куртки торчала белая на сломе кость. Переборков тошноту, вызванную видом чужой крови и торчащей кости, парень похлопал мужчину по лицу. Тот еле зашевелился и сквозь сковавшую губы сухость прохрипел: «Где я?».

Антон вкратце рассказал ему о происшедшем, помог, как и предыдущим, сесть на сиденье, а сам продолжил ковыряться среди тел, краем глаза наблюдая, как раненый мужчина, сначала с изумлением смотрел на торчащую из кровавой джинсы кость, а затем стянул с себя ремень и прямо поверх куртки затянул его выше места перелома. При этом орал он так, что несколько людей пришли в себя сами без помощи со стороны.

«Вот и нашел, сначала друга, а затем помог всем остальным». Парень разгребал людей, наблюдая, как вагон потихоньку пустеет. Как пришедшие в себя, кто по группе, а кто по одному, отправляются в путь по рельсам. Как некоторые, все же чувствовавшие на себе бремя общественного долга, принимаются помогать собратям по несчастью, приводя их в чувства и оказывая первую медицинскую помощь.

И вот наконец-то, в уже весьма поредевшей куче находившихся без сознания людей Антон увидел знакомую ветровку с эмблемой «Найк». Парень подпернул бесчувственного товарища вверх, но придавившие его тела не позволили это сделать. Антону пришлось сначала отодвинуть какого-то

грузного мужчину и весьма симпатичную девушку, которая тут же пришла в себя и, не разобравшись в чем дело, начала строить глазки парню, пока тот помогал ей подняться. Но когда она осознала где находится, то взгляд ее из кокетливо-го превратился в наполненный испугом взор ребенка, родители которого, увлекшись выбором шмоток, свернул за какой-нибудь стенд в модном бутике, а бедняга теперь стоит один посреди зала и не знает, что ему делать и куда бежать, а на губах уже готов сорваться жалобный крик вперемежку с надрывным рыданием.

Добравшись до Егора, Антон первым делом проверил его дыхание. Все в норме. Повреждений на теле товарища парень не увидел. И, немного приободрив самого себя, стал приводить друга в чувства. Как ни странно, пары ударов по щекам Егору было достаточно. Открыв сначала левый, а потом правый глаз, парень еще некоторое время молчал, осознавая, где он и что с ним. А после с ужасом посмотрел на одноклассника и выдал такой нелитературный набор слов, что Антон невольно поморщился. А люди, сидящие в другой части вагона, оставили свои дела и с удивлением воззрились на еще молодого парня, который ни как не мог за свою жизнь увидеть и уж тем более пережить все то, что он только что сказал.

– Эй! Эй! Ну, ты как? – Антон в упор смотрел в широко раскрытые глаза Егора. – Пришел в себя?

В ответ парень еще раз витиевато выругался. Покрутил

головой, переводя взгляд, то на друга, то на сидящих поодаль сограждан. Задержался на тусклых всполохах в окне. Как стекла в вагоне не повыскакивали при таком торможении, было не понятно. Он посмотрел на лежащих на полу людей. Попытался встать, но с первого раза у него это не получилось. Тогда выждав несколько секунд, он вновь попытался подняться, при этом упершись всем телом на плечо друга.

– Твою же мать! – Егор явно был еще не в себе. – Это как же так? Ничего не помню.

Антон проводил друга до ближайшего сиденья, которое за недолгое время стало своеобразным перевалочным пунктом для приходящих в себя людей.

Из уже открытых створок дверей все сильнее доносился запах гари, а с неровными порывами ветра в вагон начали вползать струйки дыма, пока что молочно-белые, как туман, но становящиеся с каждой минутой все более густыми и темными.

– Антон, надо валить отсюда. – Егор поднялся с сиденья. – И сделать это надо, как можно скорее.

Сказав это, парень двинулся к выходу из вагона, людей в котором оставалось меньше трети от первоначального числа. Часть из которых продолжала валяться на полу, так и не прейдя в чувство, а другая часть уже спускалась в мерцающую темноту заволакиваемого дымом туннеля.

– Так нельзя. – Антон стоял на месте.

– Что нельзя? – не понял Егор, обернувшись на товарища.

– Нельзя их бросить. – Антон окинул взглядом, лежащих без сознания людей. – А вдруг мы бы были на их месте. – помолчал мгновенье и добавил. – Да ты и был на их месте. И если бы не я, то до сих пор так и лежал бы, придавленный и задышался бы там.

От нерешительности Антона, которая сковала его в самом начале поиска товарища, не осталось и следа. Он четко знал, что должен делать. Егор же, стоя полубоком к другу, опустил голову. Потом медленно повернулся и, зажато улыбаясь, сказал.

– Да, ты прав. Что-то мне по голове, видать, круто прилетело. – он двинулся к бесчувственным телам. – Ну, что? С кого начнем?

Антон похлопал товарища по плечу, мол, молодец, так правильно, так нужно, и уже вместе они начала помогать людям, пока едкий дым еще не совсем мешал это делать.

Как выяснилось, не всем пассажирам этого вагона повезло пережить поездку, ставшую последней и для поезда и для этих людей. У одной женщины шея была вывернута так неправдоподобно, что сначала показалось, будто эта голова не ее, а другого человека, лежащего рядом. Но когда тот заворочался, а синюшное лицо женщины при этом плавно закачалось от движения, Антона чуть не вырвало от осознания того, что она мертва. Так же была пара людей, головы которых были пробиты кусками поручней и сидений. Им помогать тоже уже не было нужды. Крови на полу вагона было не

так уж и много. Как видимо большая ее часть впиталась в одежду пассажиров.

В конце концов, когда электрическое освещение оборвалось совсем, а от горького дыма заслезились глаза и кашель заставил судорожно сгибаться, парни решили, что больше им здесь делать нечего. На полу вагона остались лежать только мертвые тела. Антон с Егором еще какое-то время постояли возле них. В отблесках пляшущего где-то за вагоном пламени раны на мертвых видны не были. Они лежали как сломанные игрушки, а придать их телам более естественное положение парни не решились.

Освещая себе путь светом мобильных телефонов, парни аккуратно спустились из вагона. Там, где должна была быть голова состава, всюду бушевало пламя, багровыми волнами накатывая на сводчатый потолок и плескаясь под ним образуя своеобразные приливы и отливы. Антону даже показалось, что он чувствует жар от огня, хотя до него было еще как минимум три вагона.

Задерживаться товарищи не стали. Вопросов по выбору дороги не возникло. Прочь от огня и дальше от дыма. Заглядывать в вагоны по пути они не решались, так как задержка в этом дыму грозила и им самим неминуемой гибелью. Правда иногда все же приходилось перелазить через помятые, ободранные и местами словно вспоротые огромным ножом темные вагоны, которые перекрывали туннель, прижимаясь к его стенам, то одним боком, то другим. В этих ва-

гонах, царила примерно та же картина, что и в их собственном. Где-то на полу оставались лежать уже мертвые тела, а где-то люди старались помогать друг другу. Парням удалось привести в себя еще одного мужчину, который тут же с ревом бросился к распластанной на полу женщине, которая, к сожалению, была уже мертва. Стоя на коленях перед телом, мужчина прижимал к своему лицу ее руки, как будто пытался согреть их своим дыханием. Рев, вырвавшийся у него в первом порыве, затих. Теперь он беззвучно замер над телом. Антон осветил мужчину светом мобильного, и увидел, что лицо у того перекошено в приступе истерики, безмолвной и поэтому такой жуткой.

– Оставь его. Пойдем. – Егор дернул друга за рукав. – Он все равно останется с ней.

Антон и сам это прекрасно понимал. Он физически ощущал то безразличие к самому себе, что охватило сейчас мужчину, который, по-видимому, хотел сейчас лишь одного: умереть тут же рядом с той, что лежала на полу.

Парни отступили и пошли дальше, перебираясь через открытые двери пустых вагонов. Больше люди им не попадались, ни живые, ни мертвые. Удаляясь от головы состава все дальше, парни заметили, что вагоны тут пострадали меньше, чем идущие в составе первыми. Все реже встречались искорканные и помятые. А последний вагон вообще стоял на рельсах, как будто бы он остановился на очередной станции и ждет, когда его заполнят всегда спешащие люди. Но, ни

людей вокруг, ни света, указывающего им дорогу, не было. Темнота и оставшийся за спиной запах гари, который уже не вызывал приступов кашля, от которого парни страдали в своем вагоне.

15. Бес

Бес очнулся первым. Как это нестранно, он помнил все, что с ним произошло. И ограбление, пока что удачное. И то, как подруга Мони вывезла их из магазина. Помнил он и поездку в метро. Его попытку поднять с места какого-то фраера и острый локоть того же фраера, впечатавшийся Бесу прямо в челюсть. А так же парень не удивился тому, что в вагоне прерывисто мерцает свет, что люди лежат друг на друге, а некоторые еле слышно постанывают. Бес понял, что поезд потерпел крушение в этих подземных катакомбах, в этих сосудах огромного неповоротливого животного и, закупорив одну из артерий, будто оборвавшийся тромб, перекрыл ток крови к мозгу и сердцу неподъемной твари, обрекая пока еще живое существо на неминуемую, преждевременную смерть.

Сам же для себя Бес отметил, что относится к происходящему совершенно равнодушно. Главное, что сам жив и цел. А то, что рядом кто-то лежит весь переломанный, так это его личное дело. Но страх липкой, вязкой субстанцией все-таки начал проникать в сознание парня. Не осмысленный и не имеющий какой-либо причины он неотступно пробирался в душу молодого гопника, заставляя его нервничать и судорожно переводить взгляд с одного предмета на другой и тут же возвращать его обратно.

Лежа на спине, Николай, наконец, увидел, как в мерцающем свете по салону вагона стал перемещаться какой-то силуэт. От одного тела к другому. То плавно, как лист по воде, то резко и дергано, как удар молнии. Большой, угловатый, темный и до дрожи в руках страшно знакомый.

«Может, кто из пассажиров очнулся»? Мысль, мелькнувшая в голове, представляла собой лишь щит, которому не удалось удержать атаку страха. «А вдруг не ОНА, не та фигура, что уже привиделась однажды». Но тело уже вспотело, а дыхание участилось, предвещая приступ паники.

ОНА. Это была она. Не сон, не видение, а непропорциональная, сгорбленная, но при этом довольно высокая фигура. Казалось, она перемещается по вагону, даже не касаясь пола ногами, или тем, что у нее было вместо ног. Темнее, чем туннель за окном, как и при проблеске света, так и в отсутствии его, она то парила над телами, то скользила между ними.

Бес инстинктивно подобрался, сдвинулся чуть назад. И теперь получалось, что он, находясь в полусидячем положении, не моргая и не отводя взгляда, смотрел на приближающуюся к нему тень. До боли в глазах вглядываясь в темную фигуру, которая становилась все ближе и ближе, Николай, как и в ночь перед ограблением, не мог различить хоть какие-нибудь отдельные ее элементы. Она была монолитным ничто. Ни кусочка ткани, ни росчерка складки. Пятно, которое неминуемо приближалось.

– ТЫ ИХ УПУСТИЛ! – темная фигура, еще мгновение назад находившаяся метрах в трех от парня, неожиданно очутилась прямо возле него. – ТЫ ИХ УПУСТИЛ! – выкрикнула она ему в лицо.

Бес не видел никакого шевеления в зияющей черноте перед собой, ни чувствовал дыхания на ледяном от выступившего пота лице. Голова, находившаяся перед ним, было лишена всего. Чернота, как и вся фигура целиком. И лишь два провала, две бездны, которые были еще темнее самой фигуры. Лишь они ассоциировались у Беса с глазами. Две бездны мрака, нацеленные сейчас в душу парня. Не сон. Не иллюзия. Не выдумка.

– ТЫ ИХ УПУСТИЛ! – вновь ворвался в уши, вдавливающий в находящиеся сзади тела, голос.

– Я. Я... – залепетал было парень, но ледяное дыхание неожиданно повеявшее от фигуры, заставило его осечься так и не начав говорить, а влажное от пота лицо покрылось тонкой корочкой тут же растаявшего льда.

– Если ты упустишь их еще раз, – фигура чуть сместилась в сторону, открыв взгляду Николая распростертое на полу чье-то тело. – Если они пройдут мимо, – темный ро-счерк руки сдвинулся в сторону лежащего без чувств мужчины, на мгновение замер, как бы нацеливаясь на него, а потом, как показалось Бесу, слегка окутался синими искорками. Раздалось негромкое потрескивание и лежащее на полу тело вздернулось вверх изогнутое посередине, как будто

кто-то держал его поперек позвоночника. Руки и ноги безвольно болтались, не касаясь пола. Голова была откинута, и в мерцании неяркого света Бес увидел, как с затылка висящего сейчас в воздухе человека тонкой струйкой бежит кровь. Потом, как будто повинуюсь воле невидимого кукловода, голова мужчины запрокинулась назад сильнее и с тихим хрустом прижалась к спине. А через мгновение, резко дернувшись, тело сложилось пополам пятками к затылку. Раздавшийся при этом хруст оборвался громким щелчком. Переломленное пополам тело рухнуло на пол вагона, как тряпичная игрушка, раскинув в стороны руки и ноги. Голова так и осталась неестественно запрокинутой назад.

Бес не дышал. Ему казалось, что он забыл, как это делается. От увиденного у него помутилось сознание. Но соскользнуть в беспамятство не дали два черных провала удержавшие его на самом краешке. Через этот взгляд Николай ощутил свое безволие. Он выполнит все, что ему сейчас прикажут, лишь бы не встречаться больше с этой фигурой, не смотреть больше в эти черные бездны.

– НЕ УПУСТИ ИХ! – раздалось вновь и опять, как в прошлый раз, темная фигура качнулась вперед, и холод от соприкосновения с ней разрезал и без того зыбкое сознание парня на мелкие кусочки, оставив лишь облик бредущих по темному туннелю метро двух парней. Тех самых, что повздорили с ним в Продуктовом, тех самых, которых он уже один раз упустил, даже не попытавшись задержать, списав приви-

девשהся на кануне на действие алкоголя.

– НЕ УПУСТИ ИХ! – раздалось в голове у Беса вновь, и сознание окончательно покинуло его, ввергнув парня в море мрака, безмятежности и такого сладкого спокойствия, из которого ох как не хотелось выбираться.

– Как ты думаешь, что с ним? – Анна сидела возле Николая, водя перед его лицом светящимся экраном мобильного.

– Не знаю. Может этот приложил конкретно. – Моня с силой пнул лежащего рядом светловолосого парня. – Ну, или потом повредился, при крушении.

В вагоне, погруженном в полную темноту, находились только четыре человека. Бесчувственный спортсмен, которому не посчастливилось очнуться позже всех. А очнувшись, он первым делом увидел показавшийся ему тогда очень ярким, но на самом деле бледный свет мобильного, направленный ему прямо в лицо. Второе же, что он увидел, был грязный кроссовок, вынырнувший из темноты и отправивший спортсмена обратно в беспомыслие.

Рядом, чуть склонившись, стоял Моня и недовольно поцокивал языком. Но с каким же удовольствием он пропиночил этого парня, что так неплохо приложился к челюсти Беса. Как сильно он обрадовался, что этот белобрысый крепыш так и не пришел в сознание до момента, когда последний пассажир не покинул вагон. И сейчас молодой гопник лишь ждал, когда придет в чувство его подельник. Вдвоем они на

этом ффраере ни одного живого места не оставят. Да и к тому же, по мнению Мони, Бес имел полное право ответить своему обидчику за нынешнее состояние.

Анна сначала пыталась раструсить Николая, потом несколько раз ударила его по лицу, но Бес не реагировал ни на что. Когда Моня с ней пришли в себя, Бес уже сидел на полу прислонившись спиной к стене. Глаза его были широко раскрыты, дыхание было нормальное, но никакой реакции он не проявлял. Ни удары по щекам, ни похлопывания по плечу и пощипывания руки. Он не реагировал. Сидел, как в ступоре. Даже, когда девушка водила перед его лицом не ярким экраном мобильного телефона, зрачки парня не менялись в размере, они были максимально расширены, перекрывая всю радужку глаза.

– Как ты думаешь, он вообще придет в себя? – Анна поднялась с пола и подошла к Моне. – Может он того. Съехал?

– Да нет, – парень с раздражением сплюнул на пол. – Должен очнуться.

Моня сам присел возле товарища.

– Эй, ну давай, очухивайся! – он взялся за подбородок Беса и поводил им из стороны в сторону. – Ну! Ты же нас видишь и слышишь. Давай, давай, приходи в себя!

Никакой реакции. Расширенные зрачки и пустой взгляд. Моня понимал, что так вечно продолжаться не может. Тем более им пора было двигаться дальше. Их ждали на точке, а пакет с деньгами и пара травматов могли стать неожидан-

ным сюрпризом для, скорее всего, спешащих сейчас к разбившемуся поезду спасателей и наряду полиции. Надо было двигаться.

– Да черт бы тебя побрал! – Моня отвесил звонкую пощечину Бесу. Голова парня мотнулась в сторону и вернулась в первоначальное положение. Никакой реакции. – Еще десять минут, забираем деньги и уходим. А пока ждем.

Гопник поднялся от приятеля, пнул заворочавшегося спортсмена и уселся на сиденье, устало закрыв глаза. Метро молчало. Тишина, мрак. Рядом сидит Анна и тоже молчит. Минуты идут за минутами, и в этой темноте замирают, превращаясь в вечность.

Моня сидел с раскрытыми глазами и ничего не видел, только мрак, только темнота погруженного на несколько десятков метров под землю вагона. Как заживо похороненный. Гроб из железа и пластика, который может вместить в себя сотню пассажиров. Составы для братской могилы.

Как ни странно, но ополовиненная бутылка шампанского при крушении не разлилась полностью, и в ней еще оставалось прилично содержимого. Моня, разгоняя не ко времени нахлынувшие мрачные мысли, с удовольствием приложился к бутылке, и оторвался от нее лишь тогда, когда та показала дно. Тяжелый день в купе с пустым желудком не заставили себя долго ждать, и, казалось бы, легкое шампанское довольно ощутимо ударило парня по мозгам. Моня даже подумал, что если он сейчас встанет, то непременно потеряет равно-

весие, не имея никакого зрительного ориентира.

Время шло, оставляя все меньшее шансов забрать с собой Беса, который все также сидел с широко раскрытыми глазами, как парализованный. Крепыш, которого Моня хотел преподнести другу в подарок, когда тот очнется, замер и даже не пытался пошевелиться. Или действительно с последним ударом отправился в глубокий нокаут, или уже давно пришел в себя и решил, что лучше пока не привлекать к себе внимания.

За окном раздался шорох. От первых вагонов кто-то шел по туннелю. Поначалу их проходило много. Раненые, покалеченные. Некоторых родные и друзья несли на руках. Потом поток спасающихся стал спадать, пока не оборвался вообще. И Моня даже в серьез предполагал, что он с подругой последние люди в поезде, которые еще могут передвигаться. А оказывается, что нет, есть еще уцелевшие.

Вскоре, вслед за усилившимся шорохом идущих по туннелю людей, появилось легкое свечение за окном, как свет небольшого фонарика. Слышались шаги и негромкие голоса. Когда же свет за окном поравнялся с сидящим в вагоне парнем, и голоса стали более чем различимы, произошло то, чего с нетерпением ждал Моня. Бес наконец-то очнулся.

Свет от фонарика идущих мимо людей освещал вагон достаточно хорошо, тем более, если учесть, что Моня с Анной сидели до этого в полной темноте. И поэтому парень даже испугался, когда его друг, замерший в одном положении и

периодически хлопающий глазами, неожиданно поднялся и, не обращая внимания на сидящую перед ним пару, двинулся к открытой двери вагона.

Моня вскочил прямо перед ним, перегораживая ему путь, и схватил за плечи.

– Очнулся?! – радостно, не то спросил, не то просто сказал он. – Эй, ты как?

Моня смотрел на остановившегося товарища, ожидая, что тот что-нибудь ответит. Бес некоторое время стоял молча и смотрел сквозь друга. Но когда голоса идущих по туннелю людей раздались вновь, а свет их фонарика уже начал удаляться от вагона, то Бес дернулся вперед, будто пытался идти вслед за ними.

– Эй, Бес, ты чего? – Моня чуть встряхнул своего, похоже, все-таки съехавшего друга. – Эй, мы здесь! Стой!

Николай остановился и посмотрел на Моню уже как-то более осмысленно. Перевел взгляд на Анну, которая тоже встала с сиденья и сейчас находилась чуть сбоку от своего парня. Несколько раз моргнул, не как робот, и, похоже, все же признав подельников, произнес.

– Задержи их.

– Кого? – не понял Моня.

– Их. – Бес указал рукой в сторону удаляющегося свечения.

Моня нахмурился, думая, что его товарищ точно рехнулся. Ну, идет кто-то по туннелю, ну и пускай идет. Самим,

вон, тоже пора двигать отсюда. Что трогать людей? Но потом, поддавшись легкому опьянению и радости от того, что его кореш наконец-то пришел в себя, он даже слегка улыбнулся. А мысль о том, что их приключения сегодня еще не закончились, спровоцировала выброс адреналина в кровь и, как следствие, легкое возбуждение.

– Кого? Их? – гопник мотнул головой в сторону удаляющихся людей. – Да как два пальца. – Он похлопал товарища по плечу и метнулся к дверному проему.

16. Игорь

Он вновь был в пустыне. Коричневая, выжженная земля под ногами и серое матовое небо над головой. Тишина мертвого мира. Зато дышалось свободно и легко. Игорь помнил, что тело его находится в вагоне потерпевшего крушение поезда. Помнил запах гари, усиливающийся с каждой минутой, и неподъемную массу тел, придавившую его к полу. Он с наслаждением потянулся, растягивая затекшие мышцы. Даже ощутил некое облегчение, будто и вправду находился сейчас в этом иллюзорном мире.

– Ну, что? Погуляем? – Игорь пнул попавшийся под ногу камень.

Странно. В прошлый раз никаких камней не было. Парень бегом бросился за скачущим по пыльной земле осколком. Догнал его и, подобрав, принялся рассматривать. Небольшой. Вполовину кулака камень с ровными незатертыми гранями, как будто только что отколотый. Темно-красный с мелкими светлыми вкраплениями по всей поверхности.

– Гранит, что ли?

Игорь подбросил камень, а когда поймал, то от неожиданности выронил его на землю. Острая грань вспорола кожу на ладони. Рана тут же начала кровоточить. Вроде и небольшой порез, но кровь растекалась по ладони, не желая останавливаться. Парень потряс рукой, и алые капли, веером разлетев-

шись по воздуху, широкой дугой окропили мертвую землю. И там где кровь попала на землю, Игорь заметил движение. Сначала медленное, но с каждым мгновением усиливающееся, оно выглядело как прорезывание ростка. Бугорки, образовавшиеся в местах падения капель крови, увеличивались в размерах. Песок с краев поднимающейся почвы скатывался к основанию, но тут же продолжал движение, увлекаемый новыми волнами, сыплющимися сверху.

Бугорки увеличивались в размерах и доходили Игорю до щиколотки. Предчувствуя, что из земли сейчас что-то появится, парень отошел назад, но земля все поднималась, и уже полуметровые холмики окружали Игоря со всех сторон. Будто получив команду к старту, вся видимая глазу территория пришла в движение. То тут, то там поднимались гребни земли, росли бугры и холмы. Игорь отчетливо ощущал дрожь под ногами. Да что там дрожь. Ноги его уже не находили твердой опоры, все вокруг двигалось, перемещалось.

Боясь скатиться под основание одного из холмов, достигших уже роста человека, парень забрался на вершину самого первого замеченного им бугра. Самого первого и самого высокого. Пока парень вскарабкивался на него, постоянно борясь с осыпающейся породой, бугор достиг уже трехметровой высоты. Часть образовавшихся вместе с ним холмов стала, как бы втекать в него, срастаться. И уже не множество отдельных новообразований стремилось ввысь, а несколько гряд, постоянно обновляющихся в размерах и

формах, перекатывались от края до края горизонта.

Постоянно пританцовывая, Игорь старался удержать равновесие. Ноги его, разъезжающиеся вслед за песком, неожиданно замерли на месте, обретя твердую опору. Парень посмотрел вниз и обнаружил, что из толщи земли и песка показалась красная поверхность, усыпанная мелкими светлыми прожилками. Он замер, боясь шелохнуться, ощущая дрожь от увеличивающегося в размерах камня, и с ужасом и восхищением наблюдал, как перед ним рождаются настоящие горы из темно-красного гранита.

Это было колоссально завораживающе. Вот уже пятидесятиметровые каменные плиты начали сталкиваться друг с другом. Раздался оглушительный треск и скрежет. Ближайшая гора, не выдержав напора более крупного собрата, раскололась на части, выплеснув наружу мириады тонн осколков. Каменная крошка хлестнула по замершему с широко раскрытыми глазами Игорю, заставив того опуститься на дрожащий под ногами гранит и прикрыть голову руками.

Пока Игорь приходил в себя от первого всплеска, вокруг все чаще стали раздаваться взрывы лопающегося камня. И уже не каменная крошка, а настоящий каменный дождь осыпал парня со всех сторон. А горы между тем все росли и росли.

Когда же грохот наконец-то затих, и дрожь под ногами прекратилась, Игорь открыл глаза. Это было потрясающе. Это были настоящие горы, по размерам соизмеримые с теми,

что довелось видеть и в Крыму, и Сочи. Парень стоял недвижим, заворожено поворачивая голову из стороны в сторону. Не менее километра высоты. Местами пологие, а местами отвесные склоны. В стороне Игорь рассмотрел расщелину, уходящую вглубь земли и ведущую через гору к краю горизонта.

Красиво, страшно и непостижимо. Несколько минут назад Игоря окружала пустыня, плоская как блин, протянувшаяся на весь видимый участок пространства, а теперь он стоял на вершине одного из высочайших скальных пиков, выросших прямо у него на глазах. У парня дух захватило от пережитого. Он ни разу не катался на американских горках, но то, что он сейчас испытал, виделось ему куда как более захватывающим. Красные пики, величественно поднимающиеся из смеси песка и земли. Нагромождение огромных обломков у подножия. Острые, как бритва, грани смотрящих на него скал.

Парень вспомнил про порез на руке и посмотрел на ладонь. Ничего. Целая кожа. Ни царапины, ни шрама. Как будто ничего не было.

– Опять чертовщина какая-то. Но как красиво. – Игорь вновь окинул взглядом представшую перед ним картину. – Красиво.

Начало темнеть. Серая монотонность таяла, открывая глазам ночное небо. Звезды занимали свои места, высвечиваясь в окружающей Игоря темноте с необычайной силой. Парень

никогда раньше не видел таких четких и ярких звезд. Небосклон был абсолютно прозрачен или он просто отсутствовал. Почему-то Игорю подумалось, что вот именно таким видят темное небо космонавты: все яркое, близкое и при этом такое далекое и ледяное.

Игорь узнал созвездие Большой Медведицы, но у него сложилось впечатление, что созвездие не на своем месте, будто оно чрезвычайно удалено, и как-то повернуто. А может это и не оно вовсе? Может это какое-нибудь другое созвездие?

Парень смотрел то на звезды над головой, то на освещенные их светом горы, лежащие в прямом смысле слова под ногами. Он не замечал времени, которое так давило на него в прошлый раз. Он не рвался найти выход. Он просто любовался развернувшейся перед ним картиной.

Но вот с правой стороны, где находилась расщелина, скалы вдалеке озарились светом, сперва тусклым, а затем все более ярким. И в какой-то момент над горизонтом показался ослепительно яркий край какого-то объекта. Игорь не знал, что может так сильно удивляться. Он даже не дышал. Широко раскрыв глаза, с опустившейся вниз челюстью, он наблюдал, как над этим мертвым миром восходит луна. Огромная по сравнению с Земной и ярче своей тезки в несколько раз. Свет от нее освещал все. Игорь различал в мельчайших подробностях лежащие у подножия скалы осколки камней. Просматривал простор от горизонта до горизонта. Све-

та сейчас было чуть ли не больше, чем когда небо было серо-матовым.

Огромный диск не спеша выплыл на небо. Испещренная множеством кратеров, больших и маленьких по размеру, луна этого мира кардинально отличалась от Земной тем, что она крутилась вокруг своей оси. Луна на Земле, конечно, тоже вращается вокруг своей оси, но период ее вращения абсолютно совпадает с движением по орбите Земли, и поэтому на Земле все время видна лишь одна сторона спутника. А здесь, Игорь не мог оторвать взгляда от ночного светила, здесь луна показывала себя со всех сторон, не имея в своем арсенале устоявшегося термина «темная сторона».

Размер проплывающего мимо светила был просто колоссален. Как минимум три диаметра Земной луны. Но Игорь отчего-то чувствовал, что этот объект на самом деле не больше спутницы родной планеты, а на оборот, даже меньше нее, просто он находится гораздо ближе.

Теперь Игорь чувствовал время, он видел ночь, неспешное движение ночных светил, горы, раскинувшиеся в дали. Но мир, представший перед ним, оставался каким-то не полным. Не хватало ему звуков жизни: пенья птиц, журчания воды, шелеста листвы. Конечно, на вершинах гор и в реальности это мало где встретишь, но что точно заставляло усомниться в реальности происходящего – это полное отсутствие ветра. Ведь не может быть такого, что бы на высоте в тысячу метров стоял полный штиль. Ни единого шевеления

воздуха.

Время шло и лилось через этот мир. Взошедшая недавно луна уже пересекла небосклон и стремилась скрыться на противоположной стороне. Игорь смотрел ей в след, провожая восхищенным взглядом. И в миг, когда обод луны коснулся края земли, парень увидел, что между скал, расположенных под ночным светилом, зажглась еще одна луна. Точнее не еще одна, а та же самая, только отраженная отчего-то невообразимо большого и абсолютно плоского, как зеркало.

Вода? Игорь смотрел, как два светила пожирают друг друга, а от места их соприкосновения вытягивается ровная, как лезвие клинка, лунная дорога. Игорь не помнил, что бы в момент образования гор виднелась какая-то вода.

«Наверное, когда я наблюдал за луной, в этом мире вновь произошло преобразование». Мысли в голове парня передвигались сонно, будто их прокручивали в замедленном режиме. Но это не создавало неудобства. Наоборот, Игорь в таком состоянии чувствовал себя более расслабленным, его восприятие мира увеличилось. Он теперь не воспринимал себя как наблюдателя. Он стал частью этого мира, уже не мертвого, но еще не до конца живого. Как сформулировал парень для самого себя: зарождающегося.

Между тем местная луна совсем скрылась за подступившим к ней вплотную озером, которое по неведомым причинам продолжало увеличиваться в размерах, затопляя все новые и новые территории. Лунная дорожка, разрезающая озе-

ро пополам, утонула в нем вслед за ночным светилом, так ни разу не шелохнувшись на неправдоподобно ровной водной глади.

Мир вновь потемнел, будучи освещенным лишь сиянием далеких звезд. Но и это длилось не долго. По уже проложенной лунной дороге начало всходить солнце. Сначала между гор, окружающих ущелье, появилось легкое свечение, которое с каждой минутой начало приобретать цвета. От тускло-красного оно перешло в нежно-розовое. Звезды на небе стали гаснуть одна за другой, в свою очередь отправляясь на отдых, что бы вновь осветить этот мир следующей ночью.

Розовый восход становился все ярче, и солнце, поднимающееся от горизонта, спряталось за одну из скал, украшая ее склоны и пик сияющим божественным ореолом так, словно это скала светилась сама по себе. Но вот пик скалы остался внизу, не в силах удержать восходящее солнце, и по горным склонам и распластавшемуся за ними недвижимому озеру, или уже морю, заскользили солнечные лучи бледно желтого цвета.

Как ни странно, но солнце не удивило Игоря ни капли. Не удивило и даже не обрадовало. Оно было маленькое, тусклое и, как показалось парню, холодное.

И все же, с восходом солнца мир вновь начал меняться. Озеро, которое за ночь превратилось в бескрайнее море, поглотив в себе все горы с той стороны, начало испаряться. Игорь видел, как водяной пар, поднимающийся над морем,

собирается вместе, как медленно расползается по небу, образуя тонкие облака. И если бы Игорь мог сейчас заглянуть под толщу воды, то он бы увидел, как множество только что родившихся микроорганизмов, простейших одноклеточных, начало отстаивать свое право на жизнь. Поедая друг друга, размножаясь, умирая, что бы освободить место более сильным и приспособленным, и обогащая стремящийся в небо водяной пар различными газами и минеральными веществами, являющимися продуктами их жизнедеятельности.

В небе формировалась атмосфера. Сперва тонкая и непрочная, но с каждым мгновением все более плотная, она приобрела голубовато розовый оттенок. И плоские облака, распростертые по небосклону, начали движение. Собираясь в одном месте, они сформировали одно большое облако. Зависнув над морем, облако начало темнеть, скапливая в себе все больше и больше испаряющейся влаги. И когда темно-свинцовую тучу, набрякшую похоже до критического размера, прорезала яркая, теряющаяся в массе тучи молния, скалы содрогнулись от оглушительного грома, раскатистого, играющего на самых низких тонах, перекатывающегося от одной скалы к другой, усиливающегося и резонирующего.

Воздух задрожал, повинувшись опрокинутому на него грому. Задрожали скалы вокруг, и Игорь мог бы поклясться, что слышит грохот обвала какой-то скалы, не выдержавшей удара звуковой волны. Камни грохотали, скатываясь один за другим, перекрывая шум носящегося между скал грома. И

потом в лицо ударил ветер. Пронизывающий насквозь, он дул со стороны моря. То стихая, то вновь усиливаясь, он гнал разорванную им тучу прямо на Игоря.

Парень видел, как зеркальная поверхность моря вспучилась множеством белесых волн. Как покатили к берегу мириады тонн недвижимой до этого воды. И приливные гребни неистово забились в окружающие их скалы, местами сокрушая крепкий камень, а местами откатываясь назад, не причинив ни какого вреда этим красным исполинам, взметнувшим свои пики в беснующиеся небеса.

В тучах, висящих над головой, вновь засверкали молнии, и вновь раскаты грома обрушались на зазвеневшие в ответ каменные скалы. Игорь чувствовал запах озона, чувствовал ветер, ревущий сейчас со всех сторон, и впервые обрадовался, ощутив на лице освежающую прохладу крупных капель дождя.

Ливень хлестнул по скалам, смывая с них пыль и грязью. Сплошной стеной он отгородил Игоря от всего мира. Под ногами у парня был камень скалы, над головой серое в грозовых тучах небо, а по сторонам была шевелящаяся стена воды, льющая с небес на землю. Ветер стих совсем. Вокруг барабанил дождь и Игорь, промокший с головы до ног, не видел ни тусклого солнца, ни моря, раскинувшегося в стороне, ни пиков скал и расщелины, тянущейся черной змеей. Парень чувствовал льющийся на него холод, но не замерзал. Он, как гранит под ногами, ощущал лишь обновление,

как будто бы после этого дождя, после грозы терзающей сейчас и море, и сушу, и небо, должна была наступить истинная жизнь, и отмытый от пыли и грязи мир должен был заблистать новыми, яркими красками.

Ливень прекращался. Капли становились все меньше и все реже они падали на землю. Ветер больше не ревел. Он нежно обдувал скалы, унося с них излишки влаги. Тучи, разорванные и иссякшие, таяли под лучами все также далекого солнца, которое висело прямо над головой, а ветер, бушевавший некоторое время назад, уносил их все дальше и дальше.

Игорь посмотрел еще раз на солнце, пробивающееся через голубовато-розовый небосвод, и заметил на его фоне две черные точки. Одна меньше другой. Конечно, смотреть на солнце без соответствующей защиты для глаз было невозможно, но парень, ставший частью этого мира, чувствовал, что ничего страшного с его зрением от этого не случится. И поэтому он с интересом наблюдал, как две точки сближались друг с другом. Причем он отчетливо видел, что одна из них движется быстрее другой. Но не это заинтересовало Игоря. Два тела, сближающиеся друг с другом, находились на одной прямой, и их столкновение было неминуемо. И вот Игорь испытал страх, страх неизбежного столкновения, а затем ужас, когда точки встретились и слились в одну. Но ничего не произошло. Через некоторое время они вновь разошлись, двигаясь теперь в разные стороны, по-видимому, пролетев друг

над другом.

А между тем, горы возле моря начали оседать. Игорь видел, как пики один за другим, иные прямо, а иные немного завалившись, опускаются вниз. Без пыли, без шума. До слуха парня долетал лишь шорох. Горы как будто таяли, растворяясь в прибрежных водах.

Прошло некоторое время, и между скал и морем образовалась полоса грунта. А за тем на ее поверхности, то тут, то там стали появляться зеленные, колышущиеся под порывами ветра островки.

Трава. Игорь с нетерпением следил за новым изменением. Он стал свидетелем жизни, очевидцем того, как она приходит в этот мир, пытается завладеть им и, как видел парень, не без оснований полагает, что это у нее получится.

Зеленные островки росли с умопомрачительной скоростью, не уступая в ней ни образованию гор, ни разливу моря, а может быть, даже опережая их. Вскоре, заняв весь прибрежный участок, молодая поросль устремилась в горы, окутывая их подножия и земляные склоны различными оттенками. И вот Игорь увидел, как сквозь зеленное море устремились в высоту увеличивающиеся в размерах пышные шапки. И до слуха парня донесся еле уловимый шелест листвы.

Деревья различных форм и размеров, кроны которых изменялись от вытянутых и пирамидальных до ярусных и зонтичных. Огромное разнообразие цветов и оттенков. Листва одних деревьев была ярко зеленная, и тут же рядом колыха-

лись на ветру абсолютно белые кроны. Вот красное раскидистое дерево неожиданно передумало быть красным и стало лилово-синим. Некоторые деревья вместе с листвой были украшены разнообразными цветами: желтыми, синими, зелеными, красными, белыми.

Часть деревьев была относительно малого размера, а соседствовали с ними гиганты, которые достигали, по мнению Игоря, и сто, и двести метров в высоту. А под их кронами и на их ветвях находили место для жизни другие их собратья меньшего размера. И все это великолепие не было ни грамма похоже на привычную Земную растительность. Только в расщелине на склоне скалы приютилось более или менее похожее на родную сосенку деревце.

Теперь Игорь не сомневался в реальности этого мира. Он даже не удивился, а наоборот, воспринял как должное тот момент, когда рядом с ним на отполированный гранит опустилась небольшая птица с хищно загнутым клювом. И если голубь на Ноев ковчег принес в клюве веточку со свежим масличным листом, то эта птаха держала в когтях ярко оранжевого грызуна. Видимо броский цвет и стал причиной гибели зверька, уж очень заметно.

Жизнь закипела в раскинувшихся между скал лесах. Слышался рев не видимых под кронами гигантов. А в том, что это именно гиганты, Игорь не сомневался. Не могло маленькое животное издавать такие оглушительные звуки. Им вторили разнообразные переливы пенья птиц, летающих над

разноцветными кронами деревьев. Под розовыми облаками кружили их хищные собратья, то и дело пикирующие вертикально вниз и разбивающиеся о зелень окружающую скалы, для того что бы затем вновь взлететь в вышину, неся в когтях какую-нибудь добычу. Слышались звуки боев, где самцы доказывали друг другу право на самку, а те звали победителей одним им понятными песнями. И не обходилось без звуков боли. То тут, то там издавало предсмертный хрип или стон какое-нибудь животное, которому не посчастливилось дожить до вечера. И вслед за ними раздавались рычание или вой хищника, обеспечившего себя едой на некоторый срок.

Мир под ногами Игоря сначала мертвый и однотонный стал цветным от жизни. Он пел и кричал миллионами голосов, радовался жизни, взрывая ее своим обилием и разнообразием. Этот мир жил.

Чистый горный воздух, свежий и душистый. Игорь дышал им и не мог насытиться, упивался красотой и разнообразием развернувшегося под ногами мира. Слушал песни ветра, встречая его грудью, и наслаждался великолепными перепевами птиц, закрывал глаза и представлял, что находится в раю.

"Стоп. А может, я уже и в самом деле умер, там в поезде. И сейчас действительно попал в загробный мир. Может это и в правду рай?". От такой мысли Игорю стало немного не по себе. "Что, если меня уже нет?". Даже в голове помутилось. Парень отступил назад, и чуть не потерял равновесие.

Балансируя на уступе, чтобы не упасть, он еще немного попятился к раю и все-таки устоял на ногах. Покрывшись потом, он наконец-то пришел в себя.

«Где я? Что это за место? Сколько я уже здесь? Может быть я в коме, а все это лишь мерещится мне? Или я все-таки в раю?»

Игорь закурился на месте, пытаясь найти в окружающем его изобилии животного и растительного мира хоть какие-нибудь признаки цивилизации. Может дым где идет от костра, или мост перекинут между двух скал. Но ничего не было. Дикий мир: море, лес, горы, расщелина. Взгляд Игоря заскользил по выющемуся разлому на востоке и замер. Такое Игорь увидеть не ожидал, да и не припомнил, чтобы замечал нечто подобное раньше.

Соединяя собой сразу несколько гор и часть расщелины, от самого подножия и чуть ли не до неба, сиял огромный прозрачный купол. Похожий на гигантский мыльный пузырь он, вероятно, был необычайно прочный. На одном из его склонов, Игорь явно видел чью-то фигуру. Хоть да нею было и далеко, но парень различал у существа и руки, и ноги, и голову, и даже заметил на нем некую одежду очень смахивающую на скафандр.

"Вот тебе и цивилизация. Люди. Только вот как до них добраться?"

А в самом куполе, разделенном на несколько ярусов, красовался чудный город или, по крайней мере, Игорю хотелось

так думать. Город был похож на соты в улье. Все ярусы были поделены на равные шестигранники. И лишь верхний из них, выше которого был лишь купол, представлял собой нечто похожее на парк. Аллеи, закольцованные между собой, делили ярус на три части. Различие представлялось Игорю лишь в цветах этих алей. Центральная была синяя, справа располагалась красная, а с лева находилась желтая аллея. Как ни страной этот якобы город был пуст за исключением фигуры на склоне.

Игорь всматривался в творение явно нечеловеческих рук, но увидеть что-то большее не мог.

День между тем подходил к концу. Солнце, описав дугу по небосклону, опустилось к морю, озарив весь мир бардовым закатом. И, толи отражаясь в воде, свет искажался, толи розовая атмосфера влияла на оттенки разлившегося по небу зарева, но цвет заката, как показалось Игорю, был более чем бордовый, он был кровавый.

Закатывающееся солнце окрасило море в жертвенно красный цвет, от которого Игоря пронял страх. Стало неудобно. Чувство тревоги наполнило парня. Он стоял на вершине скалы, ожидая приближение чего-то ужасного, приближения беды. Но время шло, мир засыпал, и ничего не происходило.

А под ногами расцветший всего за один день мир готовился к ночи. Птицы перестали кружить над деревьями, смолкли их песни. Голоса животных также утихли, выявляя уважение грядущей ночи. И лишь когда кровавый закат подошел

к концу, тая в темноте, тишину окружающего мира разорвал пронзительный крик какого-то животного. Это было одновременно и уханье совы и визг поросенка. Ночь заявляла свои права на мир, и в лесу просыпались ночные животные, которые готовы были охотиться и убивать, рождаться и умирать, вслед за своими дневными собратьями. Жизнь продолжалось.

Озарив на прощание мир яркой вспышкой, расплывшейся по поверхности моря, солнце опустились в его глубину. Кровавое на исходе, оно запомнилось Игорю чувством страха и тяжелого ожидания чего-то ужасного. И вот настала ночь.

Купол над расщелиной озарился разноцветными красками, переливающимися от соты к соте, вибрируя и исчезая, оставляя на своем месте черные провалы. Это было похоже на большой трехмерный эквалайзер, движение и расцветка которого подчинялась какой-то музыке, неуловимой простому слуху. По поверхности самого купола сползали от вершины к низу, подергиваясь и извиваясь причудливыми формами, электрические всполохи, как искусственные молнии. Опускаясь на дно, они растворялись в земле, заставляя ее поверхность вблизи купола слегка люминесцировать. А там, где купол проходил через расщелину, бело-голубоватое свечение продолжало ползти в низ, освещая своими всполохами отвесные склоны разорванной земной тверди. Аллеи на последнем ярусе оставались такими же, как и были, лишь слегка прибавив в яркости, а может быть, Игорю это просто

казалось.

И вот, затмевая сияние города-купола, на небе вновь появилась луна. И не было в ее свете белизны и чистоты, не было в ее движении плавности, спокойствия и постоянства. Не было того великолепия и притяжения, какое Игорь наблюдал накануне. Окруженное всполохами сгорающих в атмосфере осколков, небесное тело разваливалось на части. И по мере того, как отрывались от его поверхности огромные куски породы и камня, ночное светило меняло скорость и траекторию своего движения. Оно, то ускорялось, то замедлялось, ее вращение становилось неожиданно интенсивнее, а затем также быстро замедлялось. Озаряя небосклон огненными росчерками и постоянными взрывами, луна представляла собой просто огромный булыжник, который, кружа вокруг планеты, неминуемо приближался к ней. И в конечном итоге был вынужден упасть на ее поверхность.

Игорь заметил, как один из осколков, вероятно наиболее большой, не сгорел до конца в атмосфере, и, отлетев чуть ли ни к самому горизонту, рухнул на планету, озарив вспышкой взрыва все вокруг. Скала под ногами парня задрожала от силы этого столкновения, и тут же уши заложило от громкости донесшегося взрыва. Взрывная волна донесла до Игоря лишь пыль и дым. Устояв на ногах, он продолжал наблюдать, как лопающаяся на части луна бомбардирует поверхность планеты. Он видел, как все чаще долетают до поверхности огненные осколки, и что взрывы от их падения разрушают все

то, что успело вырасти, ожить.

Скалы взрывались, разлетаясь каменным дождем, капли которого выкашивали зеленый мир как коса траву. Лес полыхал пожарами. Чадающее пламя пожирало растительность и гнало животных прочь от пекла и дыма. Но убегая от одного горящего участка, обреченные на смерть твари утыкались в другой и, не зная куда свернуть, грудью врезались в бушующее пламя, в безрассудстве надеясь, что за ним будет спасение.

Испещренное горящими росчерками небо было темное от дыма, в клубах которого, уже касающаяся атмосферы своим уцелевшим краем луна выглядела кровавым шаром. Подсвеченная огненным ореолом от соприкосновения с атмосферой, она неслась к поверхности планеты, все больше раскаляясь. Все чаще отделялись от нее части, которые взрывались и в воздухе и на земле. Мир вокруг Игоря представлял собой огромный костер, полыхающий от горизонта до горизонта. Море, раскинувшееся на закате, отражало всполохи падающих в него горящих камней. Адский метеоритный дождь бомбардировал его поверхность, заставляя ее вскипать и обрушиваться на близь лежащие земли огромными раскаленными волнами. Еще не цунами, но очень похоже.

Игорь услышал грохот, перекрывающий все взрывы вокруг. Он обернулся на звук и обмер от увиденного. Город-купол больше не переливался всполохами света, приобретая стальной цвет, он поднимался с поверхности планеты. И, как

оказалось, это был вовсе не купол. Огромная сфера. Шар немислимых размеров, который, захватив с собой всю ту территорию, что попала в него изначально, и горы и расщелину и лес, взмывал вверх. Срезанные будто ножом земля и камень так и остались на месте, образуя огромный кратер.

Стальная сфера устремилась в небеса, оглушая все вокруг нестерпимым гулом, и реально ощутимой вибрацией. Верхняя часть шара, которая показалась Игорю аллеями парка, была видна, оставаясь все так же прозрачной. И внутри каждой из закольцованных аллей были тысячи людей. Они перемещались внутри своих зон, не пересекая границ. Суетились, что-то делали возле каких-то строений, точнее, как сейчас понимал Игорь, машин. Они управляли огромным кораблем.

На миг поверхность сферы из стальной стала опять прозрачной, и парень увидел все те же соты, что и видел раньше. Бесчисленное количество ярусов, поделенное на равные шестигранники. Только сейчас, они не пульсировали цветами, они были одинаково освещены слегка приглушенным белым светом. И все соты были заполнены. Но не людьми. Каждая ячейка содержала в себе представителей того или иного вида животных, рассмотреть которых в полной красе Игорю не хватило ни времени, ни желания. Он увидел и лошадей, и слонов, ящеров, различных размеров, всяких кошкоподобных хищников. На нижних ярусах, заполненных водой, были различимы и морские обитатели этого мира.

«Вот тебе и исход воочию. Ноев ковчег в современных масштабах»

Игорь вновь ощущал себя сторонним наблюдателем. Погрузившись в созерцание разворачивающихся перед ним апокалипсических событий, парень проводил взглядом удаляющийся от поверхности планеты корабль, который завис в верхних слоях атмосферы на некоторое время, будто прощаясь с планетой, сверкнул нестерпимой вспышкой и исчез едва уловимой линией.

А луна, полыхая огромным огненным шаром, оставляя за собой густой клубящийся дымом след, неслась к морю. Она приблизилась на столько, что перекрывала собой весь видимый горизонт. Мир корчился в агонии, обожженный и отравленный непрерывными бомбежками, он дрожал в предсмертном ужасе. Горы вновь гудели и рушились, не выдерживая невидимых вибраций.

Отблески пожаров уже не выглядели столь пугающими, да и некому было на них смотреть кроме Игоря, так и замершего на вершине скалы, дрожащей, но все еще крепко стоящей на поверхности планеты. Несущийся к земле спутник перекрывал своим сиянием все пожары на планете. Он горел на много ярче солнца, которое было в этом мире далеким и тусклым. Шар, кипящий всполохами пламени, был явно нацелен в море. И в тот миг, когда он наконец-то коснулся поверхности воды, море взорвалось. Вспышка света выжгла все то, что уцелело при бомбежке метеоритами. Взметнув-

шиеся в небо кипящие массы воды, падали обратно, а от места падения луны одна огромная волна, вобравшая в себя все воды моря, неслась к берегу. И тут же докатилась ударная волна. Это было так, как будто бы из-под ног резко выбили опору, а сверху оглушили огромной чугунной крышкой, по которой кто-то нещадно колотит тяжелым молотом. Несясь перед водяной волной, ударная волна срезала на своем пути все. Она походила на расширяющееся кольцо, за границей которого образовывалось однородное ничто. Горы рассыпались крошкой, и подхваченные взрывом неслись дальше, чтобы сокрушить стоящих рядом собратьев. Живого не оставалось ничего.

Скала, на которой располагался Игорь, сперва просела чуть вниз, а затем взметнулась вверх, в небеса, которые сдувались точно так же, как и горы внизу. Атмосфера, сорванная чудовищным взрывом, разошлась по планете огромным кольцом и, не удержавшись, выплеснулась в космос, поставив незащищенную поверхность планеты вымораживающему холоду и выжигающей радиации космоса.

Игорь падал вниз вместе с осколками той скалы, на которой находился до этого, его швыряло из стороны в сторону, придавливало и тут же освобождало, что бы в следующий миг придавить с еще большей силой. И в этот момент на голову обрушилась огромная волна. Не менее смертоносная, чем прокатившаяся до нее ударная волна, кипящая масса воды сметала то, что разрушил взрыв. Несся в себе камни, она

крушила, перемалывала все, что попадалось у нее на пути.

Игорь задыхался, страдал от обжигающего жара и неподъемной массы камней, придавивших его. Он пытался сдвинуться с места, но не мог. Как вдруг его кто-то схватил за плечи и с силой выдернул вверх, заставляя сесть.

Было темно и сравнительно тихо. Не гремело, не кипело вокруг. Лишь отдаленные стоны и непонятные шорохи доносились до слуха парня. Перед ним в окружении разбросанных тел стояли две фигуры. Освещенные всполохами огня они были настолько чумазые и грязные, что Игорь сперва принял их за мифических демонов, которые пришли отнять его душу. Но постепенно привыкнув к плотному дыму, он все-таки понял, что перед ним стоят парень и девушка, а сам он вновь находится в метро, в своем привычном, но таком же хрупком мире.

17. Антон, Егор, Бродяги и Илья

Заглядывать в этот почти неповрежденный вагон парни не стали. И потому окликнувший их грубый и явно выпивший голос заставил друзей в испуге остановиться. У обоих сердце было готово выпрыгнуть из груди. Оба считали, что за ними уже никого нет, а тут на тебе.

– Эй, парни, закурить не найдется?

Обернувшись на окрик, Антон с Егором увидели высунувшуюся на половину из открытой двери вагона фигуру. Света от встроенного в мобильник фонарика хватало только на то, что бы видеть силуэт, но не рассмотреть человека полностью.

– Не курим, – ответил за двоих Егор и, увлекая за собой друга, направился дальше по туннелю. Отчего-то ему очень не хотелось сейчас выяснять ни с кем отношения. А то, что выяснять отношения скорее всего придется, он чувствовал очень хорошо. Ведь нормальный человек не будет спрашивать прикурить в ситуации, когда целый состав поезда потерпел крушение, да еще таким наглым, выпившим, и отчего-то знакомым голосом с нотками предвкушаемого удовольствия, как будто все это ему очень даже нравилось.

– Эй! – вновь окрикнул их парень. – Да я вас знаю.

Парень спрыгнул на пол туннеля, чуть не растянувшись на попавшемся под ногу масляном пятне. Антон с Егором

вновь остановились. Все-таки гордость чаще приносит человеку неприятности, чем пользу. Хоть и хотелось двум студентам сейчас уйти от этого последнего вагона, тихо и мирно, но показать свои спины и не откликнуться на окрик они не смогли. Тогда бы они оба знали, что струсили, испугались эха в туннеле, бежали.

Между тем парень, прыгнувший из вагона, приближался. Он периодически чиркал зажигалкой, освещая себе путь. Чиркал и через секунду отпускал, не давая перегреться колесу и обжечь пальцы. И тут Егор понял, почему голос идущего к ним человека показался ему знакомым. Это был один из двух гопников в Продуктовом, с которыми у него вышла сора. Да и лицо гопника явно выражало удивление. Он тоже их узнал. И чем ближе он к ним подходил, тем сильнее удивление на его лице перерастало в улыбку-оскал, как у хищника загнавшего свою добычу в угол.

Егор сделал движение вперед и занял позицию готового к поединку бойца. Руки были пока опущены, но колени чуть согнуты, а вся его поза выглядела слегка подпружиненной, он был готов в любую секунду резко сократить дистанцию до врага и исполнить на нем пару тройку наиболее действенных приемов, если тот проявит хоть малейший повод. То, что Егор вырубит своего противника без лишних проблем, он знал. Не зря же он столько времени проводил на татами в спортивном зале. Да и легкая обида, оставшаяся с магазина, не исчезла, а при виде врага взыграла с новой силой.

Гопник, словно чуя возможности Егора, остановился чуть-чуть не дойдя до края той линии, за которой атака студента была бы не отразима.

– Вот так сюрприз, – он стоял, слегка улыбаясь, и периодически сплевывал на пол. – Эй, Бес!– гопник бросил эти слова в сторону вагона. – Бес, а ну давай сюда. Здесь наши старые знакомые.

Из вагона спрыгнул еще один парень. Антон с Егором уже знали, кто это. А вот аккуратно спустившуюся следом девушку они видели впервые. Названный Бесом шел как-то неуверенно. Но с каждым шагом поступь его становилась все более жесткой, и студенты явственно ощутили, что опасаться им надо не стоящего перед ними, а именно того, кто шел сейчас от вагона, того кого называли Бесом.

– Чего вам надо? – Антон решил словами разорвать стягивающуюся над ними паутину обреченности.

– Нам? – чиркающий зажигалкой гопник задумался. А и в самом деле, что ему нужно, от этих двоих. Он обратился к приближающемуся товарищу. – Слышь, Бес, а что нам от них нужно?

Второй гопник, вроде как, и не услышал вопроса. По крайней мере, он никак не отреагировал него. Он двинулся мимо напарника напрямик к студентам, по пути опуская руку за пазуху. Егор отлично помнил, что находилось у него там. И в момент, когда Бес пересек незримую черту, являющуюся гранью диапазона атаки Егора, студент, словно выпрыгива-

ющая из засады кошка, резко дернулся вперед навстречу наступающему. Его выпад от начала и до конца слился в одно неделимое на составляющие части движение. Вот он только что стоял на месте, и вот его тело уже кружит вокруг ничего непонимающего противника, опутывает его серией быстрых ударов, завершающихся броском, так что незадачливый боец летит пару метров и с силой бьется головой о стальной рельс.

Гопник, который первым спустился из вагона, дернулся к Егору. Про Антона, замершего на месте, он даже не вспомнил. Он видел явную угрозу и стремился сейчас к ней. Девушка тоже подошла к месту драки и замерла на месте, освещая мобильником пространство вокруг. Она что-то крикнула бросившемуся в атаку гопнику, какие-то слова поддержки, но ее приятель их не слышал. Он сократил расстояние до стоящего к нему боком Егору за пару прыжков и едва успел схватить того за ворот куртки, как студент уходя резко вниз и вперед, навстречу гопнику, перехватил его руку и повлек за собой. Противник взвизгнул и, как собачка на поводке, направился за студентом, выводя вокруг него круги. Обыкновенный захват запястья, но как действенно он сработал против грубой, неподготовленной атаки. Периодически повизгивая, но все больше нецензурно ругаясь, гопник замер, пригвожденный к бетонному полу все тем же захватом, в добавок с опустившимся на спину коленом.

– А! Сука! Пусти! – парень брызгал слюной на промасленный пол. – А! Тварь!

Егор лишь сильнее надавил на вывернутое запястье, от чего распластанный на полу гопник слегка проскользил лицом по бетону и еще сильнее заорал.

– Лежи, погань! – злость Егора была готова выплеснуться на поверженного врага одним движением, рвущим находящиеся в предельном напряжении связки. – Лежи. Эй, Антох, – парень бросил взгляд на товарища. – На тебе штаны хорошо сидят?

Неподвижный до этого парень словно ужаленный сорвался с места, подбегая к другу. По ошарашенным глазам читалось, что он был в шоке от увиденного.

– Круто ты их, – Антон уже стоял рядом, не зная чем помочь.

– Ремень говорю, давай.

– Ремень? – не понял Антон.

– Ремень, ремень, – повторил Егор. – Этого твоим свяжем. А того, – парень мотнул головой в сторону лежащего без сознания. – Того – моим.

– Понял, – Антон стал торопясь вытягивать из петелек джинсов ремень.

– Суки! – это уже подала голос, стоящая в стороне девушка. И толи сознание у нее помутилось, толи она действительно рассчитывала остановить двух студентов, но, тем не менее, выдавив из себя, ни то крик, ни то стон, она прыгнула на Егора. Стоящий с ремнем в руках Антон вновь не успел ничего предпринять и лишь проводил взглядом промелькнув-

шую мимо девушку.

От сильного толчка в бок Егор не устоял на месте. Падая через лежащего на полу гопника, он не удержал хват и отпустил руку противника, а визжащая в истерике девушка повисла на нем, пытаясь выцарапать глаза. Сотовый, отброшенный ею в сторону, пролетел пару метров и звонко ударился об пол, и хотя явно было слышно, что он разлетелся на несколько частей, экран его продолжал светиться, освещая место борьбы тусклым, слегка голубоватым светом. Звук драки эхом разносился по туннелю, отражались от свода и стен и, усиливаясь, возвращались к сражающимся. Все звуки, накладываясь друг на друга, создавали эффект шуршания, как будто бы оползень сорвался с высокого обрыва: некоторые камни звонко отскакивают друг от друга, а некоторые подхваченные потоком песка и земли, глухо перекатываются через себя, увлекая за собой все новые и новые камни.

Егор с девушкой боролись на полу, перекатываясь со спины на спину. Антон сунулся было к ним, но тут с пола стал подниматься гопник с вывернутой рукой, болтающейся вдоль тела, как ничем не закрепленная плеть. Скалясь и матерясь, гопник сунул здоровую руку за пояс, и Антон увидел небольшой черный пистолет. Секундное замешательство сменилось рывком отчаяния. Антон бросился на гопника, обхватил его, и они оба грохнулись на пол, сплетаясь между собой, как две разъяренные кошки. Однако сноровки у

студента оказалась мало. Даже с одной рукой гопник легко справился с Антоном и в один из переворотов с силой ударил его по голове рукоятью так и не выпущенного пистолета. Тело студента обмякло и отвалилось в сторону.

– Эй, тварь, а ну встань! – гопник держал на прицеле Егора, который уже скручивал шипящую и извивающуюся, как змея девушку. – Встань, сука!

Парень оглянулся на окрик и, понимая, что проиграл, отпустил руки девушки, от чего тут же получил несколько ударов по лицу. На бетон закапала кровь. Ногти девушки разодрали щеки студента, оставляя после себя несколько глубоких борозд.

– Тварь! – поднимаясь, она еще раз ударила Егора. На этот раз ногой. Пыталась попасть по лицу, но парень немного уклонился в сторону, и удар пришелся в плечо.

– Анна, все! Остынь! – гопник все ни как не мог совладать с болтающейся рукой. – Посмотри, как там Бес.

– Бес, Бес! Только и слышно, что твой Бес! – девушка со злостью пнула Егора. – Бес, – еще раз повторила она, но все-таки направилась к валяющемуся на рельсах телу. – Дышит. Сука!

– Возьми у него травмат, и поддержи-ка этих на мушке.

– Хорош. Хватит уже. – Анна пошарила за пазухой у Беса. – Надо уходить. Все слишком затянулось. Ты слышишь? Моня!

Анна посмотрела туда, где только что стоял ее парень, и

с удивлением увидела, как тот, резко мотнув головой, падает на пол, а за его спиной высвечивается еще один силуэт с палкой в руках. Крепыш, которого Моня пинал в вагоне.

– Сука! Нет! – Анна направила пистолет на появившегося спортсмена, но тот отошел назад, и его силуэт растаял в окружающей их темноте. – Иди сюда, гад! Я тебе мозги вышибу!

– Ага, сейчас, – раздалось из туннеля глумливое эхо.

– Тогда я ему мозги вышибу! – девушка направила пистолет на стоящего на коленях Егора. – Ну, что? Выйдешь?

– Я же говорю, сейчас, – вновь раздался голос. – Вот, выхожу.

И вслед за словами из темноты вылетел кусок поручня. Металлическая труба с алюминиевым набалдашником на конце. Девушка не успела среагировать, и запущенный невидимым противником снаряд прилетел ей прямо в лоб. Она театрально откинула назад голову, развела в стороны руки. Пистолет выпал и несколько раз отскочил от бетонного пола, и вслед за ним на пол опустилось уже бесчувственное тело девушки. Кусок поручня с грохотом упал к ее ногам, и эхо унесло по туннелю его звонкое дребезжание.

Егор, не дожидаясь ни чьих понуканий, вскочил с пола и первым делом пнул валяющийся возле девушки пистолет, который, кувыркаясь, полетел в темноту туннеля. Потом он так же быстро направился ко второму вооруженному гопнику, который начал приходить в себя. Навстречу из темноты

вышел незнакомый парень, тот, кто так ловко управился с поручнем. Он улыбнулся, и тут же лицо его скривилось в предельном напряжении. Стремительный рывок, но парень не успел. Гопник, пришедший в себя, не видя бегущего сзади крепыша, направил пистолет на идущего к нему Егора. Оглушительный выстрел прокатился по туннелю. А затем наступила тишина. Полуоглохший от громкости выстрела спортсмен увидел, как парень с окровавленным лицом завалился на спину, и кровь с его головы потекла еще сильнее.

Парень с размаху выбил пистолет из руки гопника, а вторым ударом оправил так и не поднявшегося с бетона противника в долгое беспамятство.

18. Виктор, Маша и Игорь

– Очухался? – это спрашивала девушка.

Туфли на сломанных каблуках. Изодранная, грязная куртка и джинсы. Лицо все в саже, а растрепанные волосы скомканы и болтаются, как попало.

– Ты как? Живой?

Она подошла к Игорю поближе и в клубах едкого, невыветриваемого дыма, парень рассмотрел ее довольно привлекательные черты. Она была очень даже красива.

– Живой, живой, – прохрипел Игорь и, попытавшись встать, тут же рухнул на пол вагона. Тело не слушалось его, оно было ватное и чужое. – Ничего себе, затекло! – парень почувствовал, как все тело принизывают маленькие, тоненькие, и очень острые иголки. Такого он не испытывал никогда раньше. Бывало, конечно, что рука или нога затекает, а потом ее будто бы всю колет, но что бы все тело сразу.

– Эй, эй! Ты чего? – парень, что до этого молча стоял рядом с девушкой, подхватил валяющегося Игоря и вновь привел его в сидячее положение. – Ты в порядке?

– Да. Вроде бы. Только все тело затекло, – говорить Игорю было все еще сложно.

Он сидел напротив молодых людей и рассматривал их, периодически скатываясь в мыслях в тот привидевшийся ему мир. Как? Зачем? Почему ему? Или это фантазия его так

разгулялась? Игорь не мог ответить сам себе, что это было. Почему он вновь досконально помнил все то, что с ним произошло, пока он был без сознания.

– А может все-таки свихнулся? – вслух спросил он сам себя.

– Да нет. Не свихнулся, – девушка устало присела рядом. – Это все правда.

Игорь натужно улыбнулся. Она, видимо, подумала, что он рассуждает о происшедшем в метро.

– Ты как будешь готов, поднимайся. Нам надо выбирать-ся отсюда. Меня, кстати, Машей зовут, – девушка протянула парню тонкую кисть, измазанную, местами порезанную и исцарапанную, но при этом очень изящную.

Игорь мотнул головой, отгоняя не ко времени пришедшие мысли о красоте девушки. «Да и парень вон стоит, смотрит волком. Наверно ее бой-френд. И, похоже, уже ревнует». Игорь пожал протянутую руку, которая оказалась слегка прохладной, не смотря на адскую обстановку вокруг. Потом протянул руку и парню, который так же решил присесть рядом.

– Игорь, – толи сказал, толи прошипел он, представляясь.

– Витек, – бой-френд девушки крепко пожал руку Игоря.

Ростом Витек был под метр восемьдесят. Обыкновенная модельная стрижка пыльных и от того кажущихся седыми волос. Темная тряпичная куртка, серые не то брюки, не то джинсы, и черные туфли с измочаленными носами. Игорь

пробежал взглядом по своей одежде. Зрелище было не лучше. Как будто бы его и впрямь перемололо камнями в том, привидевшемся мире.

– Ужас.

– Согласен, – Виктор все еще держал руку Игоря. – Идти сможешь?

– Надо попробовать. Выбраться же отсюда нужно?

– Верно, – кивнул головой парень, поднимаясь на ноги. – Пойдем.

Виктор помог Игорю встать, и, опираясь на плечо незнакомца, парень смог довольно сносно передвигаться. Маша спустилась из вагона первая и подала руку.

– Держись, – их глаза встретились вновь, и Игорь мог поклясться, что девушка смотрит на него с каким-то трепетом, как будто боится, что он испытает боль, споткнется или с ним еще что-нибудь произойдет.

«Она что, боится за меня? Волнуется? Переживает?»

Игорь принял предложенную помощь и спустился на бетонный пол туннеля. Огонь, полыхающий у первых вагонов, освещал весь тот ужас, что случился здесь. Игорь смотрел по сторонам и не верил своим глазам. Тот мир, конец которого он наблюдал в забвенье, теперь казался ему ничтожной иллюзией. Тот мир был фантазией, выдумкой, невесть как попавшей в его голову. Но то, что творилось вокруг него сейчас – это была не иллюзия. Это была правда, ужасная и непоправимая. Он стал участником трагедии, о которой представлял

лишь по достаточно глупо снятым кинолентам. Он не представлял, что станет свидетелем крушения поезда в метро.

Вагоны смятые, искореженные, вбитые в стены и свод туннеля. Торчащие в разные стороны куски рельсов и металла. Отблески пожаров, едкий дым и гарь от горящего пластика. Тела, валяющиеся на путях в позах, которые не свойственны живым людям. Вывернутые и переломленные шеи и спины, оторванные конечности. Игорь закрыл глаза и попытался сглотнуть, но и без того пересохшее горло, лишь ободрало само себя.

– Кошмар! – Игорь отстранился от придерживающего его парня, опустился на взрыхленный бетон и прикрыл голову руками. – Кошмар! – его мозг не мог принять того, что видели глаза. – Как так? – Игорь растирал себе виски, пытаясь обрести внутреннее равновесие, но у него это не получалось.

– Успокойся, Игорь, – Маша присела на корточки напротив парня, посмотрел ему в глаза и еще раз тихо и медленно произнесла. – Успокойся.

– Как? – Игорь смотрел на нее, сквозь нее. Смотрел в надежде понять, как она, с виду хрупкая и женственная девушка, может так спокойно реагировать на произошедшее. – Как мне успокоиться?! Почему я должен успокоиться?! – он сильно сжал свою голову руками. – Почему?

Виктор, опять оказавшийся в стороне, лишь устало вздохнул и пнул попавшийся под ногу камень, который, глухо ударившись об исковерканный бок вагона, отскочил обратно и

вновь подкатился к ноге парня.

– Потому что это не конец света, – девушка смотрела на него как-то чересчур нежно, наверное, так смотрят матери на своих детей, когда пытаются их успокоить. – Это трагедия, но не всемирная. Так бывает.

Игорь посмотрел на нее непонимающе.

– Как бывает?! – он обвел взглядом недвижимые тела людей. – Так не может и не должно быть! – он вновь посмотрел в глаза Маше и, противясь царившему в них смирению и спокойствию, выкрикнул в лицо девушки. – ТАК! БЫТЬ! НЕ ДОЛЖНО! – он вновь принялся массировать себе виски и вдруг, первый раз после того как очнулся, подумал, а почему эти двое спасли именно его, и почему они пытаются вытащить ни кого-то другого. Игорь поднял глаза на девушку, которая, заметив изменение в парне, немного напряглась. – Да кто вы такие? – он перевел взгляд на Виктора. – Кто вы? Почему вы вытащили меня, почему оставили всех остальных? – его взгляд перемещался от парня, все еще стоявшего в стороне и лишь тихо ругающегося себе под нос, к девушке, которая стремилась его успокоить. – Зачем?

Все-таки нервы у него были не железные. Два дня. Череда событий, как скатывающийся с горы снежный ком, обрастающий бедами и неприятностями. Сны, которые не должны быть настолько реальными, настолько непонятными и настолько ужасными. Голова у Игоря буквально пухла, пытаясь вместить в себя и хоть как-то объяснить все то, что с ним

происходит.

– АААААААААААААА! – он заорал, не в силах выдержать растущее напряжение. Эхо прокатилось по туннелю, унося с собой какую-то часть парня, оставляя внутри него пустоту, как будто кто-то выдернул вилку из розетки, отключая энергию в нем, взамен даруя лишь противную слабость и головокружение.

– Игорь. Это не конец света, – Маша все также сидела напротив, и ее руки сейчас лежали на голове парня.

Игорю казалось, что от рук девушки веет прохладой и умиротворением. Виктору это явно не нравилось. Он несколько раз сплюнул на пол, но Игорю было и самому наплевать. Главное то, что это прикосновение его успокаивало.

– Это не конец света, – вновь повторила Маша, а потом добавила. – Ты ведь его уже видел.

Волосы на голове Игоря полезли вверх. Он медленно отстранился от девушки и с ужасом спросил:

– Кто вы?

– Я Маша, а это Виктор, – девушка улыбнулась, слегка натянуто, видно понимая, что сказала лишнее, или может не лишнее, но немного раньше, чем стоило.

– Что ты сказала о конце света? – Игорь смотрел на нее обезумившим глазами.

– Игорь, я знаю, что ты что-то видел, – Маша даже зажмурилась, пытаясь подобрать нужные слова. Но что толку от нужных слов, если необходимо говорить правду. – Я не ви-

дела его, я лишь знаю, что ты смог его увидеть.

Криво, непонятно.

– И именно поэтому мы с Виктором и искали тебя. У нас с ним тоже были видения. – тут Маша заторопилась, стараясь, как можно подробнее пересказать Игорю то, что произошло с ними. А закончив рассказ, добавила – И вот получается, что каждому из нас открылась лишь часть чего-то. Виктор видел, как спасти меня, я знала, где искать тебя, видела, что искать нужно именно тебя, и знаю, что ты должен стать ключевым звеном для чего-то большего. Для, для... – она запнулась, подбирая нужные слова. И наконец, подобрав их, продолжила. – Для нашего спасения.

– Чего? – парень смотрел на нее, явно не веря сказанному. – Спасли меня, что бы я спас вас? – он приподнял брови, как бы спрашивая, правильно ли он ее понял.

– Да. – Маша опустила голову, осознавая, что Игорь не принимает и не понимает сказанное ею.

– Хорошо. Я вас сейчас спасу, – он встал и направился по туннелю, двигаясь к концу потерпевшего крушение поезда.

– Не туда. – Маша с мольбой в глазах взглянула на Игоря и затихающим голосом добавила. – Нам в другую сторону.

– Ну, нет, постой! – Игорь замотал головой, протестуя против услышанного. – Я должен вас спасти? Так? – и, не давая девушке вставить и слово, продолжил. – Значит, мы идем к выходу.

– Сейчас нам ничего не угрожает, – запинаясь, продолжи-

ла девушка. – Сейчас нам надо идти туда, – она указала рукой в полыхающий огнем тупик из скомканных вагонов.

– Туда я точно не пойду, – вставил Игорь.

– Дослушай меня! – неожиданно взорвалась Маша. – И не перебивай! Мы спасли тебя не волею случая, не просто так! Мы знали, где ты лежишь! Мы видели это! Я это видела, но без помощи Вити не смогла бы это сделать! Я знаю, что ты в свою очередь видел нечто, что, по-видимому, пугает тебя еще сильнее, чем случившееся здесь! Я знаю, ты не веришь! Но если, черт тебя побери, ты не слабак и не тряпка и если ты в силах довериться людям, вытащившим тебя, то ты! – тут девушка, ожесточено жестикулировавшая во время всей своей речи, замерла, указав Игорю точно в грудь. – Ты обязан, сейчас пойти с нами!

Давящее молчание повисло между молодыми людьми. Маша смотрела на Игоря, ожидая, что тот ответит. Виктор, которого поведение его девушки пугало все больше, стоял, не смея ей перечить. А Игорь смотрел ей в глаза, и нервно поиграл жвалками, что-то упорно обдумывая.

– Хорошо. Что там? – он мотнул головой в сторону пожара.

– Я не знаю, что там! – с раздражением повела головой Маша.

– Отлично!

– Я не знаю, что конкретно там находится! – жестко со злобой перебила его девушка. – Я лишь видела, куда мы

должны отправиться. И ты, – она вновь указала Игорю в грудь, и, не давая ему времени вставить слово, продолжила. – Ты там узнаешь, что я была права, и я знаю, что там будут ответы на твои вопросы!

Игорь молчал. Виктор, все это время не проронивший ни слова, подошел к Маше, нежно обнял ее, и ее прорвало. Девушка обняла молодого человека, вжалась в него, уткнувшись лицом в грудь, и зарыдала. Захлебываясь, она то замолкала, то вновь всхлипывала, выплескивая в месте со слезами весь страх, весь ужас, который ей довелось пережить. Она вновь ощутила себя слабой и беззащитной, и сама сейчас не хотела верить во все то, что с ними приключилось.

Игорю стало неловко и стыдно, он вполне взрослый человек, ведет себя как маленькая истеричка, когда должен был быть мужчиной. Отвернувшись от пары, он долго всматривался в темноту туннеля. И как же сильно ему хотелось сейчас направиться именно туда, а не в противоположную сторону. Но вопросы, мучившие его, не давали шанса уйти в темноту. Только в огонь, в пламя, как тот мир, который родился и умер у него под ногами.

Пробираться через горячие, исковерканные столкновением вагоны было трудно. Где-то приходилось лезть под ними, чувствуя идущий от днища нестерпимый жар. Где-то было удобнее пробираться, прижавшись всем телом к стене туннеля. А местами, и от этого Игорю и его спутникам стано-

вилось не по себе, приходилось идти по мертвым телам, лежащим друг на друге. Зрелище было по истине ужасающее.

Дышать, на удивление, было несложно. Конечно, от едкого дыма кружилась голова, глаза слезились и во рту было ощущение, что жуешь обугленную головешку. Но кислорода пока хватало.

Ободранные, грязные, и вымотанные больше морально, чем физически они добрались до разрушенной станции. Опустившись на пол, они некоторое время молча, сидели, переводя дух. Людей здесь было больше. Многие, просто сидели на полу, не зная, что им делать дальше. Часть же отправлялась по свободному туннелю к станции Проспект Мира.

– Ну что? Куда дальше? – Игорь, смирившийся с необходимостью слушаться Машу, даже не предлагал своего маршрута. Да и что он мог предложить? Это она была их проводником. Она одна видела незримую для них цель. Ее парень тоже не перечил. Он, похоже, уже давно смирился с главенствующей ролью подруги. Да она и не дала ни единого шанса усомниться в том, что не знает куда идти. Пробираясь через заваленный туннель, девушка ни разу не ошиблась с направлением, ни разу ни завела их в тупик. И от этого Игорь все больше начинал верить ей.

– Туда. – Маша указала рукой на заваленный туннель, по ветке которого люди стремились покинуть станцию. Только, вот одно но, девушка вновь указывала на противоположное

направление.

– Там же завал. – Виктор сказал это просто так, даже не надеясь, что девушка изменит решение.

– Да, завал, но нам надо именно туда. – Маша поднялась с пола, и больше по привычке, чем по необходимости, начала отряхивать джинсы. Потом опомнившись, бросила это глупое занятие и направилась к завалу. – Идемте. Будем искать дорогу.

Парни поднялись и направились вслед за ней. Света от полыхающих местами пожаров хватало, чтобы не пользоваться подсветкой мобильных. Да и лишний раз смотреть на разрушенную станцию и присыпанные пылью и мусором неподвижные тела не хотелось.

Завал, как оказалось, был не глухим, его верхушка почти касалась свода. Не тратя напрасно время, парни забрались наверх и принялись расчищать пространство под потолком туннеля, то и дело, откидывая в стороны мешающий мусор. Когда они закончили, Виктор спустился на другую сторону, Маша тоже забралась наверх и последовала вслед за парнем. Завершил процессию Игорь.

С этой стороны завала было темно и тихо. Небольшая щель под сводом, через которую молодые люди проползли, едва пропускала потрескивание догорающих останков станции, плачь и стоны искалеченных людей. Сколько же семей сегодня лишилось своих родных и близких? Сколько жизней оборвалось, вмялось в бесчувственный металл и камень?

Сколько судеб изменилось в одночасье?

– Маш, долго нам идти? – Виктор шел справа от подруги, в руке которой подрагивал белым светом экран сотового.

Электричества в этом туннеле так же не было. Поэтому заряд сотовых решили экономить, используя телефоны по очереди.

– Мы идем-то всего минут десять, – девушка внимательно изучала стены туннеля, как будто боялась пропустить какой-нибудь знак, указывающей ей направление.

– Да я просто так спросил. Все равно дорога прямая, а впереди Тургеневская.

Девушка промолчала.

– Не трогай ты ее. Видишь ей и так тяжело. – Игорь, шедший сзади, аккуратно переступал со шпалы на шпалу. Изучать стены метро ему уже надоело. Бетонная монотонность, бесконечные галереи кабелей, соединяющие неизвестно что и неизвестно зачем.

– Без тебя разберусь, – вроде бы не зло, но с каким-то раздражением ответил Виктор.

«Он считает меня виноватым, в том, что сейчас, они лезут неизвестно куда, и в том, что его девушка ведет себя как одержимая. Что же, вполне логично». Игорь не стал возражать парню, приняв его право на этот ненужный и грубый ответ.

– Хватит вам. Уже пришли. – Маша остановилась возле небольшого прямоугольного углубления в стене, внизу кото-

рого в круглое отверстие полуметрового диаметра стекала тонкая струйка воды, бегущая по дренажному лотку. Металлическая решетка, перегораживающая сточную дыру, проржавела настолько, что когда Виктор пнул ее, она провалилась внутрь, не создав ноге парня ни какого сопротивления.

– Нам что, туда? – Игорь недоуменно посмотрел на спутников. – Лезть в канализацию?

Виктор присел на бетонный выступ в стене.

– Вот дела, – не то удивляясь, не то констатируя предстоящее омовение в нечистотах, выдал парень. – Маш, ты уверена?

– Да пошли вы, – огрызнулась девушка и села на корточках, освещая мобильником черную дыру в стене. – Не хотите, не лезьте, – она заглянула вглубь и неожиданно для парней нырнула туда, оставив в туннели лишь свои ноги, но и их тут же втянула вслед за собой. С обратной стороны раздался негромкий всплеск.

– Стой! – Виктор опоздал лишь на мгновение, ухватив рукой пустое пространство. – Вылезай оттуда! – Он всматривался в отверстие и повторял как заведенный. – Маша, вылезай. Ну, пожалуйста. А? Ну хватит, подурачились и все. Тебе привиделось, мне привиделось. Это ведь только привиделось. Хватит, вылезай!

– По-моему, она не дурачится. – Игорь присел рядом с отверстием в стене, откуда показалось неяркое свечение мобильного. – И, по-моему, лезть нам туда все-таки придется.

– Да заткнись ты! – Виктор с силой оттолкнул Игоря от дыры. – Маша, вылезай. Хватит.

– Вить, мы почти пришли, – голос был глухим. – Давайте сюда. Здесь как-то жутковато одной.

Тихо ругаясь, парень что-то резко прожестикуюлировал и собрался лезть в дыру.

– Не делай так больше, – рука Игоря легла на плечо Виктора, останавливая его на полпути.

– Чего? – Парень поднял глаза на спутника.

– Я говорю, не делай так больше. Не толкай меня, не задевай словами, – Игорь, не отрываясь, смотрел в глаза парню. – Не надо. Я благодарен тебе, что ты меня вытащил. Понимаю, что ты волнуешься за Машу. Но меня больше не задевай. Договорились?

Так и не поднявшийся с корточек Виктор, утвердительно мотнул головой.

– Договорились. Но и ты не выставляйся. А то нашелся венец природы. Вытащи. Успокой. Уговори. Видишь, куда она из-за тебя полезла?

– Вижу. – Игорь убрал руку с плеча парня. – Ну не я же вас туда тащу?

– Ладно, хватит. Я пошел. Вернее полез. – Виктор отвернулся от собеседника и протиснулся в дыру в стене.

Игорь постоял мгновение, а затем двинулся вслед за спутниками, которые направлялись, не ведомо куда.

– Ну, тут и вонь!

Молодые люди стояли в яйцевидном туннеле, выложенном поросшим мхом кирпичом. Струящийся под ногами ручеек мутно-ржавого цвета, бежал по каменному руслу, изгибался вслед ему и терялся во мраке. Самому высокому из компании Виктору было неудобнее всего. Свод был лишь немногим выше его головы. Замшелые кирпичные стены туннеля, дотянуться до которых можно было одновременно, не разгибая при этом полностью рук, выглядели достаточно крепкими, хотя в некоторых местах и виднелись недавние сколы.

– Куда теперь? – Без сарказма и без намека на пререкание поинтересовался Игорь.

– Вниз, – Маша была бледной, и, по-видимому, этот концентрированный урбанистический аромат доставал ее больше, чем остальных.

– А не смоем? – спросил Виктор, беря инициативу в свои руки и направляясь вслед текущей воде.

– Да вроде нет, – отозвался Игорь. – Наклон небольшой.

– Тогда пошли.

В молчании, стараясь реже вдыхать этот спертый, затхлый и воняющий нечистотами воздух, компания двигалась по ручью. Первым шел Виктор, аккуратно исследуя каждый попадающий под ногу камень, прежде чем перенести на него вес. Он, не наступая в воду, старался держаться на овальных стенах туннеля, пропуская ручеек у себя между ног. За ним

так же двигалась Маша. Все еще бледная, но все-таки немного привыкшая к окружающему запаху. Замыкал их колонну Игорь, то и дело соскальзывающий с овального днища в мутную жижу. Когда он понял, что беречься смысла нет, обувь и так уже вся пропиталась этой гадостью, он пошел прямо по ручью, стараясь не упасть, попади под ногу какой скользкий камень.

Туннель же, не меняя уклона, постоянно забирал куда-то вправо. Пару раз молодые люди встречали стоки, похожие на тот, через который они попали сюда. Из них так же струилась мутная жижа.

– Ребят. – Игорь окликнул идущих впереди. – А вы не боитесь?

– Я за сегодня уже так набоялась, что сил бояться больше нет, – не оборачиваясь, отозвалась Маша.

– Да я про другое. Ведь Виктор все-таки был прав, интересуясь, смочит ли нас или нет. Мы же идем в низ, а на поверхности, если вы помните, уже какой день идет дождь, а сейчас вообще ливень. А канал, как я посмотрю, и побольше может заполняться. Вы на стены гляньте.

Игорь был прав, на кирпичях линии от поднимающейся воды были и на уровне пояса, и груди, и даже шеи.

– Да, как-то ссыкотно. – Виктор аккуратно переступал через невесть как попавший сюда старый трехногий табурет.

– Вот-вот, и я про тоже. Идем мы сейчас с вами, идем, а тут раз и за спиной поток сточный.

– Пожалуйста, перестаньте. А? – надорванным голосом попросила девушка. – Вы думаете, мне не страшно? Вы думаете, что я робот и мне приятно все это. Так нет же. Я безумно боюсь. Но я стараюсь не думать об этом. А вы идете и подтачиваете меня.

– Извини. Не хотел. – Игорь вновь укорил себя за свое слюнтяйство. Вот же девушка идет и молчит, а он опять разнылся. Тьфу ты. Баба бабой.

Журчание ручейка, бегущего под ногами, изредка сопровождалось звонкими ударами падающих со свода и образовавшихся на нем сталактитов капель, просачивающейся сквозь грунт воды. Мутно-серые сосульки, были очень прочные. Игорь чуть не разодрал себе руку, пытаясь сбить одну из них. И на стенах то тут, то там стали попадаться горбатые наросты, все того же серого цвета.

– Осадочные отложения, – сказал Игорь для того, что бы хоть как-то развеять это гнетущее молчание. Ему казалось, что кроме звука текущей воды, звона разбивающихся капель и их собственного шороха, похожего на шуршание пока что еще не встретившихся им крыс и мышей, который эхом откатывался в стороны, больше нет ничего. – Я бы сказал минеральные, – попытался пошутить парень. – Но не уверен в их химическом составе.

– Стойте! – Виктор замер и предупреждающе поднял руку.

– Что случилось? – Ничего не видящий за спинами иду-

щих впереди Игорь попытался выглянуть то с одного, то с другого бока, но в тусклом свете экрана мобильного так ничего и не разглядел.

– Слышите? – Парень обернулся к стоящим сзади Маше и Игорю.

– Что-то есть, – Маша прислушалась и в звуках, бегущего под ногами ручья различила далекий, а от того тихий и глухой рокот. – Что это? – шепотом спросила она, уже сама, понимая, на что похож этот звук.

– Похоже, накаркали, – медленно произнес Виктор.

– А откуда он идет?

Все вновь замолчали, прислушиваясь к окружающей их темноте.

– Да вроде как спереди, – парень посмотрел себе под ноги, но ручеек все также бежал по направлению их движения.

– Может, там, – Игорь указал рукой вперед. – Просто большой сток. И мы движемся к нему?

Парни вопросительно посмотрели на Машу, которая растеряно забормотала:

– Да я откуда знаю. Я сама здесь впервые.

– А как ты выбираешь направления? – Игорь давно хотел задать этот вопрос, но все не решался, боясь расшатать еще сильнее и без того разболтанные нервы девушки.

– Как я выбираю куда двигаться? – повторила вопрос Маша. – Просто, я чувствую, что нужно идти, а дорогу мне указывает легкое свечение.

– Какое свечение? – Виктор повернул в руке сотовый.

– Нет, не свет от мобильного, – девушка запнулась, подбирая слова. – Вот сейчас свечения нет. Я думаю, что это от того, что туннель ведет, никуда не сворачивая. А на развилке. Ну, вот, как в перегоне, когда мы залезли в сток, я явно видела голубоватое сияние. Да и когда мы перебирались через горящие вагоны, там тоже.

– Нас вел незримый свет, – задумчиво произнес Игорь. – Похоже, в Библии что-то было такое. Бабушка, когда была жива, говорила мне о свете истинном, не солнечном, а именно первородном, который Бог создал на первый день, а солнце ведь было создано позже, только на четвертый.

– Перестань! – Виктор перебил Игоря. – Мы залезли в такую жо... – парень вовремя остановил чуть не сорвавшуюся с языка грубость. – Ситуацию, что ни о чем святом думать не стоит. Это же натуральная клоака.

– Почему не стоит? Может это свет ангела ведет Машу вниз?

– Ты так говоришь, что не понятно, насмехаешься ты или нет, – девушка облокотилась спиной к кирпичам, упершись ногами в противоположную стену, и подложила руки под поясницу.

– Какие уж насмешки. Мы же и вправду догоняем привидевшихся нам призраков, – Игорь опустил голову вниз. – А подумайте, может все-таки нас ведет какое-нибудь провидение. Ведь это все не объясняется логически. Лично я не ви-

жу ни каких объяснений происходящему.

– Так мы, поэтому мы идем вперед, – напомнила Маша. – Ответы должны быть там. И, да, я согласна. Это все как-то нереально, больше подходит для метафизиков. А я, – Маша поджала губы. – Я считала себя все время сто процентным прагматиком.

– Давайте только без веры, пожалуйста, – Виктор занял положение как Маша, только на противоположной стене. Свет от мобильного в его руке высвечивал бегущий под ногами ручей, в грязном потоке которого перекатывался желто-бурый песок, камешки и иногда мелкие веточки.

– А почему нет? – Игорь поднял глаза на парня. – Религия ведь является частью метафизики, насколько я понимаю.

– Да весь мир в абстракции является частью метафизики.

– Вот-вот, значит нельзя веру сбрасывать со счетов.

– Думай, как хочешь, – Виктор, не желая спорить, перевел тему разговора. – Ты лучше расскажи, что тебе привиделось, а то говорите с Машей какими-то загадками. У нее вообще все на интуиции. – Парень протянул свободную руку к подруге, взяв ее кисть, – только без обид, Маш. А у тебя, Игорь, что-то конкретное, или тоже невнятно-мутное.

– Почему же, более чем конкретное, – Игорь достал свой мобильник и высветил экран. Около часа они шли по этому сточному туннелю. Силы кончились уже давно, еще в раскуроченном вагоне, где его нашли Виктор с Машей. И сейчас, в этой короткой передышке, парень чувствовал, как усталость

парализует его волю. Вот лег бы и уснул. Благо ложится не куда.

– И так, – напомнил Виктор. – Расскажешь?

– Ага.

Игорь начал с самого начала. С его двухдневного сна, в котором он блуждал по пустыне. Вспомнил про Анатолия Викторовича, соседа, который попал в кому. Зачем вспомнил? Да так, наверное, просто желая, чтобы старик пожил еще немного, как будто бы мог помочь ему своими словами. Рассказал о грозе, в которой чуть не погиб, и о том, как попал в метро. А затем во всех подробностях рассказал о пришедшемся второй раз пустынным мире, который ожил и погиб по воле своего спутника. Рассказал так же о «ковчеге», покинувшем поверхность планеты в минуты ее гибели. На что Виктор, вновь пробормотал, что-то бессвязное про религию.

– Вот, как-то так, – закончил Игорь. – Затем вы вытащили меня из вагона?

– Да уж, – прицокнул языком Виктор. – Прямо какой-то сюжет для блокбастера. Сам-то, как думаешь? Что это было?

– Не знаю. Знал бы, не поплелся бы за вами.

– Это точно, – усмехнулась Маша. – Ладно, мальчики, отдохнули? – она оторвалась от стены туннеля. – Тогда пойдете дальше.

Компания двинулась в путь, догоняя несущийся в никуда вонючий ручей. И каждый для себя отметил, что им больше

не попадают врезки стоков, а линии уровня воды исчезли вовсе. И каждый понимал, что это не признак того, что вода здесь не поднималась высоко. Мелкий серо-зеленый мох, растущий только в воде, полностью облепивший стены и потолок, лишь подтверждал их опасения.

Рокот несущейся воды усиливался с каждым шагом, и ручеек под ногами, становился все полнее. Уже и Маша перестала балансировать на скатах стены, вышагивая прямо по руслу ручья. Да и Виктор, вскорости сорвавшийся пару раз, тоже бросил это занятие. Мобильник в его руке пиликнул и погас, погружая молодых людей в зловонную темноту.

– Мой сдох. – Констатируя факт, произнес парень. – Давайте следующий.

И через мгновение в его руке засветился белым экраном, новенький смартфон Маши. Вот, уж точно не предполагали создатели этого недешевого бренда, что их надкушенная продукция будет использоваться как простой фонарик, да еще в таких условиях.

Шум воды становился громче, и в лица ребятам начал весьма ощутимо дуть еще более тошнотворный ветер. Петляние усилившегося в наклоне туннеля прекратилось, и компания хлопала по уходящему во мрак прямому участку. Помогая себе руками, цепляясь пальцами за выступы и мох на стенах, чтобы не сорваться в воду, молодые люди приближались к соединяющему в себе несколько стоков, сбросному колодцу.

Высматривая очередной выступ, за который можно было бы ухватиться, Игорь чуть не врезался в замершую Машу, которая сама едва не влетела в Виктора. Тот же, стоя уже почти по колено в воде, смотрел себе под ноги и не шевелился.

– Что там опять? – Игорь отступил чуть назад, что бы не создавать толкучку.

– Похоже, пришли, – Виктор наклонился немного в сторону, открывая ребятам пространство перед собой.

– И? – Игорь хотел было что-то сказать, но тут же осекся. – Вот тебе и вот.

Перед компанией, в паре метров впереди, закручивая ручей против часовой стрелки, бурлил небольшой водоворот, чуть меньше метра в диаметре, за которым почти иссякший ручей продолжал бежать дальше, к гремящей воде.

– Твою же мать! – не выдержал Игорь. – Как быть-то? Маш, ты никакого свечения не видишь?

– Нет.

– Это даже хорошо. Топится, я бы точно не полез.

– Может его перепрыгнуть? – предположила девушка.

– Можно попробовать. Но как? Если только щучкой, потолок по-другому нам не позволит, – в подтверждении своих слов, Виктор чуть-чуть приподнялся на носки и коснулся головой свода. – Да и где его край? С той-то стороны его видно, но с этой?

– Давай проверим, – предложил Игорь, протискиваясь рядом с Машей. – Я подержу тебя, так сказать подстрахую, а ты

ногой проверишь, где граница. Ну, или ты меня подстрахуй.

– Маш, посвети нам, – Виктор передал смартфон девушке, а сам взялся за протянутую руку Игоря. – Ну, давай, только по чуть-чуть.

Встав друг от друга на максимальное расстояние, которое позволяло выдерживать их связка, парни медленно стали пробираться вперед. Борясь со сбивающим с ног потоком, Виктор аккуратно прощупывал ногой дно перед собой, держась свободной рукой за стену туннеля. Игорь шел следом, внимательно выбирая место, куда поставить ногу, и в любой момент был готов выдернуть товарища по несчастью обратно.

До водоворота осталось примерно полметра, когда Виктор, просев передней ногой ниже обычного, отдернул ее назад. Как бы ни ждал он этого момента, как бы ни готовился к нему, но страх перед возможным падением в эту крутящуюся яму ослепил парня. Он минуту стоял, собираясь с мыслями, не в силах пошевелиться, и все-таки переборов себя, еще раз сунулся ногой в то место и уже более спокойно отошел назад.

– Вот отсюда, – он вновь принял из рук подруги смартфон.

Выходило так, что помимо самого водоворота, за полметра до него начинался обвал. Размытый грунт открыл еще один путь бегущей воде. Кирпичи, само собой, без опоры снизу, провалились в образовавшуюся яму. И этот участок надо было как-то преодолеть.

– У кого какие мысли? – Девушка скрестила руки на груди.

– Дайте-ка, попробую, – Игорь обошел Виктора, но тот остановил его.

– Прыгать что ли будешь?

– Да нет. Попытаюсь перелезть.

– Это как?

– А вот так.

Игорь уперся руками в стены туннеля, затем правой ногой наступил на кирпич выше уровня воды и оторвал левую ногу от пола, подняв ее над ручьем. Опустил ее на стену с другой стороны потока. Завис, слегка раскорячившись, а потом спрыгнул.

– Да так же как вы шли, только повыше, – Игорь обтер влажные руки о ветровку. – Только бы подстраховаться как-нибудь.

– Можно чем-нибудь обвязать тебя, – Маша окинула взглядом одежду Игоря. – Ремень есть?

– Точно, – даже повеселев, воскликнул парень и принялся стягивать с себя пояс. – Витек, давай свой.

Связав два ремня, у парней как раз вышло около двух метров длины.

– Черт, по туловищу его не обмотать, конечно, – разочаровано вздохнул Игорь. – Не хватит.

– Тогда хоть руку зацепи. За нее если что, и вытянем.

Проверив еще раз прочность связанных ремней, и пере-

тянув удавкой один конец на кисти Игоря, они отправились к краю воронки. Маша стояла сзади и освещала парням дорогу.

– Готов? – Виктор покрепче встал на ноги, также перехлестнув свой конец ремня через кисть.

– Будем считать, что «Да».

– Тогда, с богом.

Игорь некоторое время постоял на месте, собираясь с мыслями, а затем забрался на стену, как он сделал это в прошлый раз. Осторожно переставляя руки и ноги, он начал медленно продвигаться над воронкой. Скользкий мох под руками, то и дело норовил опрокинуть парня вниз, но тот упорно двигался вперед. С ногами было немного проще. Цепляясь краями кроссовок за выступы кирпича, Игорь удерживал массу тела на них, руками лишь сохраняя вертикальное положение. Парню казалось, что прошла целая вечность, а внизу лишь появилась воронка водоворота. Пот крупными каплями покатился по лицу Игоря. Одно неверное движение и он рухнет прямо туда. А то, что ничего хорошего его там не ждет, в этом он был уверен. Движение за движением. Шаг за шагом. Медленно, но неотступно. Спутники сзади молчат. И это хорошо, а то бы только отвлекали.

Вот воронка осталась позади, и Игорь попытался аккуратно опустить ногу на ближайший видневшийся на полу кирпич. Хорошо, что он не прыгнул, хотя такое желание у него было. Кирпич, на который наступил парень, скovyрнул-

ся под массой тела и, булькнув, скрылся под водой. Игорь резче, чем хотел, отдернул ногу, и из-за этого потерял равновесие. Закачавшись на вытянутых руках, он стремился вернуться в статическое состояние. Вроде бы нашел устойчивое положение, но пальцы правой руки, судорожно сжимающие край обросшего мхом кирпича, сорвались и, полностью потеряв равновесие, Игорь упал вперед. Он попытался правой ногой зацепиться за еще один кирпич на полу, но и тот сорвался в поток, не выдержав давления. Уже чувствуя, как нога погружается в воду и уходит куда-то вниз, Игорь сильно ударился левым коленом о следующий ряд кирпичей и, закусив от боли губу, выбросил вперед свое тело, распластавшись на скользком полу туннеля.

Лежа на груди, он чувствовал, как его обтекает вода, продолжающая свой путь к неведомой цели. Пояс на его запястье задергался, призывая, обратить на себя внимание.

– Ты там цел? Не расшибся? – Виктор, вытянувшись над опасным участком, в свете смартфона был похож на огромного паука. Ноги широко расставлены, одна рука упирается в стену, а другая, с зажатым в ней концом пояса, вытянута вперед.

Игорь нервно улыбнулся:

– Ты прям человек-паук.

– Значит цел. Отвязывайся. Сейчас Маша пойдет.

– Только аккуратнее, стены очень скользкие. И не прыгай на кирпичи, не выдержат.

– Хорошо, – отозвалась девушка.

Отвязав ремень и перекинув его Виктору, Игорь прошел чуть вперед, что бы не мешать Маше, но не слишком далеко. Вдруг понадобится помощь.

– Игорь, посвети сотовым, а то мне неудобно, – Виктор уже был готов страховать девушку.

– Хорошо.

Синяя подсветка его старенького мобильного еле-еле освещала пространство на несколько метров, но и этого было достаточно. Маша уже стояла у отмеченного Виктором края, где начинался обрыв. Не торопясь, она растопырилась между стен и аккуратно двинулась вперед, переставляя поочередно руки и ноги. И лишь только один раз Игорь увидел на ее лице гримасу, вызванную чрезмерным напряжением. Она качнулась, но совладала с равновесием и спокойно сошла на противоположный берег, к Игорю.

– Молодчина, – похвалил ее парень, отвязал ремень и передал сотовый. – Ты как, Вить, готов?

– Да. Поехали.

Виктору было сложнее всех. Из-за своего роста ему пришлось наклонить голову и согнуться в три погибели, но воронку водоворота он преодолел, так сказать, на раз. Опустившись рядом со спутниками, он тяжело вздохнул:

– Все, перерыв.

– Давайте хоть отойдем немного, – Маша со страхом смотрела на крутящуюся воду. – А то как-то страшно, вдруг пол

обвалится.

– Совсем даже непротив, – поддержал ее Игорь, развязывая ремень и определяя его по прямому назначению.

Пройдя несколько метров, молодые люди уселись прямо на пол туннеля. Ручеек, который после воронки превратился в тонкую струйку, едва превышал десяти сантиметров в ширину. Так что и ходить и сидеть можно было практически на сухом. А ревущая вода, казалось, находилась уже совсем рядом.

Бело-молочный в свете смартфона провал сбросного колодца появился из темноты так же неожиданно, как и водоворот до этого. Шум падающей воды оглушал молодых людей. Остановившись в паре метров от затянутого туманом стока, они некоторое время стояли, молча, думая о том, что же делать дальше. Отчего-то никто не решался первым переступить освещенную границу, за которой, наполненный клубящейся под порывами ветра водяной взвесью, переливался бледный туман.

Вновь проявляя решительность и не навязывая спутникам выбор, кто же будет первым, Игорь аккуратно обошел стоящих перед ним Машу и Виктора, сделал несколько шагов к провалу так, что почти скрылся за туманной взвесью, и с негромким вскриком отступил назад. Упершись спиной в вытянутую руку Вити, он обернулся к ребятам. Его лицо, искаженное от страха, было блее, чем экран Машиного смарт-

фона.

– Там кто-то сидит. На краю, – только и вымолвил он.

Вся компания сделала несколько шагов назад.

– Кто? – шепотом спросил Виктор. – Кто там?

Лицо Игоря из испуганного стало напряжено-задумчивым.

– А может, показалось? – сам себя спросил он.

– Да что тебе показалось? – уже громче спросил Виктор.

– Там, – и Игорь вновь побледнел, вспоминая увиденное. –

Там на краю за брызгами, – он вновь на мгновение замолчал. – Там вроде как ребенок сидит, что ли. А может, нет.

Маша отвернулась от парней и, что-то забормотав, отошла еще на несколько шагов назад.

– Какой ребенок? Откуда? – Виктор бешеными глазами смотрел на Игоря, но говорить громче не решался. – Какой к черту ребенок здесь? Ты свихнулся?

– Маленький ребенок, – Игорь отодвинулся в сторону, пропуская парня вперед. – Иди. Посмотри.

Виктор выхватил из руки Игоря мобильник и зашагал к краю. Его спина на мгновение скрылась в вихрящемся тумане, затем резко подалась назад и вновь пропала из виду.

Игорь с Машей некоторое время, молча, ждали, когда Виктор вернется. А затем раздался его голос:

– Идите сюда. Нет здесь никого.

Облегчено вздохнув, Маша двинулась в туман на голос парня. Игорь, немного успокоившись, то же отправился за

ребятами.

Белесый туман, подсвеченный светом смартфона, был похож на тусклый шар, который скрыв спины молодых людей, покотился к краю туннеля.

Виктор стоял возле самого края, за которым, ниспадая несколькими потоками, гремели искусственные водопады. Трехъярусный прямоугольный колодец принимал в себя сразу шесть стоков. Три стока с верхнего яруса и три со среднего, на котором находились молодые люди. Нижний ярус представлял собой емкость размерами пять на пять метров, в которой бурлила и клокотала сливающаяся сверху вода. Возле стены слева, с потолка колодца вниз спускались шесть труб, обросших непонятно чем.

Дышать этим гадким, перенасыщенным влагой воздухом было трудно и до тошноты неприятно.

– Это ты видел? – Виктор ногой указал на застрявшего в кусках арматуры пупса.

– Похоже, что да, – Игорь подошел ближе.

Детская игрушка, выполненная величиной чуть ли не в руку взрослого человека, зацепилась, когда-то белой, а сейчас серо-грязной кофточкой за торчащие из края стока куски арматуры. Развернута она была лицом к колодцу, и потому складывалось впечатление, что она просто сидит на краю и смотрит вниз.

– Жутковато, – Маша зябко передернула плечами. – Откуда она здесь?

– Не знаю, – Виктор хотел было столкнуть куклу вниз, но Маша его остановила.

– Оставь. Не надо.

– Куда теперь? – Игорь смотрел, как вода бурлит под бляющими от влаги стенами. Ни один из впадающих в колодец туннелей не выглядел привлекательно. Только их коллектор, видимо по причине размыва грунта, сбрасывал меньше всего воды.

– Наверх, – девушка указала рукой на широкий и высокий туннель на верхнем ярусе противоположной стены, из которого, непрерывным потоком, срывалась огромная масса воды.

– Ого! – удивился Виктор. – И как мы туда попадем?

– С этим-то как раз проблемы нет. Только вот искупаться придется, – Игорь рукой прочертил воображаемую линию, начинающуюся справа от их туннеля, затем продолжил ее по соседним стенам и под необходимым коллектором поднял вверх.

– Ну да! – Виктор только сейчас рассмотрел в постоянно двигающейся водяной взвеси металлические скобы, вбитые в стены колодца.

– Ребят, а вам не кажется, что уровень воды постепенно поднимается? – Маша смотрела на бурлящую внизу воду.

Парни опустили взгляды и через некоторое время утвердительно кивнули. Мутная вода, вспененная грязными шапками, и вправду, заметно поднималась по стенам колодца.

– Ну, отсюда-то, она должна куда-то уходить? – Маша все так же смотрела вниз.

– Должна, и уходит. Смотрите, – Игорь вновь указал ребятам на линии на стенах колодца. Самая верхняя линия, свидетельствующая, до какого уровня поднималась здесь вода раньше, находилась в полуметре ниже верхнего яруса.

– Мне кажется, нам надо торопиться, – встревожено сказал Виктор.

И в этот момент сбросной коллектор в противоположной стене на их ярусе, и так выдававший большой поток воды, взорвался пенной струей, как будто кто-то вытащил затычку в большой ванне, и вся вода ринулась в свободное пространство.

– Вот это, да! – только и смог сказать Игорь.

– Быстрее, быстрее! – Виктор подталкивал его к краю туннеля. – Ты первый. Маша за тобой, я сзади. Пошли, пошли!

Не дожидаясь следующих понуканий, Игорь перевесился на стену сбоку и схватился за ржавую и скользкую от воды скобу, которая была сделана из обыкновенной арматуры диаметром не больше указательного пальца. Стальной стержень выдержал вес парня, даже не шелохнувшись. Стараясь двигаться быстро, но, не забывая о безопасности, Игорь полез вдоль стены. Добрался до первого поворота, перехватился за следующую скобу и, чуть было, не сорвался вниз. Скоба вывернулась из бетонной стены, оставив с одной стороны ржавый обрубок.

– Твою мать! – выругался парень, цепляясь за арматуру выше.

За ним уже двигалась Маша, пытаясь не отставать. Виктор пока не лез на стену, освещая дорогу товарищам. Вода внизу поднималась все выше, неотступно догоняя стремящихся выбраться наверх молодых людей.

– Витя! – Маша окликнула так и не двинувшегося с места парня. – Ты чего? Давай за нами!

– А кто будет вам светить?

– Черт! – Маша чуть не заплакала от чувства страха за парня. Лезть с сотовым в руках по этим скользким скобам было и вправду чересчур рискованно. Но стоять на месте – это не выход.

– Не волнуйся! Поднимайся наверх! Видишь, Игорь уже у противоположной стены. Сейчас он поднимется, и будет светить своим сотовым, а я полезу за вами.

Вода, клопоча и пенясь, подобралась уже к порогу среднего яруса, и начала захлестывать за него, заставляя мерно бегущий ручеек остановиться, так и не достигнув своей цели.

– Игорь, поторопись, пожалуйста! – Виктор и сам начал немного нервничать.

А Игорь, между тем, уже пересек льющийся на голову поток из нужного им коллектора, и стал карабкаться вверх. Когда он поднялся к горловине туннеля, вода уже по щиколотку заливала ноги Вити. Игорь зацепился за край туннеля и, нащупав на его поверхности такую же скобу, как и в самом ко-

лодце, забрался в коллектор. Все еще держась за скобу, чтобы его не смыло бьющим по ногам потоком, парень вытащил из кармана мобильник и нажал на кнопку разблокировки. Экран был черным.

– У меня мобильник залило, – Игорь с сожалением смотрел на Виктора, который, стоя по колено в воде, наблюдал, как его девушка, также захлестывая ногами воду, уже карабкается по стене вверх.

– Кидай мне смартфон! – Игорь отпустил скобу, показывая своим видом, что готов его поймать.

Виктор, было собравшийся так и сделать, вдруг остановился. Он испугался, что промахнется, или Игорь не сможет поймать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.